Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1874

ГОДЪ ШЕСТЫЙ

МАРТЪ и АПРѢЛЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1874

ТОМЪ ШЕСТЫЙ

МАРТЪ и АПРѢЛЬ

МОСКВА.
Типография Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.
1874.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ВЪ 1874 ГОДУ
МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ЖУРНАЛА
„ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Юридическое Общество, для достиженія цѣли указанной уставомъ его, будетъ продолжать изданіе „**Юридическаго Вѣстника**“ и въ 1874 году, въ предѣлахъ прежней программы, состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, преимущественно же гражданскаго и уголовнаго, въ томъ числѣ и судопроизводства. Сюда будутъ относиться какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи.

II. Судебная практика въ которой предполагается помѣщать важнѣйшія судебныя рѣшенія, сопровождая ихъ практическимъ разборомъ.

III. Критика и библіографія замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

IV. Разныя извѣстія. Замѣтки. Корреспонденція **Вѣстника.**

Интересъ къ „**Юридическому Вѣстнику**“ увеличится и помѣщеніемъ въ немъ отчетовъ о ходѣ какъ подготовительныхъ работъ по устройству назначеннаго въ 1874 году съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ, такъ и занятій этого послѣдняго.

„**Юридическій Вѣстникъ**“ съ 1-го января 1874 года будетъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ въ Редакціи **Юридическаго Вѣстника**, на Малой Бронной, въ домѣ Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева** на Страстномъ бульварѣ, **И. П. Анисимова**, на Никольской улицѣ; **А. И. Глазунова**, на Кузнецкомъ мосту и **А. Л. Васильева**, на Страстномъ бульварѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ **И. П. Анисимова**, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

Редакторы: **В. Н. Лешковъ.**
А. М. Фальковскій.

О ПРЕДСТОЯЩЕМЪ СЪѢЗДѢ РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

Вслѣдствіе ходатайства Московскаго Юридическаго Общества о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ русскихъ юристовъ, Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, согласно съ мнѣніемъ Г. Министра Юстиціи, разрѣшилъ Обществу, сначала въ видѣ опыта, устроить только одинъ съѣздъ съ тѣмъ, чтобы на послѣдующіе съѣзды испрашивалось каждый разъ разрѣшеніе правительства и чтобы программа занятій каждаго съѣзда была предварительно представлена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для утвержденія, по надлежащемъ сношеніи объ оной съ Министерствомъ Юстиціи.

Разрѣшенный правительствомъ первый съѣздъ предполагается устроить на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Цѣль съѣзда заключается въ образованіи собранія для личнаго сближенія русскихъ юристовъ и для живаго между ними обмѣна мнѣній по вопросамъ уголовнаго, торговаго и гражданскаго права, судоустройства, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и тюремнаго дѣла и наконецъ для содѣйствія къ однообразному пониманію и примѣненію права.

2) Членами съѣзда могутъ быть:

а) Сенаторы Кассаціонныхъ и судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, Оберъ-Прокуроры и товарищи ихъ.

б) Судьи, прокуроры, судебные слѣдователи, присяжные повѣренные и нотаріусы.

и в) Члены академіи наукъ, профессоры и преподаватели юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, члены Юридическаго Общества и вообще лица, получившія высшее юридическое образованіе.

3) Желающіе поступить въ члены съѣзда приглашаются письменно заявить объ этомъ Юридическому Обществу, отъ котораго и получаютъ членскіе билеты, уполномочивающіе на участіе въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ съѣзда.

4) Для болѣе удобнаго распредѣленія занятій съѣздъ раздѣляется на отдѣленія:

а) Уголовнаго права и тюремнаго дѣла.

б) Гражданскаго и торговаго права.

в) Судоустройства и уголовнаго судопроизводства.

и г) Гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части.

5) Порядокъ внутренняго устройства отдѣленій съѣзда и общаго собранія ихъ, а также совѣщаній будутъ опубликованы по утвержденіи программы занятій съѣзда.

Для составленія же требуемой правительствомъ программы Юридическое Общество постановило: обратиться ко всѣмъ русскимъ юристамъ, сочувствующимъ предполагаемому устройству съѣзда, съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи къ 1 Мая 1874 года, въ Общество, ихъ мотивированныхъ предложеній по вышеупомянутымъ отдѣламъ права.

Съѣздъ предполагается имѣть въ Москвѣ въ зданіи Университета, 28, 29, 30 и 31 Декабря 1874 года.

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества.

25-го февраля 1874 года, Юридическое Общество, подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена В. Н. Лешкова, въ составѣ почетнаго члена Э. Н. Сумбула и дѣйствительныхъ членовъ: товарища предсѣдателя И. М. Остроглазова, секретаря А. М. Фальковскаго, кандидата его В. И. Кохнова, казначея М. Я. Шиллинга и кандидата его А. Ф. Марконета, Л. Ф. Снегирева, М. П. Соловьева, Н. М. Цвѣтаева, А. Е. Носъ, Д. П. Суходольскаго, С. О. Милашевича А. Н. Попова, А. М. Богдановскаго, Е. Е. Карцева, А. И. Харламповича, В. И. Высоцкаго, К. И. Савченко, П. М. Вышеславцева, Н. С. Богданова, М. П. Отрадинскаго, А. А. Бартенева, Д. К. Богачевича, П. В. Розенбергъ и Е. С. Котлярова, на основаніи 16 § устава, утвержденнаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16 октября 1871 года, имѣло свое годичное засѣданіе. Засѣданіе открылось прочтеніемъ В. Н. Лешковымъ, написанной къ этому дню рѣчи „наша средняя исторія Общественнаго права съ Петра Великаго, ея характеръ и раздѣленіе“.

Секретарь Общества А. М. Фальковскій прочелъ за истекшій годъ отчетъ о составѣ, средствахъ и дѣятельности Юридическаго Общества. Предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ, изложивъ вкратцѣ тѣ трудности съ которыми приходится бороться въ дѣлѣ какъ изданія журнала Общества, такъ и тру-

довъ послѣдняго, засвидѣтельствовалъ предъ собраніемъ о полезной дѣятельности Секретаря Общества А. М. Фальковскаго и предложилъ выразить ему, отъ Общества, признательность за его труды. Предложеніе было принято единогласно. На основаніи 7 и 8 §§ уст. изъ числа дѣйствительныхъ членовъ Общества избраны: предсѣдателемъ Общества почетный членъ В. Н. Лешковъ, товарищемъ предсѣдателя И. М. Остроглазовъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ на должность секретаря В. И. Кохновъ, казначеемъ М. Я. Шиллингъ и кандидатомъ на должность казначея А. Ф. Марконетъ. На основаніи 4 и 5 § уст. избраны были въ почетные члены Общества: докторъ правъ *Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ*; докторъ уголовнаго права Николай Степановичъ *Таганцевъ*, докторъ правъ *А. Лохвицкій*, доцентъ по каѳедрѣ уголовнаго права Иванъ Яковлевичъ *Фойницкій*, за труды ихъ по уголовному праву, и Адамъ Михайловичъ *Фальковскій* за труды по Юрид. Вѣст. и вообще за полезную дѣятельность въ Юридическомъ Обществѣ.

Выслушанный отчетъ Общество утвердило и постановило: членовъ Юридическаго Общества, не внесшихъ денежной платы въ теченіи двухъ лѣтъ, согласно 12 § уст. считать выбывшими изъ Общества. Но при этомъ предоставить имъ, если желаютъ сохранить за собою званіе членовъ Общества, внести свою членскую денежную плату въ кассу Общества, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, со дня выхода книжки Юридическаго Вѣстника, въ которой будетъ напечатано означенное постановленіе.

По минованіи же этого льготнаго срока, выбывшихъ по 12 § уст. членовъ изъ списка исключить и затѣмъ составить новый списокъ всѣмъ членамъ, дѣйствительно въ составъ Юр. Общества входящимъ.

По выслушаніи предложенія А. Ф. Марконета объ измѣненіи срока на представленіе русскими юристами, желающими принять участіе въ предстоящемъ съѣздѣ, мотивированныхъ предложеній, постановлено было: объявленный на этотъ предметъ срокъ, 1 мая 1874 года, оставить безъ измѣненія, пре-

доставя разрѣшеніе этаго вопроса избранной Обществомъ Коммиссіи устройства Съѣзда Юристовъ.

По выслушаніи предложенія Д. П. Суходольскаго о разъясненіи правила, выраженнаго въ 4 § уст., по которому дѣйствительными членами могутъ быть всѣ лица, *извѣстныя своею ученою или практическою юридическою дѣятельностью*, въ такомъ смыслѣ, что всякій желающій поступить въ дѣйствительные члены Общества, предварительно обязанъ посѣщать засѣданія Общества, принимать участіе въ обсужденіи юридическихъ вопросовъ, или представить рефератъ по какому либо вопросу, или же заявить предъ Обществомъ свою дѣятельность, принявъ участіе помѣщеніемъ трудовъ своихъ въ Юрид. Вѣстникѣ, Собраніе, выразивъ сочувствіе къ дѣлу болѣе основательнаго и строгаго обновленія состава Общества, постановило: окончательное обсужденіе этаго предложенія имѣть 4 марта сего года *).

Въ заключеніе въ виду, 1), заявленій, присланныхъ отъ Гг. Немиричъ и Галецкаго и 2), и полученныхъ отъ II отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и другихъ учрежденій книгъ въ пользу Общества, постановлено: 1) увѣдомить г. Немиричъ, что его предложеніе не можетъ быть принято, какъ выходящее изъ предѣловъ программы предстоящаго Съѣзда Юристовъ въ Москвѣ, а г. Галецкаго, что частные повѣренные не могутъ быть членами Съѣзда и представлять предложеній на обсужденіе послѣдняго и 2) благодарить II отд. Собственной Его Величества Канцеляріи и проч. учрежденія за пожертвованныя обществу книги и другія изданія.

---

* Постановленіемъ 4 марта, прежній порядокъ оставленъ въ силѣ.

ОТЧЕТЪ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за 1873 годъ.

(Читанный секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ въ годичномъ засѣданіи 25 февраля 1874 года).

„Мм. Гг!

Въ годичномъ засѣданіи, 19 февраля 1873 года, на основаніи 4, 5, 7 и 8 §§ Устава, утвержденнаго 16 октября 1871 года г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Обществомъ избраны были на должности предсѣдателя Общества почетный членъ В. Н. Лешковъ, товарища предсѣдателя И. М. Остроглазовъ, секретаря А. М. Фальковскій, кандидата на должность секретаря В. И. Кохновъ, казначея М. Я. Шиллингъ и кандидата на должность казначея А. Ф. Марконетъ, въ почетные члены: 1) членъ Государственнаго Совѣта и докторъ гражданскаго права К. П. Побѣдоносцевъ, 2) сенаторъ и докторъ правъ Н. В. Калачевъ, 3) заслуженный профессоръ и докторъ правъ С. И. Баршевъ 4) заслуженный профессоръ и докторъ гражданскаго права И. Д. Бѣляевъ и 5) товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда Э. Н. Сумбулъ.

Съ 19 февраля 1873 года, на основаніи 6 § того же устава, поступили въ дѣйствительные члены: 1) 26 февраля: предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Моршанскаго Округа князь Николай Николаевичъ Чолокаевъ, 2) присяжный по-

вѣренный Михаилъ Ивановичъ Старковскій. 3) 5 марта: помощникъ присяжнаго повѣреннаго кандидатъ правъ Александръ Васильевичъ Лешковъ. 4) 12 марта: мировой судья г. Серпухова Дмитрій Николаевичъ Жуковъ, 5) присяжный повѣренный Александръ Дементьевичъ Колоколовъ. 6) 30 апрѣля: кандидатъ правъ Леонидъ Петровичъ Блюммеръ, 7) присяжный повѣренный Владиміръ Сергѣевичъ Пагануцци, 8) кандидатъ правъ Евграфъ Евграфовичъ Карцевъ, 9) 10 сентября: кандидатъ правъ Федоръ Ефимовичъ Клейстъ. 10) кандидатъ правъ Александръ Николаевичъ Лавровъ. 11) 17 сентября: судебный слѣдователь г. Владиміра Михаилъ Ефимовичъ Клейстъ. 12) 29 октября: кандидатъ правъ Николай Семеновичъ Тростянскій, 13) кандидатъ правъ Иванъ Васильевичъ Лебедевъ, 14) дѣйствительный студентъ Людовикъ Николаевичъ Смирновъ. 15) присяжный повѣренный Александръ Ивановичъ Тибеньковъ. 16) 19 ноября: дѣйствительный студентъ Сергѣй Петровичъ Дмитровскій. 17) 3 декабря: членъ Московскаго Окружнаго Суда Александръ Ивановичъ Григоровичъ.

Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ Общества состоитъ 256, членовъ соревнователей 16 и членовъ корреспондентовъ 11. Въ званіи почетныхъ членовъ состоятъ: предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ, членъ Государственнаго Совѣта К. П. Побѣдоносцевъ, сенаторъ Н. В. Калачевъ, заслуженный профессоръ С. И. Баршевъ и товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго суда Э. Н. Сумбулъ.

Изданіе журнала Общества „Юридическій Вѣстникъ“ продолжалось въ 1873 году подъ редакціею В. Н. Лешкова и А. М. Фальковскаго, при участіи В. И. Кохнова, въ качествѣ постояннаго сотрудника, утвержденнаго въ этомъ званіи Обществомъ.

Вслѣдствіе постановленія Общества о предоставленіи гг. редакторамъ журнала въ дѣлѣ ускоренія выхода его дѣйствовать по своему усмотрѣнію, въ 1873 году выпущены 10, 11 и 12 книжки Юридическаго Вѣстника за 1872 годъ и всѣ книжки 1873 года. Книжка 1 и 2 текущаго года въ печати и выйдетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Приводимый ниже перечень содержанія Юрид. Вѣстника, вышедшаго въ 1873 году, болѣе чѣмъ на 1300 стр. или 81 печат. лист. доказываетъ съ одной стороны, что журналъ главнымъ образомъ, поддерживается трудами членовъ Юридическаго Общества, а съ другой, и значительность денежной суммы, необходимой для его исправнаго и своевременнаго изданія въ свѣтъ, не говоря уже о вознагражденіи авторовъ статей, на случай, еслибы таковое ими потребовалось. Не смотря однако на все это, Общество для достиженія цѣлей, указанныхъ 1 § Уст., могло бы располагать и достаточными духовными и матеріальными силами, въ виду многочисленнаго его состава, если бы члены Общества принимали болѣе дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ его и своевременно вносили членскую денежную плату. Не исполненіе послѣдней обязанности предусмотрѣно § 12 Уст. Что же касается личнаго участія въ занятіяхъ Общества, то оно можетъ получить свое осуществленіе только сознаніемъ чувства долга, добровольно каждымъ изъ членовъ на себя принимаемаго, и живымъ сочувствіемъ общественному дѣлу, безъ котораго оно и не мыслимо. Слова, мною сказанныя не суть жалоба, протестъ или напоминаніе—нѣтъ, это просто просьба, справедливое ходатайство, обращенное къ уважаемымъ сочленамъ, поддержать, по мѣрѣ возможности, своимъ дорогимъ вниманіемъ рабочую силу Общества, во имя той высокой цѣли, для которой и нашъ союзъ получилъ бытіе и утвержденіе правительства.

Къ составу должностныхъ лицъ Юридическаго Общества принадлежатъ и члены Коммиссіи устройства съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ, избранные изъ числа дѣйствительныхъ членовъ Общества, а именно: предсѣдатель Коммиссіи С. И. Баршевъ, товарищъ предсѣдателя В. Н. Лешковъ, секретарь Н. П. Ляпидевскій, по случаю отъѣзда котораго за границу, съ научною цѣлью, на мѣсто его, избранъ членъ Коммиссіи А. М. Фальковскій; члены Коммиссіи В. И. Кохновъ, И. М. Остроглазовъ, Л. Ф. Снегиревъ, Э. Н. Сумбулъ и С. С. Шайкевичъ *).

*) Послѣ годоваго засѣданія Общества составъ Коммиссіи усиленъ избраніемъ въ члены ея: М. П. Соловьева и Н. М. Цвѣтаева. Ред.

Мысль о пользѣ и необходимости съѣздовъ въ Россіи высказана была, первый разъ, въ средѣ Юридическаго Общества уважаемымъ нашимъ сочленомъ С. И. Баршевымъ. Затѣмъ, въ засѣданіи Общества, 18 сентября 1872 года, образована была Коммиссія, которая и составила проектъ организаціи перваго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

Правительство разрѣшило Обществу, сначала въ видѣ опыта, устроить только одинъ съѣздъ съ тѣмъ, чтобы на послѣдующіе съѣзды испрашивалось каждый разъ разрѣшеніе и чтобы программа занятій каждаго съѣзда была предварительно Представлена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для утвержденія по надлежащемъ сношеніи объ оной съ Министерствомъ Юстиціи.

Вслѣдствіе чего, 24 сентября 1873 года, Общество постановило: 1) Общій съѣздъ русскихъ юристовъ созвать на 28—31 декабря 1874 года, 2) отъ имени Общества просить Гг. Министровъ Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и ихъ товарищей принять участіе въ съѣздѣ русскихъ юристовъ; 3) Гг. сенаторовъ кассаціонныхъ и судебныхъ департаментовъ Правительствующаго сената, оберъ-Прокуроровъ и ихъ товарищей, предсѣдателей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, прокуровъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищей, прокуроровъ окружныхъ судовъ, предсѣдателей соединенныхъ палатъ и губернскихъ судовъ, губернскихъ прокуроровъ, предсѣдателей совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, почетныхъ членовъ Юридическаго Общества, профессоровъ юридическихъ факультетовъ и вообще извѣстныхъ ученыхъ, а также юристовъ высшихъ административныхъ установленій пригласить на съѣздъ особыми письмами; 4) о приглашеніи же всѣхъ другихъ лицъ, имѣющихъ право быть членами съѣзда, публиковать въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ; 5) Гг. попечителя Московскаго учебнаго округа и ректора Московскаго университета просить принять участіе въ съѣздѣ и оказать содѣйствіе въ сдѣланіи для съѣзда всѣхъ нужныхъ приготовленій и распоряженій и, въ особенности, въ разрѣшеніи имѣть собраніе русскихъ юристовъ въ зданіи Московскаго университета и 6) для составленія программы заня-

тій съѣзда пригласить русскихъ юристовъ, къ 1 мая 1874 года, прислать въ Юридическое Общество заявленія о тѣхъ вопросахъ уголовнаго, гражданскаго и торговаго права, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части, судоустройства и тюремнаго дѣла, которыя они сочтутъ необходимымъ подвергнуть обсужденію собранія юристовъ.

Во исполненіе этаго постановленія сдѣлана публикація о съѣздѣ русскихъ юристовъ, съ изложеніемъ и главныхъ основаній организаціи его; изготовлены печатные бланки пригласительныхъ писемъ, которые и будутъ разосланы по назначенію.

Отъ Г. предсѣдателя Общества почетнаго члена В. Н. Лешкова представлены три мотивированныя предложенія: 1) о правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго; 2) о тюремномъ дѣлѣ, какъ составной части права общественнаго, а не уголовнаго и 3) о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, какъ ученіи и учрежденіи принадлежащихъ исключительно къ области уголовнаго права.

Бывшій профессоръ, а нынѣ адвокатъ при апелляціонномъ судѣ Цар. Польс. Юлій Немиричъ, препровождая конспектъ своего сочиненія: „*Философія исторіи права*“ (на Польс. языкѣ) обратился въ Общество о разрѣшеніи ему произнести рѣчь на съѣздѣ русскихъ юристовъ, имѣющую цѣлью раскрыть: 1) основныя начала русскаго права, въ сравненіи его съ правомъ другихъ славянскихъ народовъ и въ особенности польскаго: 2) положеніе занимаемое русскимъ законодательствомъ въ системѣ другихъ Европейскихъ законодательствъ, въ историческомъ ихъ развитіи и 3) быстрое развитіе русскаго права, современи вступленія на престолъ Императора Александра II.

Адвокатъ В. И. Галецкій обращаясь въ Общество о разъясненіи ему вопроса: имѣютъ ли право быть членами съѣзда лица, не получившія высшаго юридическаго образованія, но практически изучившія законовѣденіе, просить въ случаѣ утвердительнаго на оный отвѣта, дозволить ему прислать моти-

вированное предложеніе „о замѣнѣ разнородности денежныхъ обязательствъ—однороднымъ".

Отъ нѣкоторыхъ лицъ уже поступили заявленія о желаніи быть членами съѣзда.

Юридическое общество въ засѣданіи 17 декабря 1873 г. постановило: избранную коммиссію для составленія проекта съѣзда русскихъ юристовъ возобновить, въ прежнемъ ея составѣ,и передать въ оную всѣ заявленія, поступившія на имя общества, поручивъ ей дѣло устройства предполагаемаго съѣзда и разсмотрѣніе всѣхъ бумагъ какія поступятъ по этому предмету и наконецъ составленіе программы занятій съѣзда. На основаніи этого постановленія коммиссія уже открыла свои дѣйствія.

Состояніе денежной кассы въ непосредственномъ распоряженіи редакціи находящейся:

Поступило съ 17 февраля 1873 года:			
Отъ казначея общества	304	р. —	к.
Отъ коммис. общества:			
Анисимова	166	„ 50	к.
Соловьева	105	„ —	„
Васильева	21	„ 50	„
Глазунова	71	„ —	„
Отъ подписчиковъ въ редакціи	713	„ 35	„
Отъ редактора А. М. Фальковскаго, съ разрѣшенія общества, заимообразно, съ правомъ возврата	1806	„ 16	„
Итого	3187	р. 51	к.

Изъ нихъ израсходовано по 17 февраля 1874 года:

а) Въ контору типографіи Каткова и К°.	2334	р. 39	к.
б) Въ контору Университетской типографіи за напечатаніе объявленій	219	„ 82	„
в) Въ контору Русск. вѣдом.	36	„ —	„
г) Въ контору Современ. Извѣст.	28	„ 80	„
д) Корректору	132	„ —	„

е) Постоянному сотруднику журнала. . . .	376	р. 50	к.
ж) Въ Московскій почт.	10	„ —	„
з) Автору за статьи	20	„ —	„
и) Наборщикамъ	24	„ —	„
к) За объявленія почт.	6	„ —	„
Итого	3187	„ 51	„

Состояніе кассы юридическаго общества:

Оставалось отъ 17 февраля 1873 года:

Наличными	49	р. 32	к.
5% билетами	1100	„ —	„

Къ тому поступило:

Членскихъ взносовъ и за дипломы.	547	„ —	„
% по купонамъ	55	„ —	„
Отъ продажи старой бумаги	10	„ 32	„
Штрафныхъ за несвоевременное доставленіе книгъ	—	„ 20	„
Собранные въ пользу гг. студентовъ Московскаго университета	52	„ —	„
Всего съ остаточ. . . .	713	р. 84	к.
5% билетами.	1100	„ —	„

Изъ нихъ израсходовано по 17 февраля 1874 года:

а) Передано въ редакцію Юридич. Вѣстн.	304	„ —	„
б) На припечатаніе объявленій.	9	„ 80	„
в) На жалованье письмоводителю	120	„ —	„
г) На жалованье сторожамъ	108	„ —	„
д) На награды	40	„ —	„
е) На канцелярскіе матеріалы и хозяйство	28	„ 35	„
и ж) выдано гг. студентамъ	39	„ —	„
Итого	649	р. 15	к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1874 года:

Наличными	64	р. 69	к.
% билетами	1100	„ —	„

Библіотека общества, находящаяся въ завѣдываніи дѣйствительнаго члена А. Ф. Марконета, увеличилась пожертвованіемъ отъ II отд. собственной Его Величества послѣднихъ книгъ Пол. Собр. Зак. присылкою отъ Демидовскаго Юридическаго лицея „Временника," отъ Харьковскаго университета „Протоколовъ засѣданій Совѣта," а также получаемыми въ обмѣнъ на Юридическій Вѣстникъ разными повременными изданіями, журналами и газетами.

Засѣданія Общества въ 1873 году были по понедѣльникамъ.

Этотъ краткій очеркъ дѣятельности Юридическаго Общества, за истекшій годъ, завершившійся дѣломъ устройства въ Москвѣ съѣзда русскихъ юристовъ и послѣдовавшимъ на это разрѣшеніемъ Правительства, не доказываетъ ли возрастающей, мало по малу, энергіи и самодѣятельности нашего союза, направленнаго ко благу общему.

Я имѣлъ честь, въ одномъ изъ нашихъ засѣданій, обратить вниманіе Общества, что преобразованіе судебной части въ Россіи на новыхъ началахъ, поставившихъ себѣ цѣлью возвысить судебную власть и утвердить уваженіе къ закону, ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ имѣло и то, что недостатки системы, стройности и единства нашего матеріальнаго права выступили, болѣе чѣмъ когда нибудь, наружу и сознаны русскими юристами, какъ теоретиками, такъ и практиками, что сомнѣнія и противорѣчія въ пониманіи и примѣненіи отечественнаго права умножаются непрерывно и вносятъ въ жизнь шаткость и непостоянство юридическаго порядка, что и въ теоріи тотъ же недостатокъ единства въ основныхъ ея положеніяхъ, что возможность выдти изъ этого положенія, прежде всего, зависитъ отъ взаимнаго сближенія, общенія русскихъ юристовъ и отъ живаго между ними обмѣна мнѣній по спорнымъ вопросамъ права и что наконецъ опытъ другихъ народовъ служитъ подтвержденіемъ пользы собраній юристовъ.

Чѣмъ же объяснить то недовѣріе и равнодушіе, которыми встрѣчено столь полезное предпріятіе, какъ съѣздъ

юристовъ, со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей періодической прессы.

Неужели, въ нашъ вѣкъ, нужно доказывать пользу общенія и живаго обмѣна мыслей, знаній и опыта между людьми одного дѣла? Въ самомъ ли дѣлѣ, Россія Александра II, обновленная во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и усвоившая столько великихъ, современныхъ началъ права, не имѣетъ ни ученыхъ юристовъ, ни даже юристовъ-практиковъ, сближеніе которыхъ между собою, не могло бы принести нѣкоторой пользы дальнѣйшему развитію отечественнаго права?

На подобные вопросы, лучше всего, отвѣтитъ само собраніе Русскихъ Юристовъ, а не разглагольствованія журналистики, усматривающей крайне бѣдственное положеніе русской юридической интеллигенціи.

Еще два слова въ память одного изъ уважаемыхъ нашихъ сочленовъ—почетнаго члена Ивана Дмитріевича Бѣляева; оказанныя имъ заслуги по исторіи жизни русскаго народа и права, неутомимая энергія и дѣятельность, посвященная общему благу, достаточно вамъ извѣстныя, несомнѣнно должны вызвать искреннюю нашу благодарность покойному И. Д. Бѣляеву, имя котораго не разъ будетъ, съ уваженіемъ и любовью, произносимо въ нашихъ собраніяхъ, посвящаемыхъ посильному служенію отечественному праву.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

Въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1873 г. напечатаны:

I.

Обсужденія юридическимъ обществомъ вопросовъ:

а) Можетъ ли быть сдѣланъ вводъ во владѣніе, на основаніи давностнаго владѣнія, въ охранительномъ порядкѣ? (кн. I стр. 7—43)

б) Земскія собранія имѣютъ ли право гласнаго обсужденія предшествовавшей дѣятельности мировыхъ судей, при новыхъ выборахъ на эту должность? (кн. 5—6, стр. 3—15).

в) Взломъ замка у церковнаго столба, съ цѣлью похищенія кружки съ деньгами, тамъ хранившейся, составляетъ ли покушеніе на кражу со взломомъ когда, въ моментъ взлома, кружки на мѣстѣ не оказалось? (кн. 9, стр. 3—30.

г) Спокойное, непрерывное, безспорное и въ видѣ собственности владѣніе въ продолженіи менѣе десяти лѣтъ, за смертью владѣльца, можетъ ли быть зачтено въ пользу его наслѣдника, если сумма лѣтъ владѣнія послѣдняго съ суммою лѣтъ владѣнія наслѣдователя составляетъ десять лѣтъ? (кн. 10—11, Стр. 3—32)

Вопросы эти разрѣшены обществомъ: 1-й отрицательно 2-й отрицательно, 3-й единогласно и утвердительно и 4-й утвердительно.

II.

Теоретическія изслѣдованія:

а) Объ основномъ источникѣ и общемъ строѣ права. В. Н. Лешкова (кн. I, стр. 44—55)

б) Вопросъ о субъектахъ и объектахъ права. Его же. (Кн. 2, стр. 62—71)

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ:

а) Обычно-народныя и княжескія наказанія по древне русскому уголовному праву А. А. Сухова. (Кн. 7—8, стр. 44—116; кн. 9, стр. 31—46; кн. 10—11 стр. 33—71; кн. 12, стр. 5—60. Продолженіе будетъ въ 1874 году).

б) *О съѣздахъ Германскихъ юристовъ,* В. И. Кохнова (кн. I, стр. 1—13 совр. отд).

в) *Съѣздъ Германскихъ юристовъ въ Берлинѣ 27—30 Августа 1860 года.* По запискамъ пр. М. Унив. В. Н. Никольскаго. В. А. Умова (кн. 3—4, стр. 51—86).

IV.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

а) *О недѣйствительности брака и разводѣ по законамъ Царства Польскаго.* М. П. Соловьева (кн. I, стр. 56—82; кн. 2, стр. 17—42; кн 3—4, стр. 7—51); кн. 5, стр, 16—56; и кн. 7—8, стр. 3—43).

б) *Русское гражд. матер. и процес. право въ связи съ касс. практ. Сената.* С.—(кн. 3—4, стр. 37—47, совр. отд).

в) *Вознагражденіе за вредъ и убытки, какъ послѣдствіе гражданскаго правонарушенія.* А. Д. Любавскаго. (Кн. 10—11, стр. 72—110).

г) *О правѣ соучастниковъ на раздѣлъ общаго имѣнія.* М. А. Града. (Кн. 12, стр. 32, юрид. зам).

д) *О родѣ или родствѣ кровномъ (ком. на 196 и 1112 ст. зак. гражд).* А. Д. Любавскаго. (Кн. 12, стр. 42, юрид. зам.).

V.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:

а) *По поводу проекта устава коммерческаго судопроизводства.* Л. Ф. Снегирева. (Кн. 2, стр. 43—61).

б) *151, 452 и 409 ст. уст. гражд. суд. юрид. замѣтки.* А. М. Фальковскаго. (Кн. 5—6, стр. 64—104; кн. 7—8 стр. 85—104; кн. 9, стр. 57—63; кн. 10—11, стр. 61—68. Продолж. будетъ).

VI.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО:

а) *Извлеченія изъ кассаціонныхъ рѣшеній.* А. Н. Попова. (Кн. 1, стр. 46—73).

б) *Изъ судебной практики 338 и 542 ст. улож. о нак., 6 и 7 ст. уст. угол. суд.*—И. С. (кн. 3—4, стр. 82—89).

в) *Обозрѣніе замѣч. рѣш. по дѣлу кн. Ѳ. Голицына.* См. юрид. общ. (Кн. 7—8, стр. 69.).

VII.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО:

а) *Задача о предметѣ судебныхъ преній.* П. Н. Обнинскаго (кн. 5—6, стр. 57—70).

б) *Призывъ свидѣтелей и экспертовъ по проекту Германскаго уголов. судопр. 1873 года перев. съ нѣмец.* Г. Г. Щуровскаго. (Кн. 5—6, стр. 71—77).

в) *Слѣдуетъ ли производить предварительныя слѣдствія по дѣламъ о самоубійствахъ и покушеніяхъ на оныя, когда нѣтъ въ виду участниковъ, указанныхъ 1475 и 1476 ст. улож. о наказ.?* П. А. Аревкова. (Кн. 9, стр. 50—56; кн. 10—11, стр. 44—61, юрид. зам).

VIII.

ТЮРЕМНОЕ ДѢЛО:

а) *Исправительный пріютъ малолѣтнихъ, устроенный обществомъ распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ.* И. Ю. Некрасова. (Кн. 7—8, стр. 1—21).

IX.

СУДОУСТРОЙСТВО:

а) *Нужно ли сохранить волостные суды?* К. Н. Ж—(кн. 2, стр. 1—20 кн. 3—4, стр. 21—36).

б) *О волостныхъ судахъ.* Т. А. Тергукасова. (Кн. 5—6, стр. 1—8).

в) *Новѣйшая адвокатура, (съ франц.)* В. И. Кохнова. (Кн. 12, стр. 69—84),

X.

КРИТИКА И ЮРИДИЧ. БИБЛІОГРАФІЯ:

а) *Röm. und kan. Recht im deut. Mittelalter, v. D—r. Th. Muther. Pandecten, v. D—r. Baron. La quest. e'lect en Europe elten Amerique, par E. Naville.*

Государ. и общ. и право, съ точки зрѣнія зак. народ. хозяйства Г. Симоненко Selfgovernment ect. v. D—r. R. Gneist.

Reorgan. der inneren Verwalt. Preusens auf Grundlage der Selbstverwaltung v. H. Graf de Grais.

Selbstverwal. in Preus. ect v. D—r. Tellkam. и о Самоуправленіи. Кн. А. Васильчикова. Т. III. В. Н. Лешкова. (Книж. 3—4, стр. 48—64). Л. К.)

б) *Criminalist. und nationalökon. Gesichtpinkte mit Rücksicht auf das deutche Reichsstrafrecht. V. W. C. Walhlberg.* (Тамъ же стр. 65—68).

б) *Полицейс. право. Г. Андреевскаго.* В. Н. Лешкова. (кн. 5—6, стр. 9—46).

в) *Понятіе клеветы, какъ преступл. противъ частн. лицъ. М. В. Духовскаго* В. Н. Лешкова. (Кн. 7—8, стр. 22—26).

г) Archivio giuridico diretto da Filippo Serafini.

Séances et travaux de l'academie des sciences morales et politiques.

Zeitschrift des Bernischen Juristen—Vereins, V. R. G. König.

Обзоръ законод. юриспр. и административ. права на швед. яз. К. Неймана.

Archiv des Norddeutchen Bundes des Zollvereins, v. D—r. A. Koller.

Beiträge zur Erläuterung des deutchen Rechts, in besonderer Beziehung auf das preussiche Recht mit Einchluss des Handels und Wechselrechts, v. D—r. Gruchot.

Deutcher Juristen—Kalender. Jl. circolo giuridico, Rivista di legislazione e giurisprudenza, diretto dai signori Sampolo, di Menza, Nobile, Pautano Cucciae.

Cours des Pandectes par S. E. Goudsmit.

Corpus juris civilis. Editio Stereotypa. Berolini, apud Weidmanos.

Jnstitutioni di Diritto Romano comparato al diritto civile patrio, coc. Filippo Seratini.

Le droit international de l' Europe, par A. Heffter, traduit par G Bergton.

Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt, v. D—r. S. C. Bluntschli.

Le droit intern. Téorique et pratique ect. par Ch. Calvo.

La vita del' popoli dell' Umanita. S. Mancini.

Discurso Sobre la historia del del diritto international ect. D—r. Onesimo Leguizamon.

Idea fondamentale del diritto e del diritto internationale in specie. E Brusa.

Desarmer ou d'echoir pas le Cte E. Gobles d'Alviella.

La nouva Jtaliae la Sua Constitutione. Studii di Tommaso Arabia.

Das böhmische Staatrecht ect. von D—r. Hugo Toman.

Della prima camera nel Panlamenti e del Senato regno d' Jtalia Vidari.

Sammlung Kirchenrechtlicher Abhandlungen, v. D—r. A. von Scheurl.

Das deutche Reich und die Constituirung der christlichen Religionsparteien auf den Herbstversammlungen im Jahre 1871 v. Holtzendorff.

Staat oder Geistlichkeit in der Schule.

L' Eglise et l'Etaten France sous le regne—de Henri IV et la régence de Marie de Medicis pas F. T. Perrens. Сос. Богачевичъ и Снегиревъ (кн. 9, стр. 1—30).

д) *Замѣтка о первобытныхъ правахъ женщинъ, по теоріи Бахофена,* В. Н. Лешкова. (Кн. 12, стр. 1—7).

и е) *Деньги въ области гражданскаго права.* П. Цитовича. С. М. (Кн. 12. стр. 7—13).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

а) *Куяльницко-Хаджибейскій Соляной промыселъ.* К. Д. Кавелина. (Кн. 3—4, стр. 1—21; кн. 10—11, стр. 1—18).

б) *Процессъ Генерала Трошю противъ де-Вильмесана и Огюста Витю.* (съ франц.) (обвиненіе въ диффамаціи и оскорбленіи представителя общ. власти). Кн. 3—4, стр. 87; кн. 5—6, стр. 78; кн. 10—11, стр. 111. Продолженіе будетъ).

в) *Рѣш. Касс. Деп. Правительствующаго Сената и др. суд. уст. по разнымъ дѣламъ.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ:

Нѣсколько словъ о нашей провинціальной адвокатурѣ. Сообщено кн. Н. Н. Чолокаевымъ (кн. I, стр. 74).

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

18 февраля 1874 г.

Юридическое Общество имѣло обсужденіе вопроса, предложеннаго дѣйствительнымъ членомъ В. И. Кохновымъ: „вправѣ ли хозяинъ, во всякое время дня и ночи, отказать нанятой прислугѣ въ жилищѣ и содержаніи, если таковое было условлено, и слѣдуетъ ли удаленіе имъ прислуги, въ ночное время, считать самоуправствомъ?“ (т. X. Зак. Гражд. ч. I ст. 2223 и Уст. о нак. нал. мир. Суд. ст. 142).

Секретарь Общества А. М. Фальковскій сообщилъ собранію, что предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ, по болѣзни, не могъ прибыть въ засѣданіе и поручилъ ему, по случаю подлежащаго обсужденію Общества вышеозначеннаго вопроса, обратить вниманіе на предлагаемыя имъ соображенія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что юридическія отношенія, вытекающія изъ договора личнаго найма, не опредѣляются, исключительно, по началамъ гражданскаго права, что для полноты ученія о личномъ наймѣ необходимо обратиться къ принципамъ семейнаго права, къ основаніямъ нравственнаго содержанія, въ виду органической связи между домашнею прислугою и семьею и домомъ, что въ положительномъ нашемъ законодательствѣ эта двойственная природа юридической сдѣлки личнаго найма не игнорируется, такъ наприм. ст. касающіяся Евреевъ, Малакановъ, личныхъ

отношеній хозяина и слугъ (2229 и 2230) очевидно имѣютъ въ основѣ своей не одно только договорное отношеніе и что установленіе у насъ яснаго теоретическаго понятія о самоуправствѣ составляетъ не только вопросъ дня, но и необходимое условіе для устраненія и въ будущемъ произвольныхъ воззрѣній, порождаемыхъ отсутствіемъ опредѣленія въ 142 ст. Уст. о нак. состава этого проступка.

Затѣмъ засѣданіе Общества было открыто товарищемъ предсѣдателя И. М. Остроглазовымъ.

В. И. Кохновъ. Вопросъ, для обсужденія котораго мы сегодня собрались, именно: „вправѣ ли хозяинъ, во всякое время дня и ночи, отказать нанятой прислугѣ въ жилищѣ и содержаніи, если таковое было условлено, и слѣдуетъ ли удаленіе имъ прислуги, въ ночное время, считать самоуправствомъ,"—собственно говоря состоитъ изъ двухъ вопросовъ: одного чисто гражданскаго и другаго исключительно уголовнаго. Займемся сначала гражданскою стороною дѣла: вправѣ ли хозяинъ, во всякое время дня и ночи, отказать прислугѣ въ жилищѣ и содержаніи. Что хозяинъ, конечно, вправѣ отказать прислугѣ, т. е. прекратить съ нею всякія отношенія по услугамъ, объ этомъ, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Въ сферѣ гражданскихъ отношеній, объемлющихъ собою и отношенія домохозяина къ прислугѣ, никакое принужденіе продолжать, вопреки воли одной стороны, дальнѣйшія отношенія съ другой, безъ всякаго сомнѣнія, немыслимо. Но вопросъ не въ этой волѣ, а въ томъ когда и при какихъ условіяхъ воля эта можетъ воспріять свою, такъ сказать, безнаказанную силу. Извѣстная часть нашей журналистики, прямо или косвенно затрогивавшая еще такъ недавно этотъ вопросъ, именно тѣмъ-то и погрѣшила, что возводя волю въ непререкаемое право господина по отношенію къ зависимому отъ него слугѣ, не хотѣла уже далѣе видѣть ничего, что могло бы сдерживать проявленія, въ каждый данный моментъ, этой господской воли. Правда, что становясь на почву нашего положительнаго законодательства, не легко сразу найти точныя, опредѣлительныя указанія, обезпечивающія прислугѣ „жилище и содержаніе" у своего гос-

подина не только на слѣдующій день, но даже и на каждый наступающій часъ. Произвола господина, основательнаго или неосновательнаго, совершенно достаточно, — такой смыслъ получали доводы одной весьма вліятельной газеты, — чтобы отказать слугѣ, и не только отказать, но даже силою устранить его, во всякое время дня и ночи, изъ своего дома. Такое энергическое право выводили изъ принципа полновластія домовладыки въ своемъ домѣ, принципа, на которомъ главнымъ образомъ зиждется неприкосновенность и возбраняемое каждому нарушеніе спокойствія собственнаго жилища. Въ подкрѣпленіе своего взгляда ссылались даже на состоявшіяся рѣшенія кассаціоннаго департамента сената, въ одномъ изъ которыхъ, (71—767 дѣло Филенео) Сенатъ, отвергая въ данномъ случаѣ самоуправство, даже при наличности „нѣкотораго рода физическаго насилія," совершенно раціонально высказывается, что „ни отъ какого хозяина квартиры нельзя требовать, чтобы онъ терпѣлъ у себя въ квартирѣ всякаго пришедшаго къ нему, и законъ никого не обязываетъ для удаленія лицъ, присутствующихъ въ его жилищѣ, вопреки ясно выраженному имъ, какъ хозяиномъ, желанію, обращаться къ содѣйствію полицейскихъ или иныхъ законныхъ властей." Но всѣ эти доводы и разсужденія, имѣющіе свою цѣну въ надлежащемъ случаѣ, не имѣли никакого примѣненія, къ вопросу правильное разрѣшеніе котораго занимаетъ теперь Юридическое Общество.

Итакъ мы говоримъ, что произвола господина, повидимому, совершенно достаточно, при отсутствіи опредѣлительныхъ правилъ по этому предмету въ сферѣ нашего законодательства, чтобы признать за домовладыкою право лишить во всякое время нанятаго слугу жилища и содержанія. Такъ оно дѣйствительно кажется съ перваго взгляда. Но всматриваясь внимательнѣе въ наши законоположенія о личномъ наймѣ (2201—2290 ст. т. X ч. 1 Зак. Гражд.,) нельзя не прійти къ совершенно иному взгляду на дѣло. Такъ въ 2238 ст. X т. говорится: „прежде наступленія срока воспрещается нанявшемуся отходить отъ своего хозяина, а сему послѣднему *не дозволяется его отсылать до того-же срока.*" Вотъ

первое ограниченіе, вводящее господскій произволъ въ предустановленныя закономъ рамки. Слѣдовательно „всякое время дня и ночи," введенное въ текстъ нашей задачи, выраженіе, въ которомъ главнымъ образомъ и заключается центръ тяжести всего вопроса, является положительнымъ безправіемъ, прямо „недозволеннымъ" приведенною 2238 статьею. Намъ могутъ возразить, что тамъ, гдѣ отношенія основаны на словесномъ договорѣ, какъ это допускаетъ 2226 ст. въ отношеніи слугъ и рабочихъ людей, не имѣетъ примѣненія 2238 ст., разумѣющая подъ „нанявшимся" не столько слугъ и рабочихъ людей, сколько главнымъ образомъ „ремесленниковъ" (ср. 2238 ст. съ 2236 и 2237), для которыхъ по 2224 ст. договоръ о личномъ наймѣ долженъ быть непремѣнно письменный съ соблюденіемъ при томъ извѣстныхъ формальностей. Но на это нуженъ не отвѣтъ, а только разъясненіе, потому что все это есть не столько возраженіе, сколько указаніе на нѣкоторую трудность вопроса; здѣсь отвергается не принципъ, а только считается невозможнымъ приложеніе его. Дѣло въ томъ во 1-хъ, что срокъ есть необходимое условіе всякаго договора какъ словеснаго, такъ и письменнаго, одинаково существенное какъ для слуги, такъ и для ремесленника, и быть можетъ для перваго важнѣе чѣмъ для послѣдняго. Ремесленникъ можетъ получать еще плату за свой трудъ поштучно, издѣльно, тогда какъ всѣ наши слуги получаютъ отъ насъ жалованье посрочно. Для каждаго слуги непремѣнно наступаетъ срокъ, обыкновенно нормируемый мѣсяцами, сообразно которому онъ расчитываетъ свои средства. Поступившій въ услуженіе 1, 5, 10 числа каждаго мѣсяца, онъ вправѣ считать за собою мѣсто служенія до наступленія соотвѣтствующаго числа слѣдующаго мѣсяца и конечно вправѣ также требовать на все это время по 2223 ст. отъ хозяина своего жилища и содержанія. Надѣемся, насъ не упрекнутъ здѣсь въ преднамѣренной безусловности проведенія однихъ правъ толькло слуги, ставящаго ни во что права въ свою очередь господина, предъ которымъ онъ прежде всего обязанъ услугами. Далекіе отъ всякой тенденціозности, мы, оставаясь на почвѣ положительнаго законодательства, стараемся

главнымъ образомъ уяснить принципъ, одинаково обязательный для каждаго члена всякаго благоустроеннаго общества. Мы утверждаемъ, что при всемъ господствѣ начала власти, воплощающейся въ главѣ каждаго дома, слуга имѣетъ за собою права, гарантируемыя ему закономъ, противостать которымъ никакая власть домовладыки безнаказанно не можетъ. Въ теченіи одной, двухъ недѣль со дня поступленія слуги на мѣсто, способность къ работѣ и личный характеръ нанявшагося могутъ обозначиться по крайней мѣрѣ настолько, чтобы господинъ къ концу перваго мѣсяца могъ или прекратить съ нимъ всякія отношенія по найму, или пожелать оставить слугу у себя на дальнѣйшее время. Затѣмъ съ наступленіемъ каждаго срочнаго числа, если къ этому дню нанявшій и нанявшійся не пожелали прекратить добровольно свои взаимныя отношенія, снова вступаетъ въ силу 2238 ст., по смыслу которой эти отношенія должны быть обязательны для обѣихъ сторонъ до наступленія новаго срока, т. е. соотвѣтствующаго числа слѣдующаго мѣсяца и т. д. до добровольнаго или, къ сожалѣнію, принудительнаго прекращенія путемъ суда заключеннаго между ними договора, но прекращенія, непремѣнно пріуроченнаго къ извѣстному срочному числу того или другаго мѣсяца. Такъ покрайней мѣрѣ мы истолковываемъ себѣ разумъ 2238 ст., понимаемый въ связи съ интересами человѣческаго общежитія.

Всмотрѣться внимательнѣе въ первую главу четвертаго раздѣла четвертой книги нашего десятаго тома, именно въ главу о личномъ наймѣ, нельзя не замѣтить въ ней общаго всему нашему законодательству недостатка, это нѣкоторой сбивчивости, непослѣдовательности въ изложеніи предмета. Статьи закона сшиты механически, безъ всякой системы, лишены послѣдовательной органической связи между собою. Одно вытѣсняется другимъ, чтобы затѣмъ снова всплыть неожиданно наружу. Такъ 2201 статья, которою открывается наше законоположеніе о личномъ наймѣ, всю сферу отношеній по личному найму подраздѣляетъ на 3 рубрики: во 1-хъ личный наемъ для домашнихъ услугъ—собственно прислуга, во 2-хъ наемъ для отправленія земледѣль-

ческихъ, ремесленныхъ и заводскихъ работъ, торговыхъ и прочихъ промысловъ—вообще рабочіе и въ 3-хъ наемъ для отправленія всякаго рода работъ и должностей—такъ сказать нанятые люди. Но затѣмъ начала, положенныя въ основаніе этого подраздѣленія, совершенно перепутаны между собою при дальнѣйшемъ изложеніи правъ и обязанностей вступающихъ въ договоръ по личному найму. Такъ послѣ статей о винокуренныхъ заводчикахъ, купцахъ и фабрикантахъ помѣщены статьи спеціальныя о слугахъ, смѣняемыя правилами о цеховыхъ мастерахъ, ремесленникахъ, и наконецъ снова выступаютъ двѣ-три статьи, имѣющія примѣненіе къ прислугѣ. Такъ что 2238 ст., какъ и нѣкоторыя другія въ этомъ отдѣлѣ, занимаютъ, такъ сказать, центральное положеніе, по отношенію ко всякаго рода рабочимъ людямъ. О слугахъ говорится какъ до нея, такъ и послѣ нея. Вотъ почему возраженіе, приведенное нами выше въ видѣ предположенія, что статья эта относится исключительно до ремесленниковъ, въ виду сказанной невыдержанности, непослѣдовательности законодателя, представляется и съ этой стороны лишеннымъ всякой серьезной опоры.

Итакъ законъ „не дозволяетъ хозяину отсылать нанявшагося до наступленія срока.“ Спрашивается теперь, какія возникаютъ послѣдствія вслучаѣ неисполненія хозяиномъ требованія закона? На основаніи приведенной статьи, въ связи съ 2223 статьею, всякій слуга, которому отказано въ мѣстѣ до наступленія срока имѣетъ право, по нашему мнѣнію требовать отъ отославшаго его господина уплаты сполна жалованья до истеченія текущаго мѣсяца съ присовокупленіемъ суммы, потребной для найма на это время жилища и необходимаго содержанія. Дѣло судьи опредѣлить эту послѣднюю сумму въ каждомъ данномъ случаѣ сообразно средствамъ и общественному положенію нанимавшаго и отосланнаго. Значитъ-ли это, что судья будетъ „законодательствовать?“ Едвала-ли. Поступая такъ, судья будетъ только вѣрнымъ истолкователемъ разума закона, одинаково бдѣющаго надъ сильнымъ и слабымъ, надъ самостоятельнымъ и подчиненнымъ. Не пострадаетъ-ли при этомъ то начало власти, за которою признаютъ безус-

ловное право приказывать, а отъ зависимаго отъ нея слуги ожидаютъ безропотной обязанности исполнять всѣ требованія ея? Ни мало. Всякій слуга, если онъ не одержимъ какими-либо явными пороками, мѣшающими ему быть хорошимъ слугою, очень хорошо понимаетъ, что онъ въ домѣ не болѣе какъ человѣкъ, призванный къ отправленію извѣстнаго рода услугъ. Насколько онъ умѣетъ хорошо исполнить свою обязанность, это—другой вопросъ, лежащій внѣ сферы его сознанія какъ слуги. Слуга, который сталъ бы обижаться отдаваемыми ему приказаніями, явленіе почти невозможное, и во всякомъ случаѣ, если бы вздумалъ не исполнить распоряженій своего господина, повредилъ бы только самому себѣ, на мѣсто котораго всегда сыщется другой, который охотно станетъ признавать власть, утраты которой такъ опасается часть нашей журналистики. Безъ всякаго сомнѣнія мы знаемъ, что есть дурные слуги, и къ сожалѣнію ихъ не мало, такъ какъ никогда не было недостатка въ дурныхъ людяхъ вообще, но если хорошій слуга имѣетъ право на полученіе своего жалованья сполна до истеченія мѣсяца, то желательно было бы съ другой стороны, чтобы нерадивый слуга, безъ всякой причины оставляющій домъ, лишался въ свою очередь права на полученіе зажитаго имъ со срочнаго дня жалованья. Такого закона у насъ, правда, не существуетъ, но регламентировать такое правило едва-ли было-бы безполезно. *)

И. М. Остроглазовъ. Мм. Гг.! Законы гражданскіе, относя наемъ домашней прислуги къ обязательствамъ личнымъ по *договорамъ*, дали намъ отрицательное разрѣшеніе первой части предложеннаго вопроса (т. X ч. I ст. 2238). Я позволю остановить ваше вниманіе, главнымъ образомъ, на второй его части, т. е. удаленіе хозяиномъ прислуги, въ ночное время, составляетъ ли *самоуправство*?

---

*) Затѣмъ г. Кохновъ изложилъ свой взглядъ на уголовную часть вопроса, но по недостатку мѣста и пространности изложенія, мы отлагаемъ печатаніе этой части разсужденія его дослѣдующей книжки. *Ред.*

Изъ списка ст. Улож. о наказ. изд. 1857 г.), замѣненныхъ статьями Уст. о наказ., налаг. мир. суд., (Суд. Уст. 20 ноября 1864 г. издан. Госуд. Канц. ч. 4 стр. 137) видно, что 312, 2109—2112 и 2176 ст. Улож. о наказ. замѣнены 142 ст. Уст. о наказ., нал. мир. суд.

Въ 312 ст. Улож. о прест. и проступк. противъ пор. Упр. мы находимъ довольно ясное опредѣленіе *самоуправства* „кто и въ случаѣ *оказанной* ему какой либо *несправедливости*, или же неисполненія и законныхъ его требованій, *вмѣсто того, чтобы просить* о удовлетвореніи надлежащимъ *установленнымъ на то порядкомъ*, употребитъ для сего самовольно какія либо, *соединенныя съ насиліемъ*, мѣры тотъ за *сіе самоуправство* подвергается: и т. д.

Отсюда очевидно: 1) что самоуправство отнесено по улож. къ прест. и проступ. *противъ порядка управленія*; 2) что для состава проступка—*самоуправства*, законъ указываетъ прямо на наличность мѣръ, *соединенныхъ съ насиліемъ* и притомъ вызванныхъ несправедливостью или же неисполненіемъ законныхъ требованій, со стороны потерпѣвшаго насиліе.

2109—2112 Улож., *о преступл. противъ жизни, здравія, свободы и чести част. лицъ*, предусматриваютъ случаи нападенія *съ насиліемъ*:

1) безъ особыхъ законныхъ къ тому причинъ, безъ намѣренія убить или ограбить и безъ нанесенія увѣчья, неизгладимаго на лицѣ обезображенія, ранъ или побоевъ ниже личнаго оскорбленія ругательствомъ или инымъ образомъ;

2) *насильное* вторженіе въ чужое жилище съ намѣреніемъ лишь оскорбить или потревожить;

3) тоже дѣйствіе съ нанесеніемъ хозяину дома или кому либо изъ живущихъ въ немъ *личнаго оскорбленія*, не составляющаго, конечно, существеннаго признака самоуправства, но только вліяющаго на степень *наказуемости*;

и 4) случай, когда при нападеніи на кого либо *съ насиліемъ* въ жилищѣ его или внѣ онаго, сверхъ личнаго оскорбленія или тревоги, учинено или же было покушеніе на дру-

гое какое либо преступленіе, т. е. *стеченіе нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній.*

2176 ст. улож. *о преступ. и проступк. противъ собственности частныхъ лицъ*, предусматриваетъ случай самовольнаго осуществленія своего права на имущество, употребленіемъ, вмѣсто указанныхъ къ тому закономъ мѣръ, *насилія*, безъ нанесенія ранъ и увѣчья.

Кажется сего достаточно, чтобы придти къ убѣжденію, что уложеніе о наказ. относитъ къ *самоуправству* употребленіе самовольныхъ, для осуществленія своего дѣйствительнаго или предполагаемаго права или же для отомщенія за несправедливость мѣръ, *соединенныхъ съ насиліемъ.*

Но дѣйствія *соединенныя съ насиліемъ*, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ ст. улож. о наказ. (изд. 1857 г.) и составляющія, юридически, одинъ изъ видовъ принужденія, обнимаютъ ли собою и психическое принужденіе? 142 ст. уст. о наказ., нал. мир. суд., помѣщенная въ отд. *объ угрозахъ и насиліи* и приравнивающихъ *самоуправство* къ *насилію* однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, не разрѣшаетъ буквально этого вопроса. Тѣмъ не менѣе, по мѣсту занимаемому ею въ уставѣ о наказ., должно заключить, что она, по мысли устава, предусматриваетъ проступки противъ *свободы* частныхъ лицъ, которая можетъ быть нарушена не только *физическимъ*, но и *психическимъ* принужденіемъ, угрозами, коихъ сила и значеніе могутъ быть точно опредѣлены судомъ въ каждомъ случаѣ отдѣльно, принимая во вниманіе степень опасности, которой подвергался угрожаемый и его индивидуальныя качества.

По всѣмъ высказаннымъ мною соображеніямъ, удаленіе хозяиномъ прислуги въ ночное время, если оно не сопровождалось *насиліемъ или угрозами*, по мнѣнію моему, не составляетъ самоуправства.

А. М. Фальковскій. Мм. Гг. Съ отмѣною крѣпостной зависимости, когда каждое отдѣльное лице совмѣщаетъ въ себѣ и человѣка и гражданина, *чисто служебное* значеніе личнаго труда немыслимо.

Тѣмъ не менѣе, благородныя усилія науки и законодателей поднять предъ лицемъ закона личный трудъ до должнаго уровня самостоятельности, въ дѣйствительности, въ практическомъ ихъ примѣненіи, встрѣчаютъ не мало препятствій. И нельзя сказать, чтобы это происходило, исключительно, отъ противодѣйствія со стороны нанимателей, отъ желанія ихъ жить *по старому*. Нѣтъ, причина такого явленія лежитъ въ самомъ существѣ отношеній, вытекающихъ изъ личнаго найма. А потому и всякое стремленіе уяснить сколько нибудь эти отношенія, провести въ жизнь здравыя объ нихъ сужденія, въ равной степени интересны и въ области наукъ гуманныхъ и въ сферѣ установленія правильнаго отправленія правосудія.

Желая, въ данномъ случаѣ, держаться строго юридической почвы, мы послѣдуемъ предложенію глубоко уважаемаго В. Н. Лешкова т. е. для болѣе или менѣе удовлетворительнаго разъясненія сущности отношеній нанимателей и прислуги, постараемся, по мѣрѣ нашихъ силъ, прежде всего, опредѣлить: что именно въ личномъ наймѣ, съ одной стороны, должно быть опредѣляемо по началамъ частнаго, гражданскаго права, а, съ другой стороны, по началамъ общественнаго и государственнаго права.

По мнѣнію нашему, по началамъ гражданскаго права, какъ совокупности нормъ имущественныхъ отношеній, гдѣ все подчиняется цѣлямъ индивидуальной жизни, должны опредѣляться въ личномъ наймѣ: значеніе и существо его, предметы его, формы его установленія, способы исполненія, отмѣны и прекращенія его, вообще все то, что не изъемлется отъ дѣйствія частнаго соглашенія. По началамъ же общественнаго и государственнаго права, въ которыхъ, все индивидуальное обусловливается *общественною необходимостью*, природою цѣлаго—природа частей и общимъ благомъ вся человѣческая жизнь, должны нормироваться: *личныя* отношенія нанимателей и прислуги, мѣры ограждающія физическое и нравственное благосостояніе послѣдней, призрѣніе ея въ случаѣ болѣзни и старости, преслѣдованіе дурнаго обра-

щенія съ нею и охраненіе неотчуждаемости свободы ея и прочее.

Однако же и государство, во имя принципа свободы, сознавая предѣлы своей дѣятельности, не беретъ на себя всецѣло дѣло организаціи личнаго труда, ограничиваясь, обыкновенно, общими мѣрами регламентаціи, главнымъ образомъ, ремесленнаго и промышленнаго труда. На этомъ, кажется, основаніи отношенія нанимателей къ *домашней* прислугѣ, въ наибольшей части западныхъ государствъ, опредѣляются взаимнымъ соглашеніемъ, по началамъ договорнаго права и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ напр. въ Швейцаріи (Бернъ) эти отношенія нормируются спеціальными ордонансами и обычаями, а въ Англіи особыми статутами. *)

Сопоставляя, затѣмъ, опредѣленія нашего свод. зак. гражд. (ст. 2229 и 2230) и свод. гражд. узак. Остз. губ. (ст. 4200—4210) съ опредѣленіями по этому предмету cod Napol., Итал. улож. (ст. 1627—1646) и гражд. улож. Цар. Польск. 1825 г. (ст. 1779 — 1781), невольно рождается вопросъ: дѣйствительно ли между нанимателями и домашнею прислугою существуютъ такія *личныя* отношенія, опредѣленіе которыхъ вызывается *общественною необходимостью,* по началамъ общественнаго и государственнаго права?

Намъ кажется, что наше законодательство, представляющее тѣсную связь юридическихъ началъ съ нравственными, обязывая прислугу почтеніемъ, вѣрностью, послушаніемъ хозяину и безропотнымъ подчиненіемъ установленному имъ домашнему порядку, на столько, на сколько все это не противно законамъ и нравственности, а хозяина сверхъ доставленія прислугѣ условленнаго помѣщенія, содержанія и жалованья, обходиться съ прислугою кротко и справедливо, поступило весьма послѣдовательно.

Эти постановленія, исторически сложившіяся у насъ при организаціи ремесленнаго и промышленнаго труда и распро-

---

*) Concordance entre les cod. civ. étrangers et le cod. Nap. par T. A. de saint Joseph. Paris. 1856.

страненныя составителями свод. зак. и на домашнюю прислугу, разумѣется, правильнѣе было бы отнести къ полицейскому праву, а не излагать ихъ въ системѣ гражданскихъ законовъ и давать, такимъ образомъ, поводъ многимъ юристамъ, находить ихъ идущими, какъ бы въ разрѣзъ, съ ученіемъ объ обязательствахъ по договорамъ.

Какія же основанія, спросятъ насъ, къ установленію *личной зависимости* прислуги отъ нанимателей, признаваемой нашимъ законодательствомъ и подтверждаемой высшею судебною практикою (Касс. рѣш. № 408—69 г.). Не анахронизмъ ли все это, отсталость въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣло улучшенія рабочаго класса людей?

Мы отвѣчаемъ на подобный вопросъ отрицательно, и вотъ почему:

Домашняя прислуга т. е. кучера, конюхи, повара, лакеи, егеря, садовники, кухарки, горничныя, няньки, кормилицы и всѣ вообще лица не либеральныхъ профессій, пользующіяся отъ хозяина помѣщеніемъ и столомъ, хотя и не соединены органически съ семьей, но образуютъ особый съ хозяиномъ союзъ, который можно назвать *однодомствомъ*. *) Никто, думаемъ, не станетъ отрицать, чтобы въ такомъ близкомъ общеніи и взаимодѣйствіи ихъ, не возникало весьма разнообразныхъ личныхъ отношеній, неопредѣленность которыхъ могла бы имѣть своимъ послѣдствіемъ не только разнаго рода столкновенія, но и вредное вліяніе на весь домашній бытъ и на производительность личнаго труда. *Гдѣ многое соединяется въ одно*, тамъ, по словамъ величайшаго изслѣдователя дѣйствительности, Аристотеля, *является необходимость въ началѣ господствующемъ и частяхъ подчиненныхъ*. Между же отношеніями нанимателей и домашней прислуги много сходства съ семейнымъ бытомъ. Участвуя въ работахъ семьи, соприкасаясь ежеминутно со всѣмъ ея нравственнымъ и экономическимъ бытомъ, домашняя прислуга,

*) Нашъ глубокоуважаемый цивилистъ К. П. Побѣдоносцевъ употребляетъ это же слово, для означенія семьи, въ смыслѣ нѣсколькихъ лицъ, соединенныхъ между собою единствомъ домашней связи. Ред.

безспорно, является весьма существенною частью того, что мы привыкли называть *домомъ*. Тутъ дѣйствительно, *многое соединяется въ одно* и должно быть нормируемо принципомъ *власти*.—Эту послѣднюю можетъ принять на себя государство, или же, въ извѣстныхъ предѣлахъ, установить ее на началахъ *домашняго самоуправленія*. Кажется, что между безграничною опекою государства и послѣднею системою—выборъ не труденъ. Нисколько не придерживаясь системы *протекціонизма*, мы находимъ *семейный складъ* отношеній между нанимателями и прислугою, болѣе соотвѣтствующимъ пользѣ обѣихъ сторонъ, нежели *обусловленный*, исключительно, *полицейскими мѣрами*.

Достаточно знакомые съ ученіемъ, находящимъ, что неудовлетворительное состояніе рабочаго класса людей, всюду и единственно, будто-бы, зависитъ отъ неблагопріятныхъ соціальныхъ началъ, мы и въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ ученіи, не можемъ отрицать извѣстной доли правды.—Но судебная власть не можетъ, задаваться *соціальными*, вопросами, не прошедшими еще вполнѣ и своего научнаго пути. Основаніе проявленія дѣятельности суда—*чисто юридическое*.

Не должно ли, послѣ всего сказаннаго, каждое дѣло между нанимателями и прислугою, *на судѣ*, освѣщаться началами отечественнаго права? Это небольшое отступленіе отъ содержанія предложеннаго намъ вопроса, первая часть котораго разрѣшается 2238 ст. зак. гражд, *) вызвано самою постановкою ея, направленною къ опредѣленію свойства отвѣтственности хозяина на почвѣ уголовнаго права, *во имя неприкосновенности личности*. По нашему же мнѣнію, эта

*) Замѣчательно, въ какой мѣрѣ, по одному и тому же предмету, постановленія разныхъ законодательствъ расходятся между собою. Такъ по Кодек. 1824 г. Луизіаны (Сѣв. Амер.) „домашней прислугѣ можетъ быть отказано въ наймѣ, во всякое время, безъ объясненія причинъ, равно какъ и прислугѣ дозволяется, такимъ же образомъ оставить своего хозяина". Ред.

отвѣтственность должна быть *чисто гражданскою*, на основаніи 574 и 684 ст. т. I. ч. I. и касс. рѣш. № 529—67 г.

Переходя къ обсужденію второй части вопроса, предложеннаго В. И. Кохновымъ, намъ остается дополнить сдѣланный многоуважаемымъ И. М. Остроглазовымъ очеркъ указаніемъ, прежде всего, на нѣкоторыя разъясненія состава *самоуправства*, касс. судебною практикою. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, кассаціонная практика, придерживаясь казуистики, не дала намъ твердыхъ руководящихъ началъ.—Причина всего этого не въ качествѣ личнаго состава касс. департ. Прав. Сената, въ отношеніи котораго ничего лучшаго нельзя желать, не въ недостаткѣ энергіи его всѣми уважаемаго персонала, но въ стеченіи множества дѣлъ, самыхъ разнообразныхъ, подлежащихъ его разсмотрѣнію, и возникающихъ вслѣдствіе, какъ неполноты и несовершенства нашего уголовнаго права, такъ и слабаго распространенія въ массѣ народа юридическихъ свѣденій, а болѣе всего, отъ ничѣмъ неограниченнаго права судебнаго представительства въ уголовныхъ дѣлахъ.

Изъ рѣчи И. М. Остроглазова мы достаточно ознакомились съ происхожденіемъ 142 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. а также, въ какой мѣрѣ, въ улож. о наказ. (изд. 1857 г.) вопреки единству системы, разбросаны опредѣленія самоуправства по разнымъ раздѣламъ его.

Итакъ необходимо начать съ того, въ какомъ раздѣлѣ улож. о наказ. самоуправство должно исключительно занять мѣсто? — Согласно опредѣленію, выраженному въ 312 ст. улож. изд. 1857 г., *самоуправство* должно быть отнесено *къ преступленіямъ противъ порядка управленія*, или же, съ отдѣленіемъ закономъ 20 ноября 1864 г. власти административной и полицейской отъ судебной, *къ преступленіямъ противъ власти судебной*, какъ это принято въ нѣкоторыхъ другихъ кодексахъ (Виртембер. Брауншв. и Баварск.). Наша кассаціонная практика по этому предмету не высказала никакого рѣшительнаго заключенія.

Далѣе, въ виду, научнаго опредѣленія самоуправства, въ тѣсномъ смыслѣ, *какъ самовольнаго осуществленія своего*

права посредствомъ принужденія (Бернеръ, Лохвицкій), опредѣленій нашего улож. о наказ. изд. 1857 г. и касс. рѣш. (№№ 760—69 г. и 1410—71 г). и затѣмъ послѣдующихъ рѣш. кас. сената (№№ 1543—70 г. и 1340—71 г). которыми признано самоуправствомъ самовольное осуществленіе дѣйствительнаго или воображаемаго права въ отношеніи къ другому лицу, которое, если не сопровождалось прямымъ насиліемъ т. е. нарушеніемъ тѣлесной неприкосновенности того лица, то во всякомъ случаѣ выразилось въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя, будучи предприняты въ присутствіи лица, права коего они нарушали, или лицъ, коимъ по порученію хозяина ввѣрено охраненіе его имущества, *явно противорѣчили выраженной ими волѣ*, необходимо обратиться къ основаніямъ наказуемости самоуправства. При чемъ, само собою предполагается, что въ этомъ собраніи юристовъ, нѣтъ надобности проводить различіе между *самовольнымъ присвоеніемъ власти* (ст. 289 улож. о нак. изд. 1866 г.) и самоуправствомъ.

Самовольное осуществленіе своего права или самоотомщеніе составляетъ дѣяніе, заимствующее свое нравственное значеніе единственно изъ того факта, что оно запрещено закономъ, но почему же именно оно вошло въ область законодательныхъ запретовъ? какое право нарушается, хотя и самовольнымъ, но однако, *своего же права* осуществленіемъ? Чѣмъ опредѣляется нравственное чувство, возбуждаемое имъ?

Съ точки зрѣнія современныхъ основныхъ началъ уголовнаго права, для инкриминаціи того или другаго дѣянія необходима наличность не только субъективнаго элемента, воли, намѣренія, но и объективнаго, вреда, опасности угрожающей обществу.—Но самовольное осуществленіе своего права, когда оно не сопровождается, вообще, *принужденіемъ*, по нашему мнѣнію, не можетъ принести никому вреда и считаться опаснымъ для общества. *) Въ дѣйствительности, не-

*) Ни одно законодательство въ мірѣ *осуществленіе* частнаго права не ставитъ въ зависимость отъ соизволенія на то, каждый разъ, об-

рѣдко частное лице можетъ быть поставлено крайнею необходимостью охранить свое право и возстановить его, не теряя времени, всѣми зависящими отъ него средствами, и въ такомъ случаѣ самовольное осуществленіе своего права представляется какъ бы *суррогатомъ* общественной власти. На этомъ основаніи напр. въ Англіи, узаконяется частная расправа, дозволеніемъ владѣльцу взять захваченныя кѣмъ либо движимыя вещи, мужу освободить задержанную жену, отцу своихъ дѣтей, хозяину своего слугу, безъ употребленія силы и угрозъ и безъ ссоры и проч.*) Утверждая, что и по нашему улож., только квалифицированное самоуправство наказуемо, что уставъ о наказ. ни въ чемъ не измѣнилъ состава его,—мы не находимъ никакой пользы въ *утонченныхъ* опредѣленіяхъ самоуправства, которыми изобилуетъ практика новыхъ судебныхъ установленій, распространяющая дѣйствіе уголовнаго закона далѣе его прямаго смысла. Наконецъ возмемъ въ примѣръ для нашего будущаго уголовное улож. для Сѣверо-Германскаго союза 31 мая 1870 года, въ немъ нѣтъ и помину о самоуправствѣ, какъ преступленіи sui generis. То же во многихъ другихъ кодек. Австрійскомъ, Прусскомъ, Ганноверскомъ и Баварскомъ 1861, по свидѣтельству Бернера. И кажется намъ, что это болѣе правильно.

А. М. Пальховскій **). Мм. Гг., прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію тѣхъ двухъ вопросовъ, которые предложены Юридическому Обществу—и скажу: предложены весьма кстати,—необходимо условиться, съ какой точки зрѣ-

---

щественной власти. Гражданское право установляется, отмѣняется и прекращается, главнымъ образомъ, по волѣ его субъектовъ. По этому терминъ *самовольное осуществленіе*, употребляемый въ опредѣленіи признаковъ самоуправства, носитъ на себѣ характеръ туманности и полнѣйшей неопредѣленности. Мы думаемъ, что необходимо замѣна его другимъ а именно: *самовольнымъ охраненіемъ или возстановленіемъ нарушеннаго права*, такъ какъ въ самоуправствѣ, въ обширномъ смыслѣ, можно только усматривать нарушеніе законовъ о правѣ судебной защиты. Ред.

*) Comment. sur les lois anglaises par W. Blackstone.

**) Сообщено письменно. Ред.

нія разрѣшать ихъ. По моему мнѣнію, всякій вопросъ права, касающійся тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеній, того или другаго юридическаго института, можетъ быть разрѣшаемъ или съ точки зрѣнія чисто научной—съ точки зрѣнія теоріи—или съ точки зрѣнія того или другаго положительнаго законодательства, или наконецъ, съ точки зрѣнія того или другаго обычнаго права. Условиться же заранѣе въ исходномъ пунктѣ крайне необходимо: иначе мы не придемъ ни къ какому положительному заключенію, потому что одинъ будетъ дѣлать свои выводы, положимъ на основаніи французскаго кодекса, другой—прусскаго или австрійскаго, третій перенесется въ область чисто-теоретическихъ, научныхъ соображеній,—и всѣ будутъ правы, выводы всѣхъ будутъ логически точны, но поставленный вопросъ все-таки останется неразрѣшеннымъ. Я думаю, что судя по редакціи предложенныхъ вопросовъ, въ которыхъ есть прямая ссылка на статьи нынѣ дѣйствующаго въ Россіи законодательства, мы поставлены въ обязанность разрѣшать эти вопросы не иначе, какъ на основаніи русскаго права; теоретическія соображенія и указанія на иностранныя законодательства могутъ служить намъ лишь нѣкоторымъ пособіемъ.

Сдѣлавъ эту необходимую, по моему, оговорку, я приступаю къ самому дѣлу. Намъ нужно разрѣшить два вопроса: 1) о правѣ *хозяина* во всякое время дня и ночи отказать нанятой *прислугѣ* въ жилищѣ и содержаніи, если таковое было условлено, и 2) вопросъ о томъ—будетъ ли удаленіе хозяиномъ прислуги въ ночное время составлять *самоуправство*. Для этого, мнѣ кажется, необходимо подвергнуть точному юридическому анализу три понятія: „хозяинъ,“ „прислуга“ и „самоуправство“,—изслѣдовать природу этихъ понятій на основаніи русскаго юридическаго сознанія и указать ту связь, которая существуетъ между этими понятіями въ сферѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго права. Начну съ двухъ первыхъ.... Но тутъ мы тотчасъ же встрѣчаемся съ новымъ вопросомъ: нормированы ли нашимъ законодательствомъ правовыя юридическія отношенія, существующія между *хозяиномъ* и *прислугою*? Самымъ лучшимъ

отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить историческій очеркъ (положимъ, хотя весьма краткій) этихъ отношеній по русскому праву. Такой очеркъ тѣмъ болѣе необходимъ, что въ русскомъ правѣ эти отношенія возникали изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ, носили, такъ сказать, двойственный характеръ,—а эта двойственность вліяла на русское юридическое сознаніе и порождила, въ концѣ концовъ ту темноту, ту запутанность въ нашихъ понятіяхъ, отъ которой мы до сихъ поръ не можемъ отдѣлаться, какъ только рѣчь зайдетъ объ этихъ отношеніяхъ. *Заемъ* и *наемъ*— вотъ эти два источника. Какъ это, повидимому, ни странно съ точки зрѣнія отвлеченной теоріи, но это уже совершившійся фактъ, и фактъ, сообщившій особый характеръ исторіи русскаго человѣка. Заемъ и наемъ (имущественный и личный) въ нашемъ древнемъ правѣ какъ бы сливаются вмѣстѣ и въ концѣ концовъ порождаютъ тѣ два уродливыхъ института, которые извѣстны подъ именемъ *кабальнаго холопства* и *крѣпостнаго права*. Чтобы сохранить систему въ изложеніи, я разсмотрю по порядку исторію *займа*, *имущественнаго найма* и *личнаго найма* по русскому праву. Начну съ перваго.

Нашему древнему праву извѣстны были нѣсколько видовъ займа, въ томъ числѣ и *заемъ, обезпеченный свободою должника*. Въ этомъ видѣ займа, заемъ и личный наемъ до такой степени сливаются вмѣстѣ, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить настоящую юридическую природу этого института. Отъ того-то онъ впослѣдствіи и выродился въ юридическую аномалію. „Въ древнія времена заемъ, — говоритъ *Неволинъ* *), часто былъ обезпечиваемъ личною свободою должника. Занимавшій деньги или другіе предметы становился на время, пока онъ не выплатитъ долга, *холопомъ* своего *заимодавца* и долженъ былъ отправлять на него извѣстныя работы или службы, условленныя при самомъ заключеніи договора займа. Въ Русской Правдѣ заемщики

*) *Полное собраніе сочиненій*, т. V.

этого рода называются *закупами*,—словомъ, означавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ. Позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или *закладней*". Далѣе мы читаемъ у того же автора: „Наемникъ въ Русской Правдѣ называется *наймитомъ*, преимущественно же *закупомъ*. Уже это названіе показываетъ, что существо договора личнаго найма по Русской Правдѣ состояло въ томъ, что свободный человѣкъ запродавалъ себя другому во временное холопство, что слѣдовательно, наемная плата, вся, или часть ея, выдавалась закупу хозяиномъ впередъ *въ видѣ займа*, который закупъ выплачивалъ своею работою или службою. Договоръ заключался, безъ сомнѣнія, словесно, но можетъ быть, въ присутствіи свидѣтелей. Обязанности закупа были слѣдующія: 1) охранять имущество господина, ему ввѣренное, и вообще исполнять то, для чего онъ нанялся. Онъ долженъ былъ сдѣлать господину вознагражденіе, если бы что по его винѣ или нерадѣнію пропало изъ этого имущества; 2) не уходить самовольно и тайно отъ господина. Закупъ, который бы ушелъ безъ причины отъ своего господина, обращается въ полные холопы послѣднему. Обязанности господина по отношенію къ закупу были: 1) не бить его безъ вины; 2) исправно платить или зачитать въ уплату долга слѣдующую ему плату. Въ случаѣ обиды закупъ могъ приносить жалобу на своего господина. Изъ сказаннаго сейчасъ видно, что *господинъ за вину имѣлъ право наказывать закупа*. Но онъ не имѣлъ права продать его кому-нибудь въ полные холопы; въ противномъ случаѣ закупъ получалъ совершенную свободу, а господинъ подвергался сверхъ того денежному взысканію за обиду. Господинъ отвѣчалъ передъ другими лицами, если бы закупъ что нибудь у нихъ похитилъ; господинъ въ такомъ случаѣ обязанъ былъ заплатить имъ за похищенное закупомъ, а этотъ послѣдній становился полнымъ холопомъ своего хозяина, который для вырученія на платежъ денегъ могъ и продать въ такомъ случаѣ закупа". — Теперь интересно коснуться указаній тѣхъ особыхъ дѣленій народа на классы, которые встрѣчаются въ Русской Правдѣ. *М. М. Михайловъ*, въ своей

„Исторіи русскаго права“, замѣчаетъ, что Русская Правда не говоритъ прямо о раздѣленіи народа на извѣстные классы, но можно сдѣлать выводъ объ этомъ изъ соображеній разныхъ ея статей. Изъ нихъ видно, что все народонаселеніе Руси дѣлилось въ то время на *княжихъ мужей* и *людиновъ*. Къ княжимъ мужамъ принадлежали бояре, огнищане и должностные княжьи слуги. Къ высшему же классу населенія принадлежало духовенство (объ немъ, впрочемъ, не упоминаетъ Русская правда). Затѣмъ слѣдовали людины — свободные, т. е. смерды, и *несвободные — закупы и холопы*.... Посмотримъ теперь, какими правами, по Русской Правдѣ, пользовались эти несвободные людины. Тотъ же ученый говоритъ: „Въ свидѣтели допускаются только свободныя лица: холопы и челядинцы (подъ послѣднимъ разумѣется *прислуга домашняя*) не допускаются для слѣдственныхъ показаній.... *Не свободные не имѣли никакихъ правъ* и при каждомъ случаѣ законъ отнималъ отъ нихъ эти права; законъ отнимаетъ отъ нихъ даже право свидѣтельства о совершившемся преступленіи. Такимъ образомъ, несвободныя лица ни въ какомъ случаѣ не считались способными свидѣтельствовать. Они не могли являться и сами съ какими-нибудь требованіями; напримѣръ, рабъ не могъ принести жалобу, за него долженъ былъ судиться и начать искъ его господинъ. Даже рабу нельзя было нанести оскорбленіе: съ нимъ можно было сдѣлать все, что угодно, только если рабу наносились, напримѣръ, побои, то за это господинъ могъ взыскать, какъ за убытокъ своей *вещи*“. „Когда рабъ оскорблялъ свободнаго человѣка, то послѣдній могъ *убить раба*, и это не вмѣнялось ему въ преступленіе. Сверхъ того, если-бы рабъ скрылся у своего господина, то господинъ обязывался выдать его обиженному свободному человѣку, или же заплатить цѣну раба—12 гривенъ. Господинъ долженъ былъ заплатить въ этомъ случаѣ, потому что рабъ разсматривался, какъ вещь, какъ имущество, подобно движимому имуществу, и хозяинъ долженъ былъ отдать за убытокъ, который нанесенъ его вещью другому. Несмотря на полученіе двѣнадцати гривенъ, оскорбленный, увидя потомъ раба, могъ убить

его изъ мести и за это не наказывался. Замѣчательно въ этой статьѣ, что законъ не только различаетъ строго свободныхъ отъ несвободныхъ, но считаетъ оскорбленіе со стороны раба къ свободному человѣку до такой степени тяжкимъ, что даетъ право убивать раба". Такъ было въ періодѣ Русской Правды. Впослѣдствіи, до Ивана IV, вмѣсто прежняго закупа, является и становится весьма употребительнымъ: названіе *закладчикъ или закладень*.Но сущность отношеній оставалась таже. Въ періодѣ времени отъ изданія судебниковъ до уложенія, лицамъ, нанимавшимся для постоянныхъ домашнихъ услугъ и работъ, *со взятіемъ денегъ въ заемъ и съ обязанностью служить за ростъ*, усвоилось наименованіе *кабальныхъ холоповъ*, такъ какъ этотъ наемъ совершался посредствомъ написанія *кабалы*. По судебнику Ивана IV служебныя кабалы могли брать всякіе люди; впослѣдствіи же говорится только о служилыхъ кабалахъ въ пользу лицъ дворянскаго и городскаго состоянія. Относительно права давать кабалы въ томъ же судебникѣ предполагается, что давать такія кабалы могутъ только такъ называвшіеся вольные люди, т. е. лица, не принадлежавшія ни къ какому опредѣленному состоянію людей въ государствѣ. Судебникъ Ивана IV запрещалъ, при взятіи кабалы съ условіемъ службы за ростъ, брать кабалу въ слишкомъ большой суммѣ денегъ, именно свыше пятнадцати рублей. Цѣль закона,—какъ думаетъ Неволинъ — была предупредить укрѣпленіе наемника въ холопство, чего, легкомысленно занимая деньги, можетъ быть, онъ самъ не хотѣлъ. Однако впослѣдствіи, по совершенномъ образованіи кабальнаго холопства, это запрещеніе уже не возобновлялось. Срокъ, на который вступали въ услуженіе съ обязанностью служить за ростъ, опредѣлялся временемъ уплаты занятыхъ денегъ. Но какъ заемщикъ, обязанный, вмѣсто платежа роста, служить своему заимодавцу, по большей части находился не въ состояніи уплатить своего долга, потому что онъ, служа за ростъ, при этомъ уже ничего не могъ заработать для уплаты самаго долга, то въ сущности онъ долженъ былъ бы оставаться въ холопствѣ по смерть свою. Но тутъ выступалъ на помощь заемщикамъ обычай:

заимодавцы — именно, господа — обыкновенно прощали своимъ слугамъ и работникамъ небольшія суммы денегъ, взятыя ими въ долгъ при вступленіи въ услуженіе, и такимъ образомъ возвращали имъ право свободнаго состоянія. Впослѣдствіи этотъ обычай сдѣлался какъ бы презумпціей для законодателя, и слуга, *уже по самому закону*, сталъ получать свободу со смерти своего господина. Такъ именно было установлено при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, въ 1597 году (т. е., собственно, установлено Борисомъ Годуновымъ, тогдашнимъ настоящимъ государемъ). Годъ этотъ, какъ извѣстно, замѣчателенъ и въ другомъ отношеніи въ исторіи русскаго права: тогда былъ изданъ первый указъ, запрещавшій крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто и прикрѣплявшій ихъ къ землямъ, на которыхъ они находились (*начало крѣпостного права*); тогда же повелѣно было на вольнаго человѣка, который служилъ кому-либо до полугода, давать служилую кабалу *противъ его воли*. Дальнѣйшая затѣмъ исторія кабальнаго холопства немного сложна. При Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ оно едва не было уничтожено. Въ 1607 году, былъ отмѣненъ законъ 1597 года, которымъ повелѣвалось выдавать кабалы на людей служившихъ безъ кабалы полгода и болѣе. Въ 1608 году, совсѣмъ запрещено было брать на вольныхъ людей служилыя кабалы по смерть господина, а повелѣно брать только записи на урочные годы. Но все это было не надолго. Нерѣшительный во всемъ Василій Ивановичъ и здѣсь не выдержалъ характера: уже въ слѣдующемъ 1609 году дѣйствіе закона 1597 года снова было возстановлено. „Кабала, которую давалъ на себя вступавшій въ службу, записывалась въ Москвѣ въ Приказѣ Холопьяго Суда, а въ городахъ у приказныхъ людей. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ велѣно было давать кабалы изъ неволи, онѣ выдавались прямо изъ Приказа Холопьяго Суда, или отъ приказныхъ людей. Женѣ и дѣтямъ, которые были рождены прежде выдачи лицамъ служилой на себя кабалы, тогда только сообщалось *состояніе* ихъ мужа и отца, когда жена и дѣти прямо значились въ кабалахъ и были записаны въ службу; *дѣти рожденные въ кабальномъ холопствѣ* по указу 1597

года *дѣлались во всякомъ случаѣ кабальными холопами господина ихъ отца*. Правила Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича о кабальномъ холопствѣ основаны большею частію на предшествовавшемъ законодательствѣ. Имѣть у себя кабальныхъ холоповъ по Уложенію могли: 1) дворяне; 2) протопопы и протодьяконы. Прочія лица не могли ихъ имѣть, именно: попы, дьяконы, иные причетники церковные, монастырскіе служки, боярскіе люди. Какъ между кабальнымъ и вѣчнымъ холопствомъ постоянно было сохраняемо различіе, то служилая кабала могла быть даваема на имя только одного лица; кабала, данная на имя мужа и жены вмѣстѣ, или на имя сына и отца, дяди и племянника, была недѣйствительна. Давать на себя служилыя кабалы могли только имѣющіе отъ роду не менѣе пятнадцати лѣтъ вольные люди. Къ числу вольныхъ людей относились, и слѣдовательно могли давать на себя служилыя кабалы, между прочимъ такіе новокрещеные дѣти военноплѣнныхъ и другихъ служилыхъ иноземцевъ, которые въ Государеву службу негодились или были отъ нея отставлены. Не могли давать на себя служилыхъ кабалъ: 1) боярскіе дѣти, какъ верстоные, такъ и неверстоные, и вообще *люди, состоящіе въ Государевой службѣ, и дѣти ихъ*; 2) посадскіе тяглые люди; 3) крестьяне и бобыли, такъ что вотчинникъ или помѣщикъ не могъ брать служилыхъ кабалъ даже на своихъ собственныхъ крестьянъ; 4) находившійся уже въ холопствѣ. Русскіе люди не могли быть въ холопствѣ по крѣпостямъ, у некрещенныхъ иноземцевъ. Вольные люди вступали въ кабальное холопство по собственному желанію, давая на себя служилыя кабалы. Служилыя кабалы должны были писать площадные подъячіе, съ описаніемъ въ нихъ примѣтъ холопа, и притомъ на одного человѣка не болѣе и не менѣе, какъ въ трехъ рубляхъ. Написанная кабала являлась въ Москвѣ въ Холопьемъ Приказѣ, въ городахъ—у воеводъ и приказныхъ людей, и тамъ записывалась въ книги. Съ каждой кабалы взыскивалось пошлинъ въ Государеву казну съ рубля по алтыну. Но если вольный человѣкъ билъ кому челомъ въ кабальное холопство, а потомъ, не давая на себя кабалы,

жилъ у него безкабально болѣе трехъ мѣсяцевъ, то на него давалась кабала по неволѣ. Равнымъ образомъ, служилая кабала изъ неволи давалась господамъ на тѣхъ, которые, родившись отъ кабальныхъ людей ихъ, жила у нихъ многіе годы безкабально, разумѣется, послѣ того, какъ для родителей ихъ кабальное холопство прекратилось, или, можетъ быть, если они, родившись прежде вступленія родителями ихъ въ холопство, не были записаны въ кабалу. На основаніи закона о сообщеніи правъ состоянія *вступленіе мужа въ кабальное холопство имѣло своимъ послѣдствіемъ кабальное холопство и для жены.* Но отъ воли отца зависѣло записать съ собою въ кабалу бывшихъ у него тогда дѣтей, или не записывать. *Дѣти, рожденные во время кабальнаго холопства родителей, сами становились кабальными холопами того, у кого родители ихъ были въ кабалѣ.* Кабальные холопы на основаніи самаго закона получали свободу съ кончиною того лица, у котораго они были въ кабалѣ, но господинъ могъ уже при жизни своей отпустить ихъ на волю, выдавъ имъ отпускныя. Отецъ, умирая, имѣлъ право своимъ духовнымъ завѣщаніемъ даровать свободу кабальнымъ холопамъ своего сына. По распоряженію правительства кабальные холопы получали свободу: 1) если господинъ отчуждалъ кабальныхъ своихъ холоповъ, какъ вѣчно крѣпостныхъ; 2) если онъ въ голодное или другое время ссылалъ ихъ со двора и при допросѣ объявлялъ, что ему впредь до тѣхъ холоповъ дѣла нѣтъ; 3) если онъ измѣнилъ Государю и отъѣзжалъ изъ Московскаго государства въ другое государство; 4) если холопъ взятъ былъ въ плѣнъ и возвращался отъ него; 5) если холопъ некрещенный, жившій у некрещеннаго, принималъ православну вѣру„ *). Послѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича въ отношеніи къ кабальному холопству произошло немного измѣненій и дополненій въ прежнемъ законодательствѣ. Такъ къ лицамъ, которыя на вольныхъ людей могли брать служилыя кабалы, отнесены ключари Боль-

*) *Неволинъ* „Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ.

шаго Успенскаго Собора и всѣ священники и дьяконы этого собора, вольныхъ людей запрещено было держать иначе, какъ по служилымъ кабаламъ, для взятія которыхъ назначались извѣстные сроки; люди новокрещенные вообще, какъ служилые, такъ и не служилые, не могли быть принимаемы въ кабальные холопы, на крестьянъ вольноотпущенныхъ позволялось писать въ прежнемъ смыслѣ ссудныя записи. Наконецъ, при Петрѣ Великомъ, въ 1719 году, съ замѣной прежней поземельной подати *подушнымъ* окладомъ, или послѣ первой, такъ называемой, *ревизіи* податнаго сословія, кабальное холопство, какъ институтъ sui generis, исчезло, слившись въ одно цѣлое съ закрѣпощенными людьми вообще — помѣщичьими крестьянами, дворовыми и т. д.

Вотъ исторія займа и личнаго найма, сплотившихся въ нашемъ древнемъ правѣ вмѣстѣ и составившихъ совершенно особый институтъ, исключительно свойственный только русскому праву. Нигдѣ—на сколько мнѣ извѣстно—ничего подобнаго не встрѣчается. У Римлянъ, по закону двѣнадцати таблицъ, съ неисправными должниками поступали крайне сурово, но эта суровость все-таки вытекала изъ другихъ условій. Такъ таблица третья, судя по сохранившимся фрагментамъ, почти вся посвященная опредѣленію правъ кредитора относительно неисправнаго должника, знакомитъ насъ съ тяжелыми и даже пожалуй ужасными послѣдствіями неуплаты долга. Если долгъ былъ сознанъ, или состоялось судебное рѣшеніе о взысканіи, то должнику давался тридцати дневный срокъ для добровольнаго исполненія своей обязанности (Aeris confessi rebus que jure judicatis triginta dies justi santo). По истеченіи этого срока, должникъ приводился въ судъ. Если онъ и при этомъ не платилъ, и никто не являлся за него порукой (vindex), то кредиторъ могъ увести его къ себѣ и наложить на него цѣпи — поручни и кандалы, которые могли вѣсить до пятнадцати фунтовъ (Ni judicatum facit, aut quips endo em jure vindicit, secum ducito; vincito, aut nervo, aut compedibus, quindecim pondo ne majore, aut si valet minore vincito). Закованный, такимъ образомъ, въ цѣпи должникъ могъ питаться или на свой счетъ,

или получалъ отъ кредитора въ день по фунту муки, а иногда и больше, если на то была его милость (si volet suo vivito; ni suo vivit, qui em victum habebit, libras farris endo dies dato; si volet, plus dato). Затѣмъ, должникъ могъ вступить въ мировую сдѣлку съ своимъ кредиторомъ; если же не вступалъ, то оставался въ заключеніи у кредитора въ теченіе шестидесяти дней; между тѣмъ чрезъ каждые девять дней онъ приводился къ претору и выставлялся на площади въ день торга, причемъ провозглашалась его сумма долга. Если по истеченіи тридцати дней, или послѣ третьей выставки на площади, должника никто не выкупалъ, то онъ *становился рабомъ кредитора*, который могъ его убить, или продать чужестранцамъ за Тибръ. Если же кредиторовъ было нѣсколько, то они могли *разсѣчь должника на части* и подѣлить между собою (tertüs nundinis partis secanto). Новѣйшіе писатели, впрочемъ, оспариваютъ буквальный смыслъ этого послѣдняго закона, говоря, что „partis secanto“ есть выраженіе фигуральное, что разсѣкался не должникъ, а имущество его дѣлилось на части между кредиторами. Однако древніе писатели, какъ напр. Авлъ-Геллій, Квинтильянъ, Тертульянъ, придавали этому закону буквальное значеніе, но только утверждали, что онъ былъ лишь *средствомъ устрашенія* и никогда не приводился въ исполненіе. Впрочемъ, такъ или иначе, но для насъ важно не то: для насъ важно, что по римскому, *даже древнѣйшему*, праву свободный человѣкъ становился рабомъ другаго только *по опредѣленію закона*, а *не по договору*. Свобода была неоцѣнимымъ благомъ для римлянина, и онъ не могъ добровольно продать себя въ рабство посредствомъ договора. Свобода считалась *неотчуждаемой*. Въ Институціяхъ уже ничего не говорится и о рабствѣ вслѣдствіе неуплаты долга. Тамъ мы читаемъ только, что servi.... fiunt.... *jure civili* cum liber homo, major viginti annis, ad pretium participandum sese venundari possus est. Но это только подтверждаетъ мнѣніе о неотчуждаемости свободы. Въ Римѣ, дѣйствительно, случалось, что свободный человѣкъ, сговорившись съ другимъ, выдавалъ себя за раба и былъ продаваемъ, какъ таковой а потомъ, до-

казавъ свой status libertatis, уходилъ отъ своего господина, который, такимъ образомъ, лишался и денегъ и раба. Вотъ въ предупрежденіе то такого рода мошенничествъ и состоялся вышеприведенный законъ, который, однако, могъ имѣть примѣненіе только при наличности четырехъ необходимыхъ условій: 1) чтобы лицу, выдаваемому за раба, было двадцать лѣтъ въ моментъ продажи, или въ моментъ раздѣла полученныхъ денегъ, 2) чтобы это лицо знало, что оно не рабъ, и умышленно выдавало себя за раба, съ цѣлью поживиться на счетъ полученныхъ отъ продажи денегъ; 3) чтобы деньги были дѣйствительно заплачены, и 4) чтобы покупщикъ не зналъ, что онъ покупаетъ свободнаго человѣка *). У насъ не то: у насъ свободный человѣкъ самъ шелъ въ рабы, самъ давалъ на себя кабалу. Почему это — я сейчасъ скажу. Теперь же нахожу не лишнимъ коснуться еще одного источника, изъ котораго въ старину русскіе достаточные люди черпали для себя *слугъ*. Это — *правежъ*. Въ древнемъ Римѣ, какъ я сейчасъ говорилъ, неисправныхъ должниковъ выводили на площадь и публично провозглашали сумму долга, съ цѣлью не найдется ли добрый человѣкъ, который бы избавилъ должника отъ предстоящихъ ему мукъ и заплатилъ за него. У насъ тоже такихъ должниковъ выводили на площадь и .... *сѣкли* до тѣхъ поръ, пока не явится кто-либо изъ постороннихъ лицъ и не приметъ поруки въ томъ, что должникъ заработаетъ свой долгъ въ теченіе извѣстнаго срока. При этомъ позволялось стоящихъ на правежѣ и *скупать съ правежа*, съ тѣмъ, что скупленный обязывался жить у лица, скупившаго его, и у дѣтей этого лица, *служить у нихъ во дворѣ* и жениться, а женившись по прежнему *служить во дворѣ*. Если при семъ въ обязательствѣ не было означено, сколько лѣтъ скупленный съ правежа долженъ служить во дворѣ, то онъ отдавался во дворъ тому, кому онъ далъ на себя такую запись, безъ назначенія какого-либо сро-

*) *Ortolan:* „Explication historique des instituts de l'empereur Justinien".

ка *). Вотъ, между прочимъ, одно изъ происхожденій нашихъ *дворовыхъ людей*.

Послѣ этого перехожу къ исторіи *имущественнаго найма*, и именно — найма земли.

Мы ли отправились за море къ Варягамъ и сказали имъ: „*Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами*“, или Варяги сами пришли къ намъ и завели у насъ свои порядки — вопросъ этотъ, строго говоря, мало имѣетъ значенія, самое существенное въ дѣлѣ призванія или вторженія къ намъ варяжскихъ князей, это — внесенный ими взглядъ на Русскую землю: въ принципѣ они считали ее *своею собственностью*, *своею „отчиною“*. И этотъ принципъ играетъ не маловажную роль въ исторіи развитія русскаго народа. Какъ собственники земли, великіе князья раздаютъ ее своимъ дружинникамъ, своимъ боярамъ, гриднямъ, раздаютъ духовенству. Всѣ эти привилегированныя лица, вслѣдствіе такой раздачи, владѣютъ землею уже de jure, *черные же люди* владѣютъ ею de facto, и за это платятъ разные оброки, отбываютъ разныя повинности своимъ правовымъ владѣльцамъ, платятъ подати и дань великому князю. Плохо имъ живется у одного землевладѣльца, они переходятъ къ другому — *нанимаютъ у него землю* и за пользованіе ею принимаютъ на себя обязанность исполнять опредѣленный трудъ. Такимъ путемъ образовались, такъ называемые, *ролейные закупы*, о которыхъ говоритъ Русская Правда. Они могли договариваться съ хозяиномъ земли на какихъ угодно условіяхъ. „Эти условія выработывались обычаемъ. Обыкновеннымъ условіемъ было то, что владѣлецъ долженъ былъ дать лѣсъ на постройку дома, снабдить первоначально земледѣльческими орудіями, иногда дать денегъ на первоначальное обзаведеніе. За это *закупъ* (свободный человѣкъ) закупалъ себя, т. е. на срокъ обязывалъ себя извѣстною работой. Эти отношенія были повсемѣстно и сначала они были свободными и не-

*) Улож. гл. 20.

принужденными, но впослѣдствіи изъ этихъ непринужденныхъ отношеній стала мало-по-малу развиваться зависимость лица отъ той земли, на которой онъ поселился, хотя и по добровольному условію съ хозяиномъ, но отъ которой не могъ отказаться въ силу неоплатныхъ долговъ въ отношеніи къ хозяину земли. Такъ въ эпоху Русской Правды хотя и существовали переходы земледѣльцевъ съ одной земли на другую, но эти переходы затруднялись болѣе и болѣе, потому что прежде, нежели сойти съ земли нужно было разсчитаться съ хозяиномъ, нужно было заплатить ему за земледѣльческія орудія, нужно было отдать ему деньги, такъ называемыя *пожилыя*, т. е. за домъ, за строеніе, чего земледѣлецъ не былъ въ состояніи сдѣлать, а поступалъ на болѣе продолжительную кабалу къ другому владѣльцу, лишь бы выручить себя отъ прежняго владѣльца. Такимъ образомъ, долгъ на ролейномъ закупѣ увеличивался все болѣе и болѣе, и чѣмъ онъ становился болѣе, тѣмъ труднѣе былъ переходъ съ одной земли на другую. Но такихъ закуповъ все-таки не должно смѣшивать съ рабами. Это были свободные люди; если же они не могли иногда переходить, то это происходило не по закону, а отъ того, что они не могли заплатить“ *). Между тѣмъ законъ шелъ къ тому, чтобы превратить закупа въ раба. Стоило только закупу уйти отъ хозяина, не заплативши деньги, и вотъ онъ уже становился рабомъ — такъ называемымъ *обѣльнымъ холопомъ*. Слѣдовательно, въ сферѣ имущественнаго найма, соединеннаго съ ссудой, происходило то же самое, что и въ сферѣ займа: уходъ должника отъ кредитора, безъ учиненія разсчета, влекъ за собой потерю свободы, потерю status libertatis и обращеніе въ рабство. Какъ ни мало юридической связи между *нарушеніемъ договора* и *правами личности* (изъ которыхъ на первомъ планѣ является свобода человѣка), но общечеловѣческое юридическое мышленіе до сихъ поръ не можетъ еще отрѣшиться отъ ассоціаціи между этими двумя категоріями понятій, —

*) *Михайловъ*: „Исторія русскаго права“.

ассоціаціи, прочно установившейся въ началѣ исторической жизни народовъ, когда люди дѣлились на свободныхъ и несвободныхъ, а послѣдніе приравнивались вещамъ: доказательствомъ служитъ повсемѣстное почти существованіе законовъ о *личномъ задержаніи* неисправныхъ должниковъ.

Теперь необходимо остановить вниманіе на другомъ явленіи въ исторіи русскаго законодательства, именно — на постепенно развивающейся *зависимости лица отъ земли,* окончившейся уже полною зависимостью лица отъ лица, т. е. *крѣпостнымъ правомъ.*

Въ періодъ удѣльно-вѣчевой, земли въ Россіи носили разныя названія: были земли черныя, княжескія, вотчинныя, помѣстныя, церковныя, монастырскія. За исключеніемъ первыхъ всѣ остальныя составляли *частную* собственность, т. е. принадлежали князьямъ, боярамъ, церквамъ, монастырямъ. Черными же владѣли села и города и за это владѣніе были обложены извѣстными сборами и пошлинами въ пользу доходовъ княжескихъ. Такимъ образомъ, нашъ простой людъ, *народъ* въ тѣсномъ смыслѣ, не былъ землевладѣльцемъ-собственникомъ: право собственности на земли, какъ я уже сказалъ, въ принципѣ принадлежало *князю,* — народъ же только владѣлъ и пользовался землею, неся за это извѣстныя повинности. При такихъ экономическихъ условіяхъ переходъ съ земли на землю — съ черной на черную, съ черной на вотчинную, съ вотчинной на помѣстную, съ помѣстной на монастырскую — составлялъ конечно, явленіе самое обыденное, — и въ началѣ этимъ переходамъ никто не противился. Но такой порядокъ, какъ само собою разумѣется, долго продолжаться не могъ. Бродячее народонаселеніе, — въ особенности въ такой странѣ, какъ Россія, въ странѣ земледѣльческой по преимуществу, — не могло организоваться въ прочное государство; для этого прежде всего было необходимо чтобы народъ *осѣлъ,* прикрѣпился къ землѣ. И вотъ это-то *прикрѣпленіе* и сдѣлалось задачею русскихъ государственныхъ людей отъ Ивана III до Петра I включительно. Теоретически вопросъ этотъ, повидимому, разрѣшался очень просто: стоило только предоставить народу *право*

собственности на землю, и онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, прикрѣпился бы къ ней. Но русская исторія рѣшила этотъ вопросъ иначе: она землевладѣльцамъ предоставила *право собственности на народъ,* закрѣпивъ свободныхъ людей сначала за землею, а потомъ уже за лицомъ помѣщика. Началось это съ постановленій о переходѣ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Такія постановленія мы встрѣчаемъ уже въ Судебникѣ Ивана III. Прежде всего этотъ судебникъ дѣлаетъ различіе между собственно крестьянами и такъ называемыми наймитами. Крестьянинъ, по воззрѣніямъ Судебника, садился на землѣ жить постоянно, даже безсрочно, или по крайней мѣрѣ до срока, въ который онъ можетъ оставить одну землю и перейти на другую. Судебникъ 1497 года даже съ точностью опредѣлялъ этотъ срокъ: это было за недѣлю до осенняго Юрьева дня и недѣлю послѣ этого дня. Но сойти съ земли крестьянинъ могъ не иначе, какъ уплативъ владѣльцу *пожилыя* деньги. Это было conditio sine qua non. Отсюда понятно, что хотя право перехода, по судебнику Ивана III, и оставалось неотмѣненнымъ, но могло осуществляться далеко не всегда. По Судебнику же Ивана IV этотъ законъ подвергся значительному измѣненію: если крестьяне оставались должны владѣльцу земли, то послѣдній могъ отыскивать съ нихъ деньги судебнымъ порядкомъ, но не имѣлъ права удерживать переходъ крестьянъ. Слѣдовательно, по второму Судебнику за крестьянами признавалось болѣе свободное право перехода. При Θеодорѣ Ивановичѣ, однако, вовсе запрещенъ былъ крестьянамъ переходъ съ одной земли на другую. Впрочемъ, законъ этотъ, по своей невыгодности какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для крестьянъ, удержался не надолго. При Борисѣ Годуновѣ (указами 1598 и 1601 годовъ) опять отчасти дозволено крестьянамъ переходить съ одной земли на другую, именно это дозволеніе давалось крестьянамъ, жившимъ на земляхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, и при томъ съ тѣмъ, чтобы правомъ перехода пользовались въ одно время крестьяне одной части государства, а въ другое—другой. Между тѣмъ все-таки основная мысль правительства была — какъ можно болѣе стѣ-

снить крестьянскіе переходы и совершенно прикрѣпить ихъ къ землѣ. Для этого постепенно принимались различныя мѣры, въ концѣ концевъ завершившіяся установленіемъ полнаго крѣпостнаго права. Сначала этому весьма содѣйствовали обязательные разсчеты съ владѣльцами земли. Затѣмъ— законъ, по которому нельзя было оставить земли безъ доклада тіуну, волостелю или другимъ должностнымъ лицамъ. Съ тою же цѣлью составлены были переписныя книги, на основаніи которыхъ крестьянамъ повелѣно было жить на одной и той же землѣ и не переходить, если за ними числилась недоимка. Въ тоже время крестьянъ бѣглыхъ и неуплатившихъ повинности возвращали на земли, на которыхъ они должны были жить по книгамъ при переписке земель. Равнымъ образомъ, землевладѣльцамъ предоставлялось право отыскивать крестьянъ, ушедшихъ съ земли, и для этого назначались весьма продолжительные сроки: по указу 1597 года пятилѣтній, а по указу 1607 года — пятнадцатилѣтній. Наконецъ же состоялось и совершенное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Совершилось это, какъ извѣстно, 9 марта 1607 года. Но сначала крестьяне были прикрѣплены только *къ землѣ*, составляли какъ бы ея принадлежность, оставаясь между тѣмъ людьми свободными, людьми sui juris, — но потомъ и это измѣнилось: крестьяне сдѣлались собственностью владѣльца земли, стали людьми alieni juris. Послѣдній законъ воспріялъ силу, какъ я уже сказалъ, при Петрѣ I, въ 1719 году. Съ тѣхъ поръ и начинается господство крѣпостнаго права, продолжавшееся до 19 февраля 1861 года, т. е. почти *полтора столѣтія*....

Я сказалъ, что у насъ свободный человѣкъ самъ шелъ въ рабы, самъ давалъ на себя кабалу. Но я не отвѣтилъ на вопросъ — почему это. Теперь, кажется, могу дать отвѣтъ: *потому что онъ не былъ собственникомъ земли, потому что нормандскій дружинный принципъ какъ бы игнорировалъ существованіе народа.* Тѣже причины превратили свободнаго человѣка въ крѣпостнаго....

Такимъ образомъ, слѣдуя принятой мною системѣ, я представилъ краткій историческій очеркъ „займа обезпеченнаго

свободой должника", и „найма земли" и указалъ на тѣ аномаліи, въ которыя выродились эти институты въ русскомъ правѣ, подъ вліяніемъ занесенныхъ къ намъ нормандскихъ воззрѣній. Теперь мнѣ остается коснуться исторіи „личнаго найма", въ его чистомъ видѣ съ сохраненіемъ всей его юридической природы.

Уже à priori можно сказать, что институтъ личнаго найма, (и именно найма для физическаго труда) во всей его юридической чистотѣ, не долженъ имѣть значительнаго развитія въ русскомъ правѣ. При существованіи рабовъ, кабальныхъ холоповъ, холоповъ обѣльныхъ, всякаго рода закуповъ, наконецъ крѣпостныхъ людей, составлявшихъ собственность помѣщика,— много ли мѣста найдется для свободнаго личнаго найма? И дѣйствительно: хотя этотъ наемъ и не былъ совершенно чуждъ нашей жизни, но законовъ о немъ было весьма мало,—жизнь какъ бы не требовала отъ законодателя нормированія юридическихъ отношеній, возникающихъ при этомъ видѣ найма. Въ Псковской судной грамотѣ встрѣчаются постановленія о наймахъ, какъ объ особомъ родѣ договоровъ, которые могли совершаться по записи или безъ записи. Здѣсь мы находимъ выраженіе о наймахъ *на отрядъ*, т. е. до окончанія извѣстной работы, а также встрѣчаемъ наймы на срокъ—мѣсячный и годовой. По окончаніи срока или работы *наймитъ* могъ требовать отъ хозяина задѣльной платы. Эта плата должна была быть ему выдаваема безъ всякихъ стѣсненій. Если хозяинъ не выдавалъ заработной платы, то работникъ имѣлъ право требовать ее *закличкой*, т. е. публично на площади или на рынкѣ. Если работникъ, нанявшійся на срокъ, уходилъ до срока, то плату получалъ по разсчету за заработанное время; если же онъ переживалъ срокъ, то излишнее время въ разсчетъ не принималось. Если наймитъ отходилъ отъ хозяина, не окончивъ работы, а между тѣмъ утверждалъ, что онъ кончилъ ее, то дѣло разбиралось судомъ, который рѣшалъ на основаніи рядной записи, если такая была, а если ея не было, то хозяинъ или наймитъ долженъ былъ цѣловать крестъ въ доказательство своего права; хозяинъ могъ дать цѣловать крестъ наймиту,

но въ такомъ случаѣ долженъ былъ положить у креста ту сумму денегъ, которую требовалъ наймитъ. Точно такой же порядокъ соблюдался по Псковской грамотѣ и при разсчетахъ мастеровъ съ учениками. *) По Судебнику Ивана III наемникъ, который не дослужилъ своего срока, лишался наемной платы. Въ Судебникѣ Ивана IV говорится тоже самое, съ добавленіемъ, что господинъ, который сталъ бы удерживать у наемника наемную плату и въ своемъ несправедливомъ поступкѣ былъ бы уличенъ, подвергался взысканію этой платы вдвое. Указомъ 11 октября 1555 года постановлено, чтобы на человѣка, служащаго *изъ доброй воли* безъ крѣпости, суда не давать, если бы нанимавшій его, по случаю его отхода, сталъ искать на немъ сноса. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскимъ людямъ запрещено жить въ услуженіи по крѣпостямъ и *добровольно* у некрещеныхъ иноземцевъ. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ о доброволъномъ наймѣ лишь отрывочныя постановленія, которыя касаются главнымъ образомъ лицъ, не имѣвшихъ права держать у себя вольныхъ людей въ кабальномъ холопствѣ, а также лицъ, неимѣвшихъ правъ поступать въ кабальное холопство. Съ установленіемъ крѣпостнаго права, нормировать отношенія, вытекающія изъ личнаго найма, было почти излишнимъ, такъ какъ прислуга и вообще рабочій людъ брались по преимуществу изъ лицъ крѣпостнаго состоянія. Но законодателю необходимо было нормировать другія отношенія, которыя если не впервые возникли, то, по крайней мѣрѣ получили наибольшее развитіе послѣ реформъ Петра Великаго и послѣдующихъ царствованій. Это именно отношенія, возникающія между лицами, занимающимися какимъ либо ремесломъ, а также принимающими участіе въ фабричномъ или заводскомъ производствѣ, т. е. между цеховыми мастерами, подмастерьями, учениками, между фабрикантами, заводчиками и служащими у нихъ. Съ этою-то цѣлью и были изданы: въ 1785 году, при Екате-

*) *Михайловъ* „Исторія русскаго права.“

ринѣ II *Ремесленное Положеніе*, а въ 1799 году при Павлѣ I, *Уставъ о цехахъ*. Этими законами, между прочимъ, установлялись слѣдующія правила (я выбираю именно тѣ, которыя имѣютъ преимущественное отношеніе къ разрѣшенному нами вопросу): 1) кромѣ платы требовать отъ хозяина жилища и содержанія нанявшемуся въ прикащики или сидѣльцы Уставомъ о цехахъ дозволено только въ томъ случаѣ, когда о семъ въ договорѣ сдѣлано нарочное условіе; 2) хозяинъ съ нанявшимися долженъ обходиться справедливо и кротко, требовать отъ нихъ только работы, условленной по договору, или той для которой наемъ учиненъ, платить имъ точно и содержать исправно; 3) нанявшійся въ работу или отданный въ ученіе долженъ быть вѣрнымъ, послушнымъ и почтительнымъ къ хозяину и его семьѣ, и стараться добрыми поступками и поведеніемъ сохранять домашнюю тишину и согласіе. Сія послѣдняя обязанность распространяется и на хозяина, для отвращенія случая къ обоюднымъ неудовольствіямъ и жалобамъ; 4) прежде наступленія срока воспрещается нанявшемуся отходить отъ своего хозяина, а сему послѣднему не дозволяется его отсылать до того же срока. Такого рода правила, какъ опредѣляющія отношенія между лицами данной, опредѣленной категоріи, были совершенно раціональны. Нѣтъ ничего страннаго, натянутаго, между прочимъ и въ томъ законоположеніи, что подмастерье или ученикъ, вступившій въ семью своего хозяина *(мастера)*, какъ бы членъ ея, какъ бы семьянинъ, обязывался быть послушнымъ, почтительнымъ къ своему хозяину и его семьѣ, обязывался сохранять домашнюю тишину и согласіе. Все это, повторяю, весьма просто и естественно и ничья юридическая совѣсть возмущаться такими законоположеніями не можетъ. Но представьте себѣ, что изъ этихъ правилъ, написанныхъ собственно для ремесленниковъ и цеховыхъ дѣлается общій законъ, обязательный для лицъ всевозможныхъ профессій—что тогда? Не вызоветъ ли это страшную путаницу во множествѣ юридическихъ отношеній, не имѣющихъ ничего общаго съ отношеніями мастеровъ къ подмастерьямъ? И вотъ такая-то путаница и, дѣйствительно, произошла у насъ, благодаря со-

ставителямъ свода. Понадергавъ нѣсколько законоположеній изъ Ремесленнаго Положенія и Устава о цехахъ и пришпиливъ ко всему этому общее опредѣленіе, заимствованное изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича (ст. 2201 т. X ч. I), составители свода создали институтъ личнаго найма по русскому праву. А единственное установленіе въ имперіи компетентное въ интерпретаціи законовъ—кассаціонный сенатъ пришелъ къ убѣжденію что предметомъ личнаго найма (на основаніи 2201 ст. т. X ч. I) можетъ быть не только личный физическій трудъ, но и исполненіе за извѣстное вознагражденіе личныхъ обязанностей, требующихъ извѣстныхъ познаній и умственной дѣятельности, такъ, напримѣръ, *ходатаевъ по дѣламъ, управляющихъ,* воспитателей и проч.“ Такимъ образомъ, домашняя прислуга и наниматели, отцы семействъ и педагоги, адвокаты и кліенты, мастера и подмастерья—всѣ подпали подъ дѣйствіе Ремесленнаго Положенія, Устава о цехахъ и Екатерининскихъ временъ Устава благочинія! Дальше идти уже было нельзя. Это сознавали и въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ, а потому въ 1870 году признано необходимымъ подвергнуть коренному пересмотру законы о личномъ наймѣ, какъ особомъ отдѣлѣ русскихъ гражданскихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы въ развитіи постановленныхъ по этому предмету основныхъ положеній были затѣмъ изданы, въ законодательномъ порядкѣ, опредѣленныя для каждаго вида рабочихъ, въ томъ числѣ и для домашней прислуги, инструкціи. Съ этою цѣлью, въ 1870 г. Высочайше установлена особая коммиссія, которой поручено составить новый проектъ этого отдѣла русскаго права. *) Теперь же ходятъ слухи, что проектъ правилъ объ отношеніяхъ прислуги къ нанимателямъ скоро будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ и что, по всей вѣроятности, новый законъ состоится или весною настоящаго года, или осенью, вскорѣ по возобновленіи занятій въ государственномъ совѣтѣ.

---

*) *Андреевскій:* „Полицейское право.“

И такъ вотъ исторія личнаго найма по нашему русскому праву.

Этимъ я заканчиваю историческій очеркъ и перехожу къ выводамъ.

Въ началѣ я поставилъ вопросъ: нормированы ли нашимъ законодательствомъ правовыя, юридическія отношенія, существующія между *хозяиномъ* и *прислугою?* Теперь отвѣчаю: если говорить строго, то *нѣтъ, не нормированы.* При существованіи крѣпостнаго права они нормировались на основаніи этого права; и уничтоженіемъ же крѣпостнаго права, они раціональнымъ образомъ ничѣмъ не нормируются, потому что законоположенія, находящіяся въ I-й главѣ IV-го раздѣла четвертой книги I-й части X-го тома свода законовъ гражданскихъ до отношеній прислуги къ хозяину нисколько не касаются. Между тѣмъ, въ силу 2201 ст. т. X ч. I,—въ которой прямо говорится, что личный наемъ можетъ быть, между прочимъ, и для *домашнихъ услугъ*,—всѣ споры, возникающіе изъ этихъ отношеній, должны быть разрѣшаемы непремѣнно на основаніи означенной главы. Вотъ, такъ сказать, юридическая коллизія, въ которую поставленъ судъ, а также и мы русскіе юристы.

А потому предложенный Обществу вопросъ: „въ правѣ ли хозяинъ, во всякое время дня и ночи, отказать нанятой прислугѣ въ жилищѣ и содержаніи, если таковое было условлено“,—какъ долженствующій разрѣшаться на основаніи 2223 ст. т. X ч. I, хотя законъ, выраженный въ этой статьѣ собственно относится къ прикащикамъ и сидѣльцамъ,—необходимо разрѣшается *отрицательно.* И за это никто не можетъ винить ни судъ, ни русскихъ юристовъ. Въ настоящее время эта ошибка признана самимъ правительствомъ, и оно исправитъ ее,—слѣдовательно, объ этомъ говорить больше нечего. Но вотъ что не можетъ не интересовать насъ: отношеніе нашего общества къ судебному рѣшенію, уравнивающему права хозяина и прислуга. Вамъ это отношеніе извѣстно. Общество наше раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря: одни за прислуги, другіе за хозяевъ. Каждый лагерь имѣетъ своихъ литературыхъ представителей. Предста-

вители эти, по моему мнѣнію, правы каждый въ своемъ родѣ, но только они всѣ вмѣстѣ не правы въ одномъ—въ непозволительномъ желаніи небудучи юристами разрѣшать чисто юридическіе вопросы. Впрочемъ такова ужь участь науки права: нѣтъ человѣка, который бы не считалъ себя въ ней компетентнымъ!... Я не безъ цѣли представилъ вамъ историческій очеркъ *найма и займа* по русскому праву. Изъ этого очерка видно, что эти договоры только симулировали отношенія между прислугою и хозяиномъ,—что на сценѣ собственно были не должникъ и кредиторъ, не арендаторъ и землевладѣлецъ, а *слуга* и *хозяинъ*. Какъ же нормировались эти послѣднія отношенія? На это даетъ намъ отвѣтъ тотъ же очеркъ: слуга былъ—*рабъ*, *холопъ*, хозяинъ былъ—*господинъ*. Итакъ продолжалось отъ Рюрика и до нашихъ дней. Что при такихъ условіяхъ должно было сдѣлатся съ русскимъ юридическимъ сознаніемъ по отношенію къ прислугѣ? То, что и сдѣлалось, а именно въ этомъ сознаніи сложились понятія, выразить которыя приняли на себя трудъ „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“. Хотя эти понятія, въ настоящее время, съ отмѣною крѣпостнаго права, и представляются анахронизмомъ, но такъ какъ они слагались вѣками, то и разложиться могутъ не въ одно десятилѣтіе. Вотъ почему я говорю, что представители обоихъ лагерей правы.

Послѣ всего этого мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по вопросу о *самоуправствѣ*.

Жизнь природы (разумѣется, въ самомъ обоюдномъ смыслѣ) служитъ регуляторомъ матеріальной стороны нашей цивилизаціи; *правительственная же власть* является регуляторомъ нашей нравственной цивилизаціи. Вслѣдствіе этого, *законъ*—строгій, опредѣленный и точный, былъ первою необходимостью для первобытнаго человѣка,—съ него собственно и началась цивилизація нравственная; онъ былъ нуженъ человѣку прежде всего другаго, потому что остальное можетъ быть пріобрѣтено лишь съ помощью его. Но, будучи дѣломъ преимущественной важности для первобытнаго человѣка, законъ, въ тоже время, являлся *предметомъ величайшаго затрудненія* для него: придти къ нему было на

столько же трудно, на сколько благодѣтельны были результаты такого достиженія. Вотъ мнѣніе одного изъ замѣчательныхъ англійскихъ ученыхъ, пролагающаго новый путь къ разрѣшенію соціальныхъ и юридическихъ вопросовъ*). Если законъ былъ первымъ, необходимымъ условіемъ цивилизаціи, то отрицаніе закона, непризнаніе его, *самоуправство*, было той темной силой, которая задерживала цивилизацію. Отсюда, само собою разумѣется, что самоуправство не только столь же древне, какъ самый законъ, но даже древнѣе его,— и что чѣмъ менѣе цивилизованъ народъ, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ уваженія къ закону (какой бы онъ ни былъ—это все равно) и тѣмъ болѣе проявляются у него самоуправство. Поэтому, нисколько не удивительно, что понятіе самоуправства не чуждо даже нашимъ древнѣйшимъ законодательнымъ памятникамъ, напримѣръ, Русской Правдѣ. Признаетъ ли законодательство надобность въ особомъ опредѣленіи самоуправства, или только принимаетъ карательныя мѣры противъ тѣхъ преступленій, въ которыя облекается преступное самоуправство—это въ сущности все равно: дѣло въ томъ, что ни одно законодательство не можетъ игнорировать самоуправство и оставлять его безъ наказанія. Держась раціональной системы дѣленія преступленій, самоуправство необходимо отнести къ разряду преступленій и проступковъ противъ порядка управленія. А потому я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ Буцковскаго **), что различные виды самоуправства будто бы только *косвеннымъ образомъ* задѣваютъ его общественное право. Нельзя согласиться и съ Бернеромъ, который думаетъ, что, въ случаѣ самовольнаго осуществленія своего права, употребленное для того насиліе есть правомѣрная сила. Возстановлять поколебленный порядокъ есть исключительно право общественной власти, имѣющей для этого особые органы, и никто изъ частныхъ лицъ присвоивать себѣ это право не можетъ. Наше,

---

*) *В. Беджготъ*: „Естествознаніе и политика“.

**) *Буцковскій*: „Дѣйствующій законъ о самоуправствѣ и насиліи“.

нынѣ дѣйствующее, законодательство не даетъ по вопросу о самоуправствѣ никакихъ ясныхъ и точныхъ опредѣленій. У насъ, какъ извѣстно, есть двѣ статьи, предусматривающія это преступленіе: 289 ст. Улож. о Наказ. и 142 ст. Уст. о Наказ., налаг. Мир. Суд. По первой самоуправство есть преступленіе противъ порядка управленія, по второй—нарушеніе частныхъ правъ. Все это, конечно, ставитъ судъ весьма въ затруднительное положеніе. Практика Кассаціоннаго Сената также не выяснила дѣла; наши юристы, занимавшіеся этимъ вопросомъ,—именно, Неклюдовъ и Буцковскій остановились на томъ, что преступное самоуправство не мыслимо безъ насилія. Буцковскій даже полагаетъ, что 142 ст. Уст. о наказ. можно было бы выразить точнѣе слѣдующимъ образомъ: „за самоуправное стѣсненіе неприкосновенныхъ правъ личности, а равно за употребленіе насилія, однако безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья и проч.“ Пусть будетъ такъ. Но и въ такомъ случаѣ „удаленіе хозяиномъ прислуги въ ночное время“,—*какъ явное стѣсненіе неприкосновенныхъ правъ личности*,—есть все-таки преступное самоуправство, требующее наказанія.

Такимъ образомъ, нашъ второй вопросъ разрѣшается положительно.

Л. Ѳ. Снегиревъ. Вопросъ, предложенный на обсужденіе Юридическаго Общества, В. И. Кохновымъ,—вправѣ-ли хозяинъ во всякое время дня и ночи отказать нанятой прислугѣ въ жилищѣ и содержаніи, если таковое было условлено и будетъ-ли удаленіе хозяиномъ прислуги въ ночное время составлять самоуправство?—вопросъ этотъ, строго говоря, не представляетъ никакого вопроса, никакого затрудненія къ его разрѣшенію съ правовой точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ если хозяинъ и прислуга нормировали свои отношенія извѣстными опредѣленными условіями, то произвольное нарушеніе одною изъ договаривающихся сторонъ договорныхъ отношеній по поводу найма въ услуженіе, нарушеніе, сопровождаемое стѣсненіемъ неприкосновенныхъ правъ въ личности (удаленіе хозяиномъ прислуги въ ночное

время составляетъ само собою разумѣется стѣсненіе неприкосновенныхъ правъ личности) влечетъ за собою нетолько взысканіе прислугою съ хозяина убытковъ за нарушеніе договорныхъ отношеній, но и уголовную отвѣтственность для хозяина за самоуправство. Къ такому выводу придетъ всякій, если онъ отрѣшится отъ предвзятыхъ взглядовъ и будетъ смотрѣть на хозяина и прислугу, какъ на двѣ равноправныя стороны, вошедшія въ договорныя отношенія. Но въ томъ-то и дѣло, что наше юридическое мышленіе, благодаря бытовымъ, историческимъ условіямъ, соединяетъ иныя, совершенно неравноправныя понятія съ словами *хозяинъ* и *прислуга*. Историческій очеркъ, сдѣланный уважаемымъ А. М. Пальховскимъ, привелъ его къ совершенно правильнымъ выводамъ, что „*слуга* у насъ всегда былъ *рабъ*, *холопъ*; *хозяинъ* былъ *господинъ*. И такъ продолжалось отъ Рюрика и до нашихъ дней". Несмотря на отмѣну рабства, крѣпостнаго права, реформа котораго коснулась 90% населенія русскаго государства, несмотря на все это мы до настоящаго времени не можемъ еще отрѣшится отъ крѣпостныхъ сословныхъ началъ. Даже наша передовая интеллигенція, часть нашей публицистики, живетъ и пробавляется взглядами давно отжившими. Такъ Московскія вѣдомости, разсуждая въ одной изъ передовыхъ статей своихъ, по поводу отношеній хозяевъ къ прислугѣ, говорятъ между прочимъ: „Во всемъ мірѣ отношенія хозяевъ и прислуги носятъ особый характеръ, отличающій ихъ отъ всѣхъ другихъ. Прислуга обязана повиновеніемъ, вѣжливостью, почтительностью къ своему хозяину и его семейству, при чемъ нетолько дерзость, но и простая грубость прислуги не можетъ быть терпима. Другая сторона этихъ отношеній та, что прислуга обязана выслушивать дѣлаемыя замѣчанія, хотя бы они были высказываемы и въ рѣзкой формѣ. Въ этомъ нѣтъ никакой несправедливости, никакого угнетенія слабыхъ сильными. Хочешь стоять на ровной ногѣ,—не нанимайся въ услуженіе; нанялся въ услуженіе,—подчиняйся естественнымъ условіямъ добровольно принятаго положенія. Само собою разумѣется что прислуга не можетъ быть отдана въ обиду нанимателямъ, но мѣрка о бид-

наго въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не та, которая принимается въ сношеніяхъ между лицами, находящимися въ иныхъ отношеніяхъ. Не всякое слово, невсякое дѣйствіе, которое должно быть признано обиднымъ относительно посторонняго лица, можетъ быть признано обиднымъ въ отношеніи къ прислугѣ; съ другой стороны, на оскорбленіе прислугой ея хозяевъ повсюду смотрятъ какъ на оскорбленіе лицъ, въ отношеніи коихъ виновные обязаны *особымъ* уваженіемъ. Такъ смотрятъ на взаимныя отношенія прислуги и хозяевъ *въ цѣломъ мірѣ*. Судебный Вѣстникъ. (№ 277 за 1873 г.), совершенно соглашаясь въ этомъ отношеніи съ публицистами Страстнаго бульвара (такъ именуетъ онъ Гг. Каткова и Леонтьева), между прочимъ, идетъ въ своихъ сужденіяхъ еще далѣе. Онъ говоритъ: „полное нравственное равенство между хозяевами и прислугою признается только въ общежитіяхъ въ родѣ фаланстеріи или парижской коммуны; но всѣ просвѣщенные народы, даже самые передовые изъ нихъ, этаго равенства не признаютъ. Даже тамъ, гдѣ господствуетъ полная демократія и признается принципъ народнаго самовластія, *слуги* исключены изъ права политическаго представительства". Наконецъ и здѣсь, въ средѣ нашего общества, изъ устъ нашего сочлена, Е. Е. Карцева, мы слышимъ выводы, навѣянные упомянутыми публицистами: „возможно-ли намъ русскимъ говорить о какихъ либо равноправныхъ отношеніяхъ хозяина и слуги, когда даже въ Англіи, наиболѣе просвѣщенной странѣ, прислуга нетолько не пользуется политическими правами, но хозяинъ провинившагося слугу можетъ даже побить, слѣдовательно нетолько произвольно удалить изъ своего жилища, но принимать противъ него наиболѣе крутыя мѣры, за которыя мы русскіе, отправляясь отъ равноправности хозяина и слуги, подвергли бы хозяина уголовной отвѣтственности, не только за самоуправство, но пожалуй даже какъ за нанесеніе тяжкихъ побоевъ". Но держатся-ли такіе взгляды на строго юридической почвѣ? прежде всего нельзя незамѣтить, что русское юридическое мышленіе, отправляясь отъ того взгляда, что во всемъ мірѣ отношенія хозяина и прислуги носятъ особый характеръ, отли-

чающій ихъ отъ всѣхъ другихъ; что слуги исключены изъ права политическаго представительства, что такой взглядъ смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя сферы,—*сферу политическую* съ сферою строгою *юридической*. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что *слуги* въ настоящее время не пользуются всѣми политическими правами; что они исключаются изъ права политическаго представительства; хотя съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя незаявить, что даже въ Англіи, странѣ монархически-представительной идетъ постоянная и сильная агитація за политическое представительство слугъ. Но съ другой стороны теорія зависимости и покровительства, проповѣдуемая нашими публицистами, несообразна съ состояніемъ новаго общества. Вотъ что говоритъ всѣмъ извѣстный передовой европейскій умъ, Д. С. Милль (Пол. Экон. т. II изд. 5-е 1865 г. стр. 279 и послѣд.) разбирая толки мыслителей и общественныхъ людей по поводу положенія рабочаго, служащаго люда. Онъ подмѣчаетъ двѣ противоположныя теоріи о томъ какого общественнаго положенія слѣдуетъ желать для служащаго рабочаго класса. Одну теорію онъ называетъ *теоріею зависимости и покровительства*; другую—*теоріею самостоятельности*. По первой теоріи участь бѣдныхъ во всемъ, что касается ихъ всѣхъ вмѣстѣ, должна быть опредѣлена *за нихъ*, а *не ими*. Теорія эта говоритъ, что высшіе классы обязаны думать за нихъ, принимать на себя отвѣтственность за ихъ судьбу, какъ командиръ и офицеръ арміи беретъ на себя отвѣтственность за составляющихъ ее солдатъ. По этой теоріи отношеніе между богатыми и бѣдными только отчасти должно быть повѣлительное: оно должно быть также нравственное, сентиментальное: съ одной стороны любящее опекунство, съ другой—почтительное и признательное послушаніе. Самобытнаго дѣйствованія бѣднымъ ненужно. Все ихъ призваніе въ томъ, чтобы исполнить свою насущную потребность и быть нравственными и религіозными. Критикуя эту теорію, Милль, между прочимъ, говоритъ: „эта теорія основана на недовольствѣ господствующаго класса настоящимъ и принимаетъ форму любви къ прошедшему и сожалѣнію, что оно миновалась. Ошибка этой теоріи состоитъ въ томъ, что

люди, слѣдующіе ей, не понимаютъ, что добродѣтели и чувства подобно племенному чувству и гостепріимству кочеваго араба принадлежатъ въ сильнѣйшей степени грубому, неудовлетворенному состоянію общественнаго быта и что чувства между покровителемъ и покровительствуемымъ уже не могутъ имѣть этого обольстительнаго и милаго характера тамъ, гдѣ уже нѣтъ серьезныхъ опасностей, противъ которыхъ была-бы нужда въ покровительствѣ. Зависимый, рабочій классъ находитъ теперь покровительство только въ законахъ, когда законы не измѣняютъ своему долгу. Быть подъ властью какого нибудь лица,—это положеніе, прежде бывшее единственнымъ условіемъ безопасности, теперь, говоря вообще, остается единственнымъ отношеніемъ подвергающимъ тяжелой несправедливости. Такъ называемые покровители—теперь единственныя лица противъ которыхъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ нужно покровительство. Обида и тиранство, которыми наполненъ каждый списокъ полицейскихъ дѣлъ есть обиды мужей женамъ, родителей дѣтямъ и проч. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей (это было писано въ 1 половинѣ XIX в.), что онъ только теперь дѣлаетъ первую робкую попытку прекращать и наказывать ихъ. Никакой мужчина, никакая женщина чтобы жить независимымъ трудомъ ненуждаются ни въ какомъ другомъ покровительствѣ, кромѣ того, которое могли-бы и обязаны давать имъ законы. При такихъ обстоятельствахъ продолжать считать за безспорное дѣло, что вѣчно должны существовать отношенія, основанныя на покровительствѣ, это свидѣтельствуетъ о глубокомъ незнаніи человѣческой натуры: какъ невидѣть, что принятіе роли покровителя и власти, принадлежащей покровителю безъ всякой оправдывающей надобности должно порождать чувства, прямо противоположныя преданности?“

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку изъ книги Милля. Эти соображенія служатъ лучшею критикой для нашихъ доморощенныхъ публицистовъ, толкующихъ вкось и кривь о такого рода вопросахъ, надъ которыми давнымъ давно произнесъ приговоръ лучшими передо-

выми европейскими умами. Если въ настоящее время, существуютъ законоположенія въ отношеніи формы и прислуги, носящія особый характеръ, отличающій ихъ отъ всѣхъ другихъ, характеръ покровительства, опекунства съ одной стороны и безусловной подчиненности съ другой,—то все это есть отголоски феодальныхъ началъ и крѣпостничества. Въ настоящее-же время, съ отмѣною рабства, отношенія къ прислугѣ и вообще къ рабочему люду должны быть совершенно инаго рода. Бѣдные уже переросли возможность водить ихъ на помочахъ и нельзя поступать съ ними, какъ съ дѣтьми. Забота о ихъ судьбѣ должна быть предоставлена имъ самимъ. Нынѣшней націи—говоритъ Милль—приходится понять, что благосостояніе народа должно основываться на справедливости и самоуправленіи, dikaiosynê и Sophrosynê, каждаго гражданина. Теорія зависимости хочетъ обойтись безъ этихъ качествъ въ зависимыхъ сословіяхъ. „Но теперь, когда и по общественному положенію они становятся все менѣе и менѣе зависимы, а мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны и тою степенью зависимости, какая еще остается, необходимо относительно ихъ сохранять качества нужныя для независимыхъ людей. Если дается *теперь совѣтъ рабочимъ классамъ, надобно подавать его имъ какъ равнымъ, чтобы они судили о немъ собственнымъ умомъ.* Будущность зависитъ отъ того, до какой степени они могутъ-стать разумными людьми.“ Вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ знаменитый философъ, котораго никто и никогда не заподозритъ въ принадлежности къ парижской коммунѣ или къ какой нибудь фаланстеріи, а между тѣмъ всякій согласится, что выводы его діаметрально противоположны выводамъ публицистовъ Московскихъ Вѣдомостей, Судебн. Вѣстника, „tutti quanti.“

Но какого же взгляда держится законодательство наше по вопросу объ отношеніи хозяевъ и прислуги?

Въ сводѣ законовъ гражданскихъ (т. X, ч. I) мы находимъ слѣдующія постановленія; ст. 2229 говоритъ: „хозяинъ съ нанявшимися долженъ обходится справедливо и кротко, требовать отъ нихъ токмо работы, условленной по

договору, или той, для которой наемъ учиненъ, платить имъ точно и содержать исправно" и ст. 2230: нанявшійся въ работу или отданный въ ученіе долженъ быть вѣрнымъ и почтительнымъ къ хозяину и его семьѣ и стараться добрыми поступками и поведеніемъ сохранить домашнюю тишину и согласіе. Сія послѣдняя обязанность распространяется и на хозяина, для отвращенія случая къ обоюднымъ неудовольствіямъ и жалобамъ." Вотъ и всѣ законоположенія, касающіяся личныхъ отношеній между слугами и нанимателями. Это такого рода законоположенія, которыя при примѣненіи на практикѣ могутъ пораждать массу недоразумѣній. Такимъ законоположеніямъ вовсе нѣтъ мѣста *въ гражданскомъ кодексѣ.* Они напоминаютъ постановленія нашего свода, по семейному праву, гдѣ мужъ обязанъ любить свою жену и проч., т. е. такого рода постановленія, которыя заключаютъ въ себѣ растяжимыя понятія, подлежащія сферѣ нравственной, а не юридической. При чемъ необходимо замѣтить, на что впрочемъ указалъ уже А. М. Пальховскій, что двѣ эти статьи выведены редакторами Свода Законовъ не изъ какихъ либо указовъ о слугахъ, *а изъ Ремесленнаго Положенія*, составляющаго часть *Грамоты на права и вольности городамъ Россійской имперіи* (21 апрѣля 1785 г.). Самое положеніе 19 февраля не коснулось да и немогло коснуться, отношеній хозяевъ къ прислугѣ. Ибо законоположенія относительно крестьянъ, виновныхъ въ оскорбленіи помѣщиковъ на землѣ которыхъ водворены, законоположенія, которыя установляютъ для виновныхъ, какъ высшую мѣру наказанія,—ссылку въ Сибирь на поселеніе,—собственно говоря относятся къ временно-обязаннымъ, слѣдовательно къ лицамъ, находящимся пока въ подчиненномъ отношеніи къ прежнимъ своимъ господамъ. И такъ мы видимъ, что съ положительной точки зрѣнія нашего свода, нѣтъ закона который нормировалъ бы отношенія прислуги къ хозяевамъ; что вышеупомянутыя статьи, возникшія еще при крѣпостномъ правѣ, очевидно въ настоящее время не могутъ служить нормою этихъ отношеній; что этою нормою должны быть иныя законоположенія, которыхъ въ нашемъ кодексѣ пока еще не

установлено. При отсутствіи законоположеній, нормирующихъ личныя отношенія между хозяевами и слугами, что-же дѣлать русскимъ судамъ? Мы имѣемъ въ виду мировой институтъ, такъ какъ ему по преимуществу приходится разбирать взаимныя отношенія прислуги и хозяевъ. Говорятъ что „законъ положительно предписываетъ мировымъ судьямъ руководствоваться при недостаткѣ положительныхъ законоположеній обычаемъ. Въ отношеніи слугъ и хозяевъ обычай и притомъ совершенно однообразный, независящій отъ сословныхъ правъ хозяина у насъ, какъ и вездѣ въ мірѣ, такъ твердо и опредѣлительно сложился, что мировой судья въ немъ и въ 2 статьяхъ X т. можетъ всегда найти безъошибочное основаніе для разрѣшенія всевозможныхъ казусовъ.“ (См. Суд. Вѣст. 1874 г. № 4). Дѣйствительно мировой судья можетъ руководствоваться при разрѣшеніи дѣла, при недостаткѣ ясныхъ и положительныхъ законовъ *мѣстными обычаями.*

Но существуютъ ли у насъ въ настоящее время такого рода обычаи въ отношеніи слугъ и хозяевъ, которыми бы могъ руководствоваться мировой судья? Здѣсь необходимо прежде всего остановиться на элементарныхъ понятіяхъ, соединяемыхъ съ обычаемъ вообще. Въ ученіи объ обычномъ правѣ обычай правовой, юридическій часто смѣшиваютъ съ фактическимъ, или, выражаясь точнѣе, *съ обычаемъ какъ обыкновеніемъ* (Gewohnung) (См. Unger. System d. öster. Pr. Rechts—1 ч. 3 изд. стр. 38—40). Обычай, какъ источникъ права, юридическій, правовой, *сознается какъ необходимость*; та или другая его норма, то или другое правило признается кончательнымъ именно потому, что какъ его приложеніе,, такъ и самъ онъ сознается, какъ необходимость. Значитъ приложеніе нормъ обычнаго права, какъ и писаннаго закона, совершенно независимо отъ того, зналъ или нѣтъ о существованіи этой нормы тотъ къ чьимъ отношеніямъ она должна быть приложима. Точно также, какъ невѣденіемъ закона никто неможетъ отговариваться и не знаніемъ обычая. Иное дѣло *обыкновеніе.* Оно сознается лишь только какъ общепринятая манера, общепринятое однообразіе, по которому

что либо совершается, какъ нѣчто quod plerumque fit. Примѣнимъ-же эти безспорно научныя положенія къ занимающему насъ вопросу. Мы знаемъ, что отъ Рюрика и до нашихъ дней, до освобожденія Россіи отъ крѣпостнаго права, *слуга* былъ *рабъ*, *холопъ*; *хозяинъ*—*господинъ*, *владыко*. И такія отношенія установлены были неправовымъ обычаемъ, а сплою самаго закона.

Съ освобожденіемъ Россіи отъ крѣпостнаго права, само собою разумѣется, уничтожились и тѣ кабальныя отношенія, которыя установлены были закономъ между слугами и господами. Между тѣмъ наши юристы хотятъ закрѣпить эти отмѣненныя отношенія и освятить ихъ силою обычая. Иначе, говоря отношенія, установленныя, между слугами и господами въ силу закона и отмѣненныя закономъ-же, наши юристы хотятъ возстановить силою обычая. Но это будетъ очевидно не правовой обычай, а обыкновеніе, общепринятое однообразіе. Это будутъ отголоски прошлаго отрѣшиться отъ которыхъ можетъ русское мышленіе не вдругъ, а мало по малу. Такова судьба всѣхъ реформъ въ Россіи. Всѣ они идутъ сверху и только мало по малу входятъ въ плоть и кровь русскаго человѣка. На нашихъ глазахъ совершилась судебная реформа. Сколько борьбы встрѣтила она на первыхъ порахъ. Благодаря крѣпостнымъ сословнымъ началамъ, многіе никакъ не могли помириться съ тѣмъ фактомъ, что на судѣ всѣ равны и богатые и бѣдные, и высокопоставленный, и худородный. Мы сами видѣли, какъ въ мировомъ судѣ въ началѣ его существованія отвѣтчикъ—баричъ приходилъ въ ужасъ, что благодаря истцу—мужику, предъявившему къ нему—баричу искъ о взысканіи денегъ за произведенныя работы, мировой судья ставилъ его отвѣтчика высокопоставленнаго на одну доску съ мужикомъ и о ужасъ! не приглашалъ его отвѣтчика сѣсть, а заставлялъ стоя представлять возраженія противъ мужицкихъ объясненій.

Конечно, такія явленія въ мировомъ институтѣ были на первыхъ порахъ его существованія; конечно теперь мало по малу входитъ въ сознаніе народа идея равноправности;

но крѣпостныя, составныя начала, отмѣненныя нынѣ царствующимъ монархомъ, еще живутъ въ сознаніи народа. Этого мало. И хотятъ даже навязать мировому институту въ видѣ юридическихъ обычаевъ. Но при этомъ забываютъ, что отношенія между людьми прежде всего нормируются закономъ; что обычай и при томъ только юридическій долженъ имѣть мѣсто не въ отмѣну, а въ дополненіе недостающихъ ясныхъ и положительныхъ законовъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ „Revue des Deux Mondes', г. Лавенэ, по поводу бѣдственнаго положенія ирландскаго населенія, говоритъ: „зло происходитъ не отъ людей, но отъ законовъ: оно является результатомъ необезпеченности фермеровъ" („insecurity of fenmire"). Такъ и у насъ: кажущіяся будто бы ненормальныя отношенія между хозяевами и прислугою, благодаря которымъ будто-бы мировой институтъ даже ставитъ прислугу въ привилегированное положеніе (съ чѣмъ мы никакъ не можемъ согласиться) въ отношеніи къ хозяевамъ объясняется отсутствіемъ законоположеній, которыя-бы нормировали личныя отношенія хозяевъ и прислуги и при существованіи которыхъ возникшія недоразумѣнія разрѣшались бы силою закона, какъ бы онъ строгъ не былъ, даже исключительно только для прислуги. Dura lex sed lex. Тогда бы не могло повторяться тѣхъ недоразумѣній, тѣхъ напрасныхъ сѣтованій, которыя слышимъ мы въ настоящее время.

Что же касается второй части вопроса В. И. Кохнова, то мы присоединяемся къ мнѣніямъ, высказаннымъ И. М. Остроглазовымъ и А. М. Фальковскимъ, полагая, что самоуправство, безъ признаковъ принужденія т.-е. насилія или угрозъ является чѣмъ-то, до такой степени *отвлеченнымъ* и *неуловимымъ* въ конкретныхъ случаяхъ, что наказуемость его, въ этой простѣйшей формѣ, немыслима—какъ не оправдываемая *прямою общественною необходимостью* и не имѣющая подъ собою *реальной* почвы. Самое уголовное преслѣдованіе ничѣмъ не квалифицированнаго самоуправства, только расширило бы границы частнаго обвиненія, скорѣе въ ущербъ, нежели въ огражденіе неприкосновенности личности.

Послѣ весьма продолжительнаго диспута, во время котораго, приводилось между прочимъ, мнѣніе и то что удаленія хозяиномъ въ ночное время прислуги, во многихъ случаяхъ, напр. зимою и въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ населенія, представляется дѣйствительно опаснымъ, на что было замѣчено, что подобныя дѣйствія предусмотрѣны спеціальнымъ уголовнымъ закономъ, наконецъ по выслушаніи заявленія дѣйствительнаго члена кн. Н. Н. Чолокаева о томъ, что вторая часть вопроса не ясно формулирована, предсѣдательствовавшій предложилъ собранію выразить окончательное мнѣніе по обсужденному вопросу, который большинствомъ 6 голосовъ противъ 5 рѣшенъ тѣмъ, что хозяинъ не вправѣ во всякое время дня и ночи отказать въ наймѣ домашней прислугѣ и что удаленіе имъ послѣдней въ ночное время составляетъ наказуемое по 142 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд. самоуправство. *)

*) Мы не приводимъ рѣчи Е. Е. Карцева, такъ какъ сущность ея изложена въ рѣчи Л. Ф. Снегирева. Ред.

НАША СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРАВА СЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. ЕЯ ХАРАКТЕРЪ И РАЗДѢЛЕНІЕ.

(Читано въ годичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 25-го февраля 1874 года).

Издавна привыкли у насъ и на Западѣ называть русскую исторію съ Петра В. новою и характеризовать ее словомъ: заимствованіе, для указанія способа дѣйствія, и словами: реформа, централизація, регламентація, для опредѣленія результатовъ заимствованія. Живя, къ нашему счастію, въ эпоху заимствованій и реформъ, при дѣйствіи также централизаціи, регламентаціи и т. п., мы не можемъ не интересоваться установленіемъ точныхъ понятій какъ о заимствованіи, такъ и о реформѣ и другихъ чертахъ нашей исторіи съ Петра В. для ея отличенія отъ древней и отъ современной намъ жизни. Начнемъ съ понятія заимствованія, которымъ по привычному способу выражаться, исторія съ Петра В. существенно разнится отъ исторіи древней, до петровской, основанной преимущественно на привязанности народа къ его родному, народному и на его стремленіи сознать, установить и развить все народное, русское. Въ этомъ общемъ, неопредѣленномъ видѣ привычная характеристика нашей исторіи, конечно, можетъ быть допущена и принята. Отсюда выйдетъ, что до Петра В. нашъ народъ жилъ, какъ бы по началу объособленія, по началу отличенія своего отъ чужаго, или по началу самопознанія, съ цѣлію развить свое русское до такой степени, на которой народное русское

могло войти въ составъ общечеловѣческаго и образовать изъ себя русскій вкладъ, или русскую ленту въ общемъ достояніи народовъ. Отсюда же, изъ привычной характеристики, объяснится, что съ Петра В. Россія идетъ путемъ противоположнымъ, слѣдуя началу аналогіи сходства и сродства, по которому все человѣческое, или правильнѣе, все общечеловѣческое доступно всѣмъ народамъ, Англичанамъ, Французамъ, Нѣмцамъ и Русскимъ и что Русскіе могутъ отовсюду заимствовать все истинно хорошее, все достойное ихъ человѣчности. Тотъ и другой изъ названныхъ путей народнаго развитія одинаково логичны и разумны и даже можно сказать, что заимствованіе въ этомъ смыслѣ равносильно съ развитіемъ, которое немыслимо для организма безъ питанія, какъ питаніе немыслимо безъ принятія въ себя и безъ усвоенія изъ окружающей среды тѣхъ и другихъ элементовъ жизни, воздуха-ли, дождя и соковъ, или ощущеній, понятій, вѣрованій. Полное объособленіе, полное уединеніе какъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ организмовъ, такъ особенно народовъ и неразумно и невозможно. Но не забудемъ, что предметомъ для заимствованій между народами должно быть, по нашему положенію, добро-общечеловѣческое, которое одно идетъ въ прокъ, а потому одно и разумно и справедливо и необходимо.

Судя по многимъ, если не по всѣмъ явленіямъ нашей старины и древности, по гостепріимству русскихъ и по ихъ терпимости къ иноземцамъ,—по вызову въ Россію мастеровъ и принятію гостей иноземныхъ,—по частнымъ и разнообразнымъ сношеніямъ съ иноземцами, по раннимъ слѣдамъ постоянныхъ заимствованій отъ Варяговъ, Византійцевъ, Нѣмцевъ,—и до такой степени, что понадобились соборныя постановленія для воспрещенія русскимъ брить бороды, носить нѣмецкое платье, употреблять табакъ,—судя по одному этому, должно признаться, что обособленіе древняго русскаго народа и его привязанность къ родному не мѣшала ему обращать вниманіе на бытъ иноземцевъ, иногда перенимать у нихъ даже нѣкоторыя внѣшнія формы жизни, а тѣмъ болѣе важныя стороны этой жизни, именуемыя въ

актахъ „Европейскими обычаями", или „Иноземными вымыслами", какъ то читаемъ въ извѣстномъ актѣ 1682 г., января 12, которымъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ новелѣвалъ: „перемѣнить въ старомъ русскомъ военномъ устроеніи, что оказалось въ немъ не прибыльно и оставить безъ перемѣны, что оказалось пристойнымъ изъ прежняго". Подобные акты, служа свидѣтельствомъ заимствованій, совершавшихся въ древней Россіи, важны для насъ еще потому что знакомятъ насъ съ древнимъ способомъ производить перемѣны, или реформы, какъ вообще, такъ и въ области права отъ Русской Правды до судебниковъ до и отъ судебниковъ соборнаго уложенія,— способъ, какъ-бы унаслѣдованный настоящимъ царствованіемъ и столько извѣстный всѣмъ намъ подъ именемъ реформъ. Такія заимствованія общечеловѣческихъ началъ всегда и повсюду крѣпки и удачны. Такъ-ли происходило дѣло въ XVIII вѣкѣ? Не было ли здѣсь заимствованіе возведено въ начало исключительное, отрицавшее принципъ народной самобытности? Искало ли это заимствованіе общечеловѣческихъ началъ и не ограничивалось ли оно узкими національными учрежденіями Шведовъ, Нѣмцевъ, долженствовавшими замѣнить собою такія же національныя учрежденія русскія? Имѣло ли оно вообще дѣло съ началами, или довольствовалось перенесеніемъ на русскую почву однихъ учрежденій,—этихъ плодовъ и результатовъ извѣстной цивилизаціи? И не потому ли нововведенія XVIII в. требовали участія и содѣйствія силы и принужденія, какъ для своего водворенія, такъ и для дальнѣйшаго развитія? Какъ это, такъ и всѣ подобные вопросы мы пріурочиваемъ здѣсь исключительно къ области, права, дѣйствовавшего въ XVIII ст.,—къ области, которая почти одна остается неразработанною, даже едва тронутою. Это послѣднее обстоятельсто, по нашему мнѣнію, служитъ указаніемъ на то, что особенно русское право было поражено заимствованіями по системѣ XVIII в., что было ощутимо и предчувствовано въ началѣ царствованія Петра В. знаменитымъ рускимъ бояриномъ кн. Яковомъ Долгорукимъ, отдавшимъ въ дѣлѣ законодательства первенство царственному отцу передъ царственнымъ сыномъ.

Начнемъ наше изложеніе съ общаго замѣчанія относительно источниковъ нашего права. Составители полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи положили въ его основу Соборное уложеніе, показывая тѣмъ связь между древнею и послѣдующею исторіею русскаго права вплоть до изданія и до предѣловъ дѣйствія нашего свода законовъ. Составители полнаго собранія законовъ должны были начать съ уложенія, которое было такъ прилажено къ народной жизни и такъ соображено съ нею, что безъ уложенія эта жизнь лишалась своихъ юридическихъ опредѣленій и не токмо въ XVIII, но частію даже въ XIX вѣкѣ. Между тѣмъ извѣстно, что указы, регламенты и уставы XVIII ст., равно какъ отдѣльныя повелѣнія письменныя и словесныя, да различныя учрежденія и мѣры уже явно отличаются отъ Уложенія, какъ своими началами, по существу, такъ и своимъ легальнымъ значеніемъ, по формѣ, видимо стремясь къ замѣнѣ и отмѣнѣ всего соборно уложеннаго. Уложеніе, именуемое въ началѣ своего составленія уложеніемъ соборнымъ, или уложенною книгою, а впослѣдствіи Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, еще отличаетъ крестьянъ отъ холопей и рабовъ, сливаемыхъ впослѣдствіи въ одну безразличную массу крѣпостныхъ людей,—еще отличаетъ вотчины и помѣстья, равно какъ родовое, купленное и пожалованное, соединяемыя послѣ того въ одно общее понятіе имущества недвижимаго, и движимаго, одинаково подчиненнаго государственному праву до лишенія владѣльцевъ власти дѣлать завѣщанія, по указу о маіоратѣ,—еще отличаетъ семейный бытъ, основанный на любви и на общности имуществъ отъ быта гражданскаго, договорнаго, въ которомъ законно господствуетъ принципъ отдѣльности и исключительности, вводимый съ начала XVIII в. въ отношенія мужа и жены, родителей и дѣтей, — еще отличаетъ русскихъ людей разныхъ чиновъ, конечно, не по табели о рангахъ, тогда какъ впослѣдствіи всѣ эти русскіе люди смыкаются въ одну категорію русскихъ подданныхъ, — еще отличаетъ дѣла земскія отъ дѣлъ государственныхъ, смѣшиваемыхъ послѣ въ одну группу дѣлъ административныхъ и т. д. Вотъ почему говоримъ мы, что Уложеніе со-

ставляетъ послѣднее слово нашей древней исторіи права, а во все не первое слово новой жизни, разбиваемой и разгоняемой съ XVIII в. по мелкимъ указнымъ стезямъ для того, чтобы только въ наше время она стала опять сливаться въ одну общую народную жизнь, подъ сѣнію одного общаго для всѣхъ принципа, закона и права. И вотъ какъ и чѣмъ объясняемъ мы ту неспособность къ созданію Уложенія и подобныхъ цѣлостныхъ системъ права, которую выказалъ и которою страдалъ вѣкъ XVIII, сравнительно съ производительностью вѣковъ древнихъ, создавшихъ Русскую Правду, разныя судебныя грамоты, судебники и, наконецъ, уложеніе. Общій историческій фактъ, по которому древность такъ много создала великаго въ наукѣ, искусствѣ, вѣрѣ и въ правѣ, объясняется совмѣстнымъ, гармоническимъ усиліемъ и трудомъ цѣлостнаго духа въ противоположность той спеціализаціи, или раздробленной работѣ, которой посвящаютъ себя послѣдующія поколѣнія. Вотъ чѣмъ объясняется явленіе X заповѣдей Моисея, XII таблицъ Рима, Русской Правды въ нашемъ отечествѣ. Въ созданіи такихъ законоположеній участвовалъ весь духъ народа, со всею энергіею его различныхъ способностей, и вѣры и чувства морали и знанія жизни и опытности и общей потребности. Конечно, принимая въ разсчетъ безчисленное количество указовъ, изданныхъ въ XVIII в., нельзя отказать ему въ производительности; напротивъ, тогда именно совершалась ихъ фабрикація и ихъ производство, только безъ соображенія спроса и потребностей. Думаю, что уже изъ этого факта, относящагося къ области внѣшней исторіи нашего права, видно, что вѣкъ прошедшій, или что истекшее столѣтіе образуетъ въ жизни нашего права особый промежутокъ времени и особый отдѣлъ между древнею и современною исторіями нашего права, и что этотъ промежутокъ и этотъ отдѣлъ, или этотъ періодъ должно называть не новою, а среднею исторіею нашего русскаго права.

Обратимся послѣ этого къ существеннымъ, внутреннимъ явленіямъ и характернымъ чертамъ русскаго права XVIII вѣка, начиная съ общаго вопроса о значеніи заимствованій

въ правѣ. Извѣстно одно, что заимствованія въ области права немыслимы безъ отношенія къ государству и безъ перемѣнъ въ самой идеѣ государства и въ государственномъ строѣ, по весьма простой причинѣ, состоящей въ томъ, что внѣ государства или помимо государства, хотя въ его идеѣ, право немыслимо, будучи во всѣхъ своихъ частяхъ и положеніяхъ условлено извѣстнымъ государственнымъ устройствомъ. И Петръ В. начинаетъ свои заимствованія съ идей государства, съ государства и съ государственнаго права, которое ему именно обязано своими особыми учрежденіями. Не забудемъ прибавить, что это заимствованіе не имѣло своимъ предметомъ идей, или началъ общечеловѣческихъ, или хотя общеевропейскихъ, такъ что напр., оно даже не коснулось тогдашнихъ англійскихъ государственныхъ установленій и ограничилось перенесеніемъ въ Россію нѣкоторыхъ учрежденій Франціи, Германіи или нѣмецкихъ государствъ, по особому выбору. Присоединимъ, что этотъ самый выборъ, подборъ уже свидѣтельствуетъ о произволѣ, хотя именно въ государственномъ строѣ не должно быть мѣста ни произвольному подбору, ни произвольному измышленію, потому что государство не выдумка и не плодъ какихъ нибудь измышленій, или даже теорій. И заключимъ, что заимствованіе чужихъ готовыхъ учрежденій въ области государства, его администраціи и его права постоянно имѣетъ дѣло съ внѣшнею, наружною формою учрежденій, не касаясь причинъ, или основъ ихъ бытія, ихъ происхожденія въ данной странѣ и ихъ развитія, откуда происходитъ постоянная отсталость государства, заимствующаго отъ государства служащаго образцомъ Объяснительнымъ примѣромъ такой отсталости со стороны заимствующаго одни результаты, безъ порождающихъ основаній, можетъ служить заимствованіе лѣтосчисленія, сдѣланнаго въ 1700 г. Россіей съ того времени опять отстающей, теперь на нѣсколько дней, а тамъ впослѣдствіи, на мѣсяцы, пожалуй, годы, если не примемъ вполнѣ западнаго способа счисленія, по грегоріанскому календарю. Случается, что въ странѣ заимствующей еще продолжаютъ дѣйствовать учрежденія, давно отжившія вѣкъ свой

на родной почвѣ и замѣненныя тамъ новыми учрежденіями противоположной формы съ противоположнымъ содержаніемъ. Отсталость въ учрежденіяхъ такъ же натуральна, какъ отсталость въ модахъ.

Но перейдемъ къ наблюденіямъ надъ процессомъ тѣхъ заимствованій, которыя были предприняты у насъ съ XVIII вѣка. Во времена Петра В. западныя государства, съ ихъ наружной стороны, представлялись, особенно при бѣгломъ наблюденіи, только внѣшнею связію и механическимъ соединеніемъ власти и подчиненныхъ, правительства и подданныхъ, и преимущественно въ государствахъ нѣмецкихъ, гдѣ,—при единствѣ нѣмецкаго народа, такъ много было разныхъ государствъ. Въ это время—короли запада не только одержали верхъ, но уже торжествовали свою побѣду и свое одолѣніе надъ различными средневѣковыми самостоятельными элементами государства,—надъ духовенствомъ и церковью, надъ герцогами и вельможами,—надъ штатами, дворянами, парламентами, городами и великій король Франціи—Людовикъ XIV только удачно формулировалъ общее положеніе власти своего времени, провозглашая себя воплощеніемъ государства и говоря про себя: l'etat c'est moi! Другими словами,—королевская власть на западѣ стала въ это время личною, произвольною. Съ другой стороны это время, западныя государства, такъ же по внѣшнему быту и виду, раздѣляясь на державы континентальныя и морскія большія и малыя, могущественныя и слабыя, вызывали поверхностнаго наблюдателя къ тому, чтобы признавать и считать самыми развитыми изъ нихъ и самыми сильными и счастливыми именно морскія, да обширныя. Причемъ такой наблюдатель явно выпускалъ изъ виду истинныя причины величія тогдашнихъ морскихъ державъ и даже то внѣшнее ихъ положеніе, по которому морскія были менѣе обширны, нежели континентальныя, какъ напр., Англія въ сравненіи съ Германской Имперіей, или Голландія въ сравненіи съ Франціей, или Венеція въ сравненіи съ Польшей и т. д. Впрочемъ, размѣры государствъ постоянно обращаютъ на себя взгляды поверхностнаго наблюдателя, который видитъ особый признакъ процвѣтанія государства въ размѣрѣ его вла-

дѣнія, что, впрочемъ, допускали,—хотя въ обратномъ смыслѣ, даже нѣкоторые ученые, находившіе, напр., что свобода гражданина развивается преимущественно въ государствахъ малаго размѣра, каковы Аѳины, Спарта, Римъ древнѣйшаго періода, Швейцарія, Бельгія. Это положеніе ученыхъ доказываетъ, что и въ наукѣ бываютъ повѣрья, предразсудки и несообразности. Свобода есть идея, принадлежащая къ области права, для котораго величина имуществъ, принадлежащихъ тому, или другому лицу и субъекту, совершенно безразлична. Съ другой стороны намъ извѣстно, что рабство, несвобода были и тяжеле и усиленнѣе въ античныхъ малыхъ государствахъ и даже пропорціонально ихъ развитію и процвѣтанію, какъ въ Аѳинахъ въ вѣкъ процвѣтанія, или въ Римѣ въ періодъ республики, сравнительно съ царствованіемъ, напр., даже Каракаллы, не говоря уже объ Іудеѣ въ древности или объ Американскихъ Сѣверныхъ Штатахъ нашего времени, обширныхъ и свободныхъ.

Но также точно, при болѣе внимательномъ изученіи западныхъ государствъ начала XVIII в. могущество ихъ не могло быть объяснено обширностью владѣній, потому что обширность владѣній повсюду и всегда составляетъ только слѣдствіе могущества, и потому что могущество государствъ повсюду и всегда зависитъ отъ силы населенія, такъ что сильными оказываются только тѣ государства, которыхъ территоріальные предѣлы совпадаютъ съ этнографическими, или народными, какъ то было въ описываемое время въ Англіи, Франціи, Швейцаріи и т. д. Сила государствъ есть сила народа, его духа и патріотизма и собственно народъ образуетъ и создаетъ государственную территорію, такъ что сотни нѣмецкихъ государствъ, созданныхъ актомъ Вестфальскаго мира, были слабы вовсе не по причинѣ своихъ малыхъ размѣровъ, а потому, что ихъ размѣры не соотвѣтствовали ихъ народности. При тѣхъ же малыхъ размѣрахъ, Швейцарія была сильна и остается сильною, по крайней мѣрѣ сильнѣе многихъ изъ государствъ нѣмецкихъ, созданныхъ не въ силу народности, а въ силу актовъ Вестфальскаго, или, впослѣдствіи, Вѣнскаго мировъ. Такія искусственно построен-

ныя государства существовали, поддерживались и управлялись такъ же искусственно, по началу вотчинности да полиціи, не находя подъ собою естественной почвы—народа, исключеннаго изъ идеи, или понятія государства, какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи запада и особенно земель нѣмецкихъ, откуда преимущественно заходили къ намъ политическія учрежденія и воззрѣнія, конечно, весьма узкія для Россіи. Покажемъ это на примѣрѣ.

Съ незапамятныхъ временъ народъ русскій принялъ земскую организацію, въ формѣ вервей и общинъ, областей и княжествъ, съ ихъ вѣчами и соборами, и, дѣйствіемъ этой организаціи, почувствовавъ нужду въ общемъ порядкѣ, въ общей безопасности, въ общей верховной власти, призвалъ князей въ свою землю, для созданія изъ себя русскаго государства. Послѣ того, дѣйствіемъ своей земской и государственной организаціи, русскій народъ порѣшилъ, отрекшись отъ язычества, принять христіанство и образовать изъ себя особую духовную или церковную организацію или общество вѣрующихъ, церковь. Такимъ образомъ русскій народъ сталъ и русскимъ государствомъ и русскою церковью и русскимъ земствомъ, положивъ тѣмъ твердую основу для единой, общей, гармонической жизни своихъ элементовъ и для единаго, общаго, гармонически дѣйствовавшаго въ странѣ и въ народѣ закона и права. И все въ этой странѣ и этомъ народѣ гармонически развивалось снизу вверхъ, въ неразрывной связи прошедшаго съ настоящимъ, для рожденія столь же мирнаго, гармоническаго будущаго. Вотъ почему у насъ умѣстны выраженія русскій народъ и государство,—русскій народъ и церковь,—русскій народъ и его земство, и вотъ почему наши древнія учрежденія постоянно носили на себѣ характеръ народности и до послѣднихъ, такъ сказать орнаментальныхъ подробностей—народную окраску, что и пытались мы представить въ нашей книгѣ: „Русскій народъ и государство“ *). И такъ было до XVIII ст., когда формула существенно мѣняется,

*) Москва, 1858 г.

подъ вліяніемъ западныхъ воззрѣній и превращается въ другую: «Правительство и поданные» „долженствующую выразить всю рѣзкость различія между нашей исторіей древнею и послѣдующей, опредѣляемою уже не актомъ, въ родѣ „Русской Правды", но актомъ „Правды воли монаршей",—не положеніемъ: „а то и воля божія, что выборные говорятъ", а началомъ, по которому, необязанный подчиняться человѣческимъ законамъ, царствующій государь можетъ призвать къ верховной власти кого пожелаетъ, что совершалось до Императора Павла I, не перемѣнами въ старомъ на основаніи того, что „прибыльно", и „пристойно", а перемѣнами для перемѣнъ, „понеже новымъ манеромъ еще не управлялись", не принципомъ, по которому жизнь народа составляетъ основу для закона, а указомъ: „Нашъ народъ, яко дѣти", или: „Наши люди, хотя что добро, да новое дѣло, безъ принужденія не сдѣлаютъ". Такъ что въ послѣдніе годы своего царствованія самъ Петръ В. сказалъ: „не всель неволею сдѣлано"? и такъ что въ этой послѣдующей русской исторіи мѣсто законнаго занимаетъ одно указное. Припомнимъ, что въ старину законъ имѣлъ разнообразныя формы и виды, подобно тому, какъ и въ послѣдующее время, но съ различіемъ въ силѣ и значеніи этихъ формъ. Отличались въ старину указы отъ наказовъ, отъ уставовъ, или уставныхъ грамотъ и отъ уложеній тѣмъ, что указъ выражалъ собою актъ исключительно верховной власти, преимущественно въ дѣлахъ суда и управленія, какъ и доселѣ употребляется въ формулѣ: „по указу", въ смыслѣ—именемъ и властію государя; наказъ означалъ порученіе, данное въ формѣ повелѣнія извѣстному лицу и учрежденію къ исполненію; уставъ относился преимущественно къ дѣламъ суда, войны и финансіи, въ которыхъ власть дѣйствовала вполнѣ независимо, тогда какъ указы, опредѣлявшіе права гражданъ, подобно уложенію требовали совмѣстнаго дѣйствія различныхъ элементовъ царства и составляли собственно законы. Все это въ началѣ XVIII в. получило однообразное значеніе и форму указовъ, въ значеніи приказовъ и повелѣній и лишь въ счастливое царствованіе Императора Александра II Россіи сообщается но-

вое направленіе по пути закона,—пути, начертанному еще въ нашей древней исторіи, такъ что и въ этомъ отношеніи время Петра В. до нашей эпохи должно быть названо среднею исторіею. И намъ предлежитъ теперь вопросъ: какимъ способомъ одно царствованіе могло совершить такой крутой переворотъ въ тысячелѣтнемъ или многовѣковомъ русскомъ царствѣ?

Извѣстно, что существо или свойство государства опредѣляется отношеніемъ живыхъ его элементовъ,—правительства съ одной и населенія съ другой стороны, къ неживому, физическому элементу,—къ землѣ, къ территоріи, или иначе къ природѣ страны. Рабство Египта и Азіи произошло именно отъ исключительнаго господства надъ землею, или отъ исключительнаго земельнаго господства фараоновъ, жрецовъ, воиновъ; равномѣрно—рабство въ западной Европѣ образовалось вслѣдствіе феодализма, вытекавшаго необходимо изъ исключительнаго господства надъ землею со стороны королей и ихъ сподручниковъ. Это положеніе можно повѣрить противоположностію явленій и событій въ исторіи Іудеи, въ древней Азіи, равно какъ Спарты, въ древней Европѣ, или у Славянъ, жившихъ въ новомъ мірѣ по началу общиннаго владѣнія. Понятно, что для осуществленія въ Россіи государственныхъ западно-европейскихъ установленій, Петръ В. долженъ былъ начать дѣло битвами на поляхъ русскихъ, предъявляя разныя притязанія казны къ русской землѣ, то къ металламъ ея нѣдръ, то къ минераламъ ея водъ, то къ лѣсамъ на ея поверхности и мало-по-малу оттѣсняя народъ отъ владѣнія этою землей. Отторгнувши народъ отъ его почвы, новый Геркулесъ приподнялъ новаго Антея и заключилъ въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Таковъ общій смыслъ дѣленій, произведенныхъ Петромъ В. по землѣ и по населенію въ Россіи.

Дѣлилась изстари русская земля, но сообразно составнымъ, живымъ, исторически образовавшимся въ странѣ отдѣленіямъ самаго народа, распадаясь на области, княжества, царства, служившія органами для земскаго народнаго единства, подобно вѣтвямъ, отросткамъ и другимъ частямъ одно-

го организма, растенія, дерева. Съ Петра В. русская земля дѣлится механически на геометрическія фигуры, болѣе или менѣе равныя ариѳметически, напр., на губерніи, на провинціи, а затѣмъ на доли въ 5536 дворовъ каждая и, наконецъ, на дворы съ указнымъ числомъ обитателей, именно по 5 человѣкъ въ каждомъ. Впослѣдствіи русская земля была раздѣлена на болѣе мелкія губерніи, съ подраздѣленіемъ ихъ на уѣзды, распадавшіеся на станы, волости и затѣмъ на дворы уже въ 4 человѣка каждый, а дѣйствіемъ государственнаго межеванія,—на дачи, или почти неизмѣнные по величинѣ участки, въ чертѣ межи генеральнаго межеванія, явно отрицающіе вліяніе частнаго владѣнія, овладѣнія или распоряженія, подобно закону о послѣднемъ въ родѣ и майоратѣ, явно воспрещающему свободныя завѣщательныя распоряженія. Такимъ образомъ, изъ объекта частнаго права земля низводится до значенія стихійнаго, переходитъ въ предметъ правительственнаго распоряженія и только закономъ 1785 г. опять становится предметомъ собственности, но не общей, а почти исключительно дворянской.

Дѣлился изстари и народъ русскій, но естественно, на элементы, вызванные въ немъ жизнью общества и государства, которая немыслима безъ ея различныхъ органовъ и функцій, каковы война и миръ, дѣла духа, церковнаго служенія и народнаго образованія, равно какъ дѣла промысловъ и промышленности, съ ихъ дѣятелями, боярами, воинами, духовенствомъ, гостями, купечествомъ, ремесленниками, крестьянами, — дѣятелями, входившими въ эти званія, за немногими исключеніями, по личному расположенію, по личнымъ способностямъ, соображеніямъ и условіямъ, а не по одному рожденію, роду и происхожденію. Впослѣдствіи царь Иванъ Грозный вводитъ новое дѣленіе Россіи на земство и опричину, относя къ послѣдней весьма ничтожную часть великаго народнаго цѣлаго, чѣмъ это дѣленіе отличается отъ раздѣленія Петра В., который расширяетъ понятіе опричины на все населеніе, дробя его на сословія и подчиняя всѣ сословія государственному тяглу. Сословіе есть государственное, политическое учрежденіе, скрѣпляе-

мое актомъ рожденія и происхожденія, а потому исключительное, замкнутое, недоступное для лицъ другаго рода и происхожденія, такъ что сословіе не сливается съ другими и всѣ они только разрушаютъ народное единство, да становятся между собою во враждебное отношеніе, осуществляя правило римскихъ императоровъ: divide et impera. Таково было сословіе дворянъ или шляхтичей и шляхетства, несшее на себѣ исключительно государственную службу, царедворскую или придворную, военную, морскую, гражданскую, съ подраздѣленіемъ дворянъ на дѣйствительно служащихъ и недорослей, а служащихъ, по табели о рангахъ, на 14-ть классовъ, или чиновъ до разночинцевъ. Таково же было сословіе духовенства, призванное указами такъ же съ рожденія, въ лицѣ поповыхъ дѣтей, къ службѣ, въ предѣлахъ и средствами своего званія, согласно штатамъ, съ подраздѣленіемъ на черное и бѣлое,—съ выдѣленіемъ изъ перваго властей, въ отличіе отъ лицъ просто монашествующихъ, а изъ втораго—священно и церковно-служителей, да съ распредѣленіемъ однихъ ко двору, другихъ во флотъ, иныхъ въ армію и т. д. Таково далѣе было сословіе городскихъ жителей, образованное изъ лицъ промышленныхъ и распадавшееся на двѣ гильдіи, да на нѣсколько цеховъ изъ ремесленниковъ, да на мѣщанъ и на подлыхъ людей, не признававшихся за регулярныхъ гражданъ, — сословіе, обязанное, по городамъ служить казнѣ своими промыслами, податями и пошлинами да личными повинностями, подобно крестьянамъ въ селахъ, раздѣлявшимся на разныя наименованія, по различію вѣдомствъ и владѣльцевъ, которыхъ собственность они составили, по акту ревизіи, или по ревизскимъ сказкамъ и книгамъ. Лица послѣднихъ трехъ классовъ, за немногими исключеніями въ пользу штатнаго духовенства, вписывались или вносились въ ревизію, или въ особые владѣнные акты, по именамъ, отчествамъ, прозвищамъ, или фамиліямъ для того, чтобы индивидуально, лично, а слѣдовательно, безотвѣтно подвергнуться какъ подушной государственной подати, такъ и личной государственной воинской повинности. Конечно, такое дѣленіе народа по всѣмъ на-

правленіямъ, вертикально и горизонтально, можно назвать скорѣе раздробленіемъ его состава на недѣлимые атомы, а присоединивъ сюда распоряженія времени объ отдѣльности имуществъ у мужа и его жены, у родителей и ихъ дѣтей, да правительственную опеку, вмѣсто древнихъ душеприкащиковъ, должно признаться, что указы Петра В., какъ бы стремились къ уничтоженію въ населеніи всѣхъ естественныхъ союзовъ, начиная съ семьи, общины и кончая земствомъ, народомъ. Государство перестаетъ быть организмомъ, превращаясь въ механическую массу атомовъ, сообразно теоріи и практикѣ запада и въ противность всей нашей исторіи, возстановляемой только въ наше время „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“. Такъ въ области русскаго права совершился истинный крутой переворотъ, совершилась настоящая революція, а не реформа и время этого переворота мы должны теперь назвать среднею исторіею нашего права.

Въ это время, на западѣ Европы верховная власть, воплощающаяся по требованію своей природы въ лицахъ владѣтельныхъ, стала дѣйствіемъ особыхъ теорій и практики, чисто личною властію, и не только личною, но произвольною, отдѣлившеюся и отдалившеюся отъ всѣхъ своихъ нѣкогда живыхъ источниковъ и органовъ права, законодательства и суда. Такая власть должна была поставить свою единичную волю на мѣсто закона и сообщить своей администраціи исключительное значеніе своего послушнаго орудія, отвѣтственнаго только предъ лицомъ начальственнымъ, такъ что со стороны управляемыхъ не могло быть не только законнаго протеста, оппозиціи, или возраженія, но даже простаго объясненія случаевъ неисполненія требованій, потому что всякій индивидуальный протестъ и всякое индивидуальное возраженіе было бы по закону преступленіемъ. Фраза Людовика XIV—l'état c'est moi—повсюду необходимо осуществлялась и вела неудержимо къ деспотизму, вслѣдствіе атомистическаго построенія государства. Эта атомистическая система запада не могла не отозваться у насъ съ начала XVIII вѣка на разныхъ учрежденіяхъ и событіяхъ,

изъ которыхъ здѣсь упомянемъ про самыя общія и самыя извѣстныя, характеризуемыя борьбою противъ нашихъ старинныхъ, общественныхъ элементовъ, — противъ боярства, подлежавшаго уничтоженію,—противъ духовенства, подвергнувшагося приниженію, — противъ городовъ, подчиненныхъ канцеляріямъ и крестьянъ, переданныхъ въ кабалу помѣщикамъ. Нельзя не чувствовать связи между старинным положеніемъ: „царь указалъ, а бояре приговорили“ и поступкомъ боярина князя Якова Долгорукова, раздирающимъ указъ Петра В. Князь былъ человѣкомъ образованнымъ и не могъ позволить себѣ такой дикости, еслибы не считалъ, конечно, ошибочно въ Царской Думѣ, а не въ Сенатѣ. Извѣстна роль, которую въ древней Россіи играло духовенство и недаромъ совпадали тамъ средоточія для управленія дѣлами государства съ средоточіями для управленія церковію,—недаромъ съ возвышеніемъ титула князя возвышался титулъ епископа, да такъ, что съ принятіемъ Москвою значенія царства, у насъ появляется патріаршество, недаромъ даже то, повидимому случайное обстоятельство, по которому списки Русской Правды сохранились до нашего времени преимущественно въ Кормчихъ Книгахъ, да сборникахъ, носившихъ названіе „мѣрила правленія,“ равно какъ недаромъ только со временъ Петра В. наши іерархи именуются по ихъ прозвищамъ — Прокоповичъ, Яворскій, Максимовичъ. Относительно городовъ и селъ, нѣкогда знавшихъ свои вѣча и сходы, нѣкогда участвовавшихъ въ созданіи Русской Правды, при посредствѣ своихъ старѣйшинъ, а затѣмъ въ созданіи Уложенія, при посредствѣ своихъ выборныхъ,— теперь относительно этихъ городовъ и селъ довольно указать на развитіе администраціи въ это время дѣйствовавшей, повидимому, коллегіально, а въ сущности совершенно единолично. Самыя высшія коллегіи въ государствѣ—Синодъ и Сенатъ состоятъ подъ вліяніемъ принципа личности, воплощаемаго въ ихъ Оберъ и Генералъ-Прокурорахъ и даже въ формулѣ обращенія, напр. къ Сенату: „Господа Сенатъ,“ т.-е. господа сенаторы, съ указаніемъ, что и въ коллегіи всѣ дѣйствуютъ лично и отвѣтствуютъ лично и вотъ почему

въ актахъ говорилось „Сенатъ слушали“, „Сенатъ приказали“ и т. д. Среди другихъ собственно такъ называемыхъ коллегій бывали болѣе важныя, а въ нихъ президенты, иногда первыя, вліятельнѣйшія особы съ полнотою личной власти, сообщавшеюся всѣмъ командирамъ отъ губернаторовъ, воеводъ, ландратовъ, коммиссаровъ до помѣщиковъ и хозяевъ фабрикъ, до старшинъ гильдейскихъ и альдермановъ цеховыхъ, образуя изъ всего этого частую сѣть мельчайшихъ очковъ, съ крупными узелками, раскинутую по всей землѣ и поддержанную по всѣмъ пунктамъ воинскими командами.

Сводя все нами сказанное о нашей средней исторіи права къ общимъ итогамъ, мы должны признаться, что въ это время совершилось болѣе, чѣмъ простое, естественное у народовъ заимствованіе,—болѣе чѣмъ централизація и болѣе чѣмъ регламентація. Какъ сказали мы въ началѣ статьи, заимствованіе между народами равносильно развитію, составляя тотъ естественный процессъ жизни, по которому одинъ народъ занимаетъ у другихъ необходимыя для себя пополненія, съ цѣлію возвратить имъ свой избытокъ въ нужныхъ для ихъ жизни предметахъ и учрежденіяхъ. Заимствованія же XVIII в. ничѣмъ не ограничивались и на все распространялись, начиная съ иноземныхъ учрежденій и кончая иноземными орудіями работы, напр. даже косами, при уборкѣ хлѣбовъ, вмѣсто русскихъ серповъ и притомъ съ цѣлію вывести изъ русской жизни русскія учрежденія, или орудія и замѣнить ихъ нѣмецкими, шведскими, курляндскими учрежденіями и орудіями. Понятно, что централизація не вполнѣ выражаетъ то, что совершено у насъ въ XVIII вѣкѣ реформами. Централизація возможна повсюду и всегда, частію даже необходима, и ничего нельзя сказать противъ централизаціи въ арміи, или въ войскѣ, — въ финансовомъ управленіи, или вообще въ государственномъ управленіи, которое безъ того потеряетъ и въ силѣ и въ быстротѣ и въ единствѣ, столь необходимыхъ для управленія по дѣламъ государства. Но эта государственная централизованная администрація допускаетъ рядомъ съ собою, подлѣ себя и жизнь и бытъ и развитіе населенія даже въ фор-

мѣ сосредоточенной организаціи этой жизни населенія, по селамъ, городамъ, областямъ, какъ то было въ древности, въ образѣ вѣчей, сходокъ, соборовъ земскихъ избъ и земскихъ управленій. Въ прошедшемъ столѣтіи все это замѣняется администраціей, государственной полиціей, по всѣмъ вопросамъ жизни, быта и развитія населенія, которое тутъ становится матеріаломъ въ рукахъ формующаго управленія. Очевидно далѣе, что такое формованіе вовсе не есть только регламентація, которая, съ своей стороны, повсюду и всегда возможна, выражая собою приведеніе въ дѣло началъ, лежащихъ въ природѣ той или другой стороны народной дѣятельности, тогда какъ у насъ въ XVIII столѣтіи регламентація имѣла значеніе наряда населенія на казенныя работы, какъ въ дѣлѣ промысловъ, такъ и въ области просвѣщенія. И мы въ правѣ повторить выраженіе С. М. Соловьева, что Петръ В. совершилъ у насъ не реформу, а цѣлую революцію, истинный крутой переворотъ, а потому, сравнивая время Петра В. и послѣдующія событія со временемъ настоящаго царствованія, мы должны сказать, что исторія XVIII в. есть не новая, а средняя исторія, тѣмъ болѣе, что въ ней есть явленія, даже сближающія ее съ западною средневѣковою, начиная съ источниковъ права или съ внѣшней исторіи права. Все, что называется правомъ, съ Петра В. становится государственною функціею и даромъ или подаркомъ правительства, выразившемся въ его актахъ, въ уставахъ, регламентахъ, жалованныхъ грамотахъ, плакатахъ, указахъ, тысячами и десятками тысячъ наполняющихъ собою наше полное собраніе законовъ. Есть между этими актами обширныя, по объему и частію систематически изложенныя законоположенія, каковы, напр., Регламентъ Духовный, или Регламентъ, данный главному магистрату, Воинскіе артикулы, или Морской Уставъ и т. д., но всѣ они, за немногими исключеніями, суть дословные переводы, содержатъ отвлеченныя начала, выработанныя чужою жизнію, подобно corpus juris canonici, или corpus juris civilis, въ средніе вѣка,—начала, можетъ быть, для Россіи желанныя, но только pia desideria, или законы для будущаго, тогда какъ въ жизни, въ дѣйст-

вительности все опредѣлялось отдѣльными короткими указами, временными, мѣстными, иногда личными распоряженіями, которыя одни вели свои счеты съ дѣйствительною жизнію, одолѣвая и направляя ее только мало-по-малу, только постепенно. Наши писатели обыкновенно пользуются и частію воспользовались, для начертанія исторіи XVIII в., всѣми обширными актами времени, въ которыхъ на каждомъ шагу встрѣчали только добрыя, благодѣтельныя желанія, предпріятія, виды и вышла оттуда исторія XVIII в. только желанная, но не вполнѣ дѣйствительная. Для вѣрности, должно дополнить картину тѣми мелкими чертами, которыя обнаруживаются при изученіи отдѣльныхъ указовъ и повелѣній, наиболѣе близко прикасавшихся къ дѣйствительности. Такое изученіе — родъ мозаичной работы, одно можетъ оказать услугу для желающихъ открыть объективную истину въ исторіи нашего права въ XVIII вѣкѣ.

Съ другой стороны, вглядываясь пристальнѣе въ характеръ явленій прошлаго столѣтія, нельзя не замѣтить, хоть отдаленнаго сходства нашей исторіи въ это время съ средне вѣковой запада Европы, особенно же замѣчая въ нашемъ XVIII столѣтіи борьбу и всѣхъ и во всемъ и за все. Есть тутъ борьба свѣтской власти съ духовной, въ формѣ искомаго и пріобрѣтаемаго правительствомъ преобладанія надъ церковною іерархіею, начиная съ уничтоженія патріаршества до отобранія церковныхъ имуществъ въ казну, до возведенія въ санъ оберъ-священника арміи или флота и до сопричисленія къ кавалерамъ и орденамъ. Есть тутъ борьба религіозная, въ формѣ сектъ и ересей и въ видѣ преслѣдованія старообрядцевъ, бородачей, квакерства, изувѣрства, масонства,— преслѣдованія, которое иногда кончалось, если не кострами инквизиціи, то огнями самосозженія раскольниковъ. Есть борьба классовъ и съ классами населенія, начиная съ уничтоженія боярства, гостей и гостинныхъ сотенъ, до строптиваго положенія шляхетства въ странѣ, особенно въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, которые въ бѣгствѣ изъ отечества ищутъ спасенія и бѣгутъ сотнями тысячъ за рубежъ Россіи, дубинами и дрекольями пролагая себѣ до-

рогу. Есть тутъ и борьба въ области права, которое становится вотчиннымъ, помѣщичьимъ, полицейскимъ, по городамъ и селамъ. Но самое наглядное обстоятельство, сближающее нашу исторію XVIII столѣтія съ западною средневѣковою, состоитъ въ ея положеніи относительно предшествовавшаго и послѣдовавшаго за нею времени. Какъ на западѣ Европы средневѣковая исторія отрицала древнюю, античную, а затѣмъ сама подвергалась отрицанію со стороны новой, такъ у насъ вѣкъ XVIII весь былъ отрицаніемъ нашей древней исторіи, подобно тому, какъ въ наши дни самъ подвергается отрицанію, выразившемуся въ эмансипаціи крестьянъ, или въ раскрѣпленіи крѣпостнаго гнета, — въ „Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ," — въ Новомъ „Городовомъ управленіи,"—въ судебной реформѣ,—въ законѣ о печати, замѣняющемъ цензуру и т. п.

Историческій законъ отрицанія служитъ основаніемъ для образованія переходныхъ эпохъ, которыя, съ своей стороны, даютъ поводъ и вызываютъ къ установленію отдѣловъ въ разныхъ періодахъ исторіи. Такъ, обращаясь къ раздѣленію въ исторіи нашего права за прошедшее столѣтіе, мы отличаемъ тутъ три эпохи и три отдѣла. Царствованіе Петра В. образуетъ собою отдѣлъ, первый, тогда какъ время, протекшее со дня кончины этого великаго государя до восшествія на русскій престолъ Императрицы Екатерины II, составляетъ второй отдѣлъ, а событія, узаконенія и система права съ великаго момента 1762 г., несомнѣнно входятъ въ особый отдѣлъ — третій. И каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ имѣетъ свою физіономію. Такъ первый отдѣлъ представляетъ начало борьбы съ принципами древней исторіи, постепенный успѣхъ и окончательное торжество государственности надъ земскою народностію, но, конечно, не во всѣхъ подробностяхъ. Трубятъ побѣду надъ непріятелемъ, разбитымъ въ лицѣ его главной арміи, хотя еще остаются у него отдѣльные отряды не обезоруженными, или нѣкоторыя крѣпости не взятыми. Это—дѣло подробностей, частностей, — дѣло втораго отдѣла нашей исторіи XVIII в., гдѣ еще не безъколебаній, не безъ частныхъ стычекъ, наступ-

леній и отступленій, характеризующихъ переходное время. Не останавливаясь на явленіи частныхъ, личныхъ колебаній въ каждое изъ царствованій въ XVIII в., обыкновенно начинавшихся милостями и кончавшихся также обыкновенно строгостями, нельзя не видѣть колебаній въ общихъ явленіяхъ, подобныхъ учрежденію Верховнаго Тайнаго Совѣта, — чего-то въ родѣ древней Думы, — подобныхъ программѣ совѣта, рѣшительно отрицавшей учрежденія Петра В., или акту, такъ называемыхъ, верховниковъ, уничтоженному Императрицей Анной Іоанновной, которая положила основаніе такъ называемому петербургскому періоду, существенно только выполнявшему въ подробностяхъ начала Петра В. Третій отдѣлъ знаменуется тѣмъ, что русская старина неутомимо преслѣдуемая болѣе полустолѣтія, представляется здѣсь не токмо потерявшею свои орудія, но подвергшеюся огню собственныхъ орудій и собственной прислуги, такъ что народные элементы воспитанные и пропитанные иноземными понятіями, приглашаются и уполномочиваются совершать, по селамъ и городамъ, правительственные акты администраціи, суда и полиціи, въ силу своихъ жалованныхъ грамотъ и учрежденія о губерніяхъ, образуя государственную децентрализацію, замѣняемую только въ царствованіе Александра II земскимъ самоуправленіемъ съ земскими учрежденіями, мировыми судьями, присяжными засѣдателями, городовымъ управленіемъ, не знающимъ сословныхъ различій, подобно общей воинской повинности и другими благодѣтельными учрежденіями нашего счастливаго времени.

В. Лешковъ.

Москва, 1874 г. Янв. 17.

БОРЬБА ЗА ПРАВО.

РУДОЛЬФА ИГЕРИНГА.

(Перев. съ Нѣмец.).

Понятіе о правѣ, какъ извѣстно, практическое т. е. цѣлесообразное и, какъ всякое цѣлесообразное понятіе, по природѣ своей двойственное, ибо заключаетъ въ себѣ противоположенія цѣли и средства. Оно недовольствуется лишь указаніемъ цѣли, но должно также дать и средство къ достиженію ея. Право потому должно возбуждать и затѣмъ разрѣшать оба эти вопроса, какъ во всемъ своемъ цѣломъ, вообще, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ институтѣ и на самомъ дѣлѣ вся систематика права есть ничто иное, какъ непрерывные отвѣты на оба эти вопроса. Всякое опредѣленіе правоваго института, напр. собственности, обязательства и пр. необходимымъ образомъ является двустороннимъ; оно указываетъ цѣль, которой служитъ институтъ и средство, ведущее къ ея достиженію. Средство же, въ какихъ-бы различныхъ видахъ оно не представлялось, постоянно сводится на борьбу противъ неправды.

Такимъ образомъ въ понятіи о правѣ совмѣщаются противоположенія: мира—какъ цѣли, и борьбы, какъ правоваго средства и оба эти противоположенія одинаково вытекаютъ изъ понятія о правѣ и не могутъ быть отдѣлены отъ послѣдняго.

Противъ этого можно возразить, что борьба, отсутствіе спокойствія, есть именно то, чему должно противодѣйствовать право; борьба содержитъ въ себѣ нарушеніе и отрицаніе правоваго порядка, а не моментъ правоваго понятія; и точно также, какъ порокъ, будучи отрицаніемъ добродѣтели не опредѣляетъ послѣдней, такъ и понятіемъ борьбы и неспокойствія не опредѣляется право. Это возраженіе было бы правильнымъ, если-бъ говорилось о борьбѣ неправды съ правомъ, но дѣло идетъ о борьбѣ права противъ неправды. Безъ этой борьбы, т. е. безъ сопротивленія неправдѣ, право отрицало бы само себя. Во все то время, пока право будетъ подвергаться посягательствамъ со стороны неправды—а это будетъ продолжаться пока стоитъ міръ—оно не будетъ избавлено отъ необходимости поддерживать противъ неправды борьбу, а слѣдовательно, борьба не есть что либо чуждое праву, но она нераздѣльно связана съ существомъ его, она моментъ правоваго понятія.

Провести эти мысли и опредѣлить значеніе борьбы за право—вотъ задача настоящей статьи.

Всякое существующее право есть пріобрѣтенное, и всякое правовое положеніе, его освящающее, должно было быть добыто у тѣхъ, кто сопротивлялся ему, а потому право, какъ цѣлаго народа, такъ и отдѣльной личности, —предполагаетъ постоянную готовность къ защитѣ его. Право не есть понятіе логическое, но понятіе о силѣ, а потому Ѳемида держащая въ одной рукѣ вѣсы, которыми опредѣляется право, имѣетъ въ другой мечъ, защищающій его. Мечъ безъ вѣсовъ есть грубая сила, а вѣсы безъ меча — безсиліе права. Вѣсы и мечъ неразрывны и совершеннѣйшее правовое состояніе имѣетъ мѣсто лишь тамъ гдѣ къ силѣ, съ которою справедливость держитъ мечъ, присоединяется умѣніе владѣть вѣсами.

Право есть непрерывная работа не только правительства, но и всего народа. Цѣльность правовой жизни, если обнять ее однимъ взоромъ, представляетъ намъ картину неустанной борьбы, битвы и работы цѣлаго народа, подобной работѣ его въ сферѣ собственности. Всякій, кому встрѣчается необхо-

димость отстаивать свое право, принимаетъ участіе въ этой народной работѣ, приноситъ свою лепту въ пользу развитія правовой идеи на землѣ.

Конечно, такая необходимость представляется не всѣмъ. Мирно и безъ помѣхъ пробѣгаетъ жизнь, тысячи людей по правильнымъ путямъ права, и еслибы мы сказали имъ, что право—борьба, они не поняли бы насъ: они знаютъ право лишь въ состояніи мира, покоя и порядка. Съ точки зрѣнія личнаго опыта, люди эти совершенно правы, точно также, какъ богатый человѣкъ, которому даромъ достаются плоды чужихъ трудовъ, правъ, сомнѣваясь въ истинности положенія, что собственность есть результатъ труда. Ошибка обоихъ заключается въ томъ, что каждая изъ отдѣльныхъ сторонъ собственности и понятія о правѣ случайно достаются тому или другому: что доставляетъ одному наслажденіе и покой, выпадаетъ на долю другаго въ видѣ работы и борьбы, а потому, если бы спросили послѣднихъ, отвѣтъ былъ бы совершенно противоположный. Собственность, какъ и право, есть Янусова двуликая голова; многимъ видна только одна и многимъ только другая сторона ея и этимъ объясняются различныя представленія смотрящихъ на нее. Въ отношеніи къ праву это вѣрно, какъ по примѣненію къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и къ цѣлымъ періодамъ времени. Жизнь одного—борьба, жизнь другаго — спокойствіе, и народы, смотря по субъективному раздѣленію того или другаго, выпадающаго на ихъ долю жребія, подвержены такимъ же ошибкамъ, какъ и частныя лица. Является-ли длинный періодъ мира и представленіе о вѣчномъ мирѣ разростается въ пышный цвѣтокъ, живущій до тѣхъ поръ, пока первый пушечный выстрѣлъ не прогонитъ прекраснаго сна и на мѣсто одного поколѣнія, наслаждавшагося миромъ, не явится другое, которое должно выработать миръ и искать его въ послѣдствіяхъ трудовъ войны. Собственность, также какъ и право, можетъ представляться наслажденіемъ, или результатомъ работы, но такое случайное распредѣленіе ея составныхъ частей не разрушаетъ связи между ними, ибо для одного, наслаждающагося и живущаго въ мирѣ, долженъ былъ

работать и биться другой. Миръ безъ борьбы и наслажденіе безъ работы принадлежатъ ко времени райской жизни, но исторія признаетъ какъ то, такъ и другое результатомъ трудной, неустанной работы.

Въ послѣдующемъ изложеніи я надѣюсь развить мысль,— что борьба есть работа права, которая, въ отношеніи къ ея практической необходимости, а равно и ея нравственной оцѣнкѣ должна стоять на одной линіи съ работою для собственности. Я не думаю, что это будетъ напрасная работа, а напротивъ, этимъ исправится ужасная ошибка, которую наша теорія (я говорю не только о философіи права, но также и о положительной юриспруденціи) къ сожалѣнію допустила. Нашу теорію упрекаютъ въ томъ, что она болѣе занимается вѣсами правосудія, нежели его мечемъ: односторонность точки зрѣнія, съ которой теорія привыкла смотрѣть на право и которая вкратцѣ резюмируется тѣмъ, что право представляется теоріи не какъ понятіе о силѣ, а единственно, какъ отвлеченный порядокъ жизни, по моему мнѣнію, сообщило всѣмъ воззрѣніямъ на право односторонній характеръ, что я и надѣюсь доказать ниже.

Есть два направленія, въ которыхъ ведется борьба за право и они указываются двойственнымъ смысломъ слова право: право въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ. Въ первомъ направленіи—эта борьба, сопровождающая возникновеніе, образованіе и развитіе абстрактнаго права въ исторіи, а во второмъ—это борьба за развитіе конкретныхъ правъ.

Борьба при существованіи права! Неужели право съ момента своего возникновенія подвержено этой борьбѣ? Господствующая теорія Савиньи и Пухты о возникновеніи права ничего не говорятъ намъ объ ней. Слѣдуя имъ, развитіе права идетъ впередъ спокойно, также какъ развитіе языка, и искусства; нѣтъ надобности ни въ борьбѣ народа, ни въ стремленіи: право развивается медленно дѣйствующею силою истины, которая напряженно, постепенно, но зато безошибочно пролагаетъ себѣ дорогу и развитіе это выражается въ силѣ убѣжденій, присущихъ умамъ и проявляющихся въ дѣйствіяхъ:—новое правовое положеніе воз-

никасть также легко, какъ правило языка. Согласно этому воззрѣнію, положенія, что вѣритель имѣетъ право продать въ чужеземную неволю несостоятельнаго должника, или что собственникъ можетъ виндицировать свою вещь отъ всякаго, у кого послѣдняя найдется, образовались въ древнемъ Римѣ совершенно подобно грамматическому правилу, согласно которому cum управляетъ творительномъ падежомъ.

Вотъ то воззрѣніе на происхожденіе права, съ которымъ я въ минувшее время покинулъ университетъ и подъ вліяніемъ котораго я находился еще многіе годы. Но можетъ-ли оно имѣть притязаніе на правдивость?—Должно сознаться, что праву, также какъ языку и искусству, не чуждо мирное, или, какъ принято называть его, органическое развитіе, проявляющееся наружу, когда сложится въ народѣ. Сюда относятся тѣ правовыя положенія, которыя вырабатываются мало по малу отъ одинаковаго, самостоятельнаго примѣненія правовыхъ понятій къ гражданскому обороту, а также и тѣ абстракціи, консеквенціи и правила, на которыя наука указываетъ сознанію, выводя ихъ путемъ діалектики изъ существующаго уже права. Но сила обоихъ этихъ факторовъ, какъ науки, такъ и правоваго обычая—ограничена; она можетъ регулировать право и способствовать его движенію по существующимъ путямъ, но не въ состояніи прорвать плотины, или заставить потокъ принять новое направленіе,-это можетъ сдѣлать законъ, т. е. дѣйствіе государства, намѣренно направленое къ этой цѣли и потому должно видѣть не случай, а глубоко коренящуюся въ сущности права необходимость въ томъ, что всѣ важнѣйшія реформы формальнаго и матеріальнаго права исходятъ отъ закона. Но измѣненіе, производимое закономъ въ дѣйствующемъ правѣ оказываетъ вліяніе только въ области ограниченнаго, абстрактнаго, не простирая своего вліянія на сферу конкретныхъ отношеній, образовавшихся на основаніи существовавшаго до того права; это не иное что, какъ улучшеніе въ машинѣ права, при которомъ сдѣлавшійся негоднымъ винтъ, или валъ замѣняются болѣе совершенными. Но очень часто, какъ извѣстно, встрѣчается противоположный случай и измѣненіе достигается лишь цѣною

весьма чувствительнаго нарушенія установленныхъ уже частныхъ интересовъ. Съ теченіемъ времени интересы тысячи лицъ и цѣлыхъ сословій на столько связываются съ существующимъ правомъ, что послѣднее не можетъ быть устранено, не нанеся этимъ интересамъ значительнаго ущерба. Уничтожить правовое положеніе, или извѣстное установленіе — значитъ объявить войну всѣмъ этимъ интересамъ и вырвать полипа, укрѣпившагося тысячами присосковъ. Всякая подобная попытка вызываетъ въ силу естественной самообороны сильнѣйшее сопротивленіе со стороны угрожаемыхъ интересовъ, а слѣдовательно и борьбу, исходъ которой зависитъ, какъ и во всякой борьбѣ, не отъ вѣскости основаній, но отъ взаимно-отношенія противоположныхъ силъ. Отсюда понятно, почему въ подобныхъ случаяхъ проявляется тоже что въ параллелограммѣ силъ,—діагональное направленіе силы. Только этимъ объясняется, почему учрежденія, противъ которыхъ уже давно высказалось общественное мнѣніе въ состояніи продолжать существованіе: ихъ поддерживаетъ не сила инерціи, но противодѣйствіе интересовъ, сопряженныхъ съ ихъ существованіемъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существующее право находитъ поддержку въ какихъ либо интересахъ, право новое, чтобы вынудить признаніе свое должно выдержать съ ними борьбу, затягивающуяся часто на цѣлое столѣтіе. Борьба эта достигаетъ наибольшей силы, когда существующіе интересы приняли форму установившагося права. Здѣсь становятся одна противъ другой двѣ партіи, изъ которыхъ каждая принимаетъ девизомъ святость права—одна права историческаго, права прошлаго, а другая—права вѣчно сущаго и себя обновляющаго, прирожденнаго права человѣчества на существованіе. Этотъ конфликтъ историческихъ идей, которыя для защиты заключающихся въ нихъ убѣжденій употребляютъ всю свою силу и смыслъ и наконецъ падаютъ въ изнеможеніи предъ божественнымъ рокомъ исторіи—нѣчто по истинѣ трагическое. Всѣ великія пріобрѣтенія, о которыхъ можетъ упомянуть исторія права, какъ то, уничтоженіе рабства, крѣпостнаго права, свобода поземельной собственности, промысловъ, вѣроиспо-

вѣданій и пр. должны были вырабатываться этимъ путемъ, борьбою, продолжавшеюся часто столѣтія;—не рѣдко потоки крови и всегда обломки разбитыхъ правъ указываютъ путь, пройденный правомъ. Право — Сатурнъ, пожирающій своихъ дѣтей и оно обновляется только тѣмъ, что разстается съ своимъ прошлымъ. Конкретное право, требующее въ силу того, что оно разъ возникло, неограниченнаго, вѣчнаго существованія, есть дитя, поднимающее руку на свою мать; оно осмѣиваетъ идею права, ссылаясь на нее, ибо идея права есть вѣчное существованіе, а осуществившееся должно уступить мѣсто имѣющему возникнуть, ибо:

Alles was entsteht

Ist werth das es zu Grunde geth (все возникающее достойно погибели).

Такимъ образомъ право, въ своемъ историческомъ движеніи, представляетъ намъ картину стремленія, борьбы и битвы — словомъ сильнаго напряженія. Человѣческому уму, безсознательно развивающему свой языкъ, не представлялось никакихъ значительныхъ препятствій, а искусство не имѣетъ другихъ противниковъ, кромѣ своего прошлаго, т. е. установившагося вкуса. Но право, поставленное среди хаоса человѣческихъ цѣлей, стремленій и интересовъ, должно постоянно искать ощупью, чтобы найти вѣрную дорогу, и когда нападетъ на нее должно бороться и проявлять силу, чтобы дѣйствительно вступить на нее. Несомнѣнно что развитіе права, равно какъ развитіе языка и искусства, есть цѣлесообразное и общее, но формы и пути, по которымъ совершается то и другое развитіе на столько расходятся между собою, что мы должны рѣшительно отвергнуть проводимую въ этомъ смыслѣ паралель Савиньи между правомъ съ одной и языкомъ и искусствомъ съ другой стороны. Воззрѣніе Савиньи невѣрное, но безопасное со стороны теоретической, содержитъ въ себѣ, какъ въ политическомъ правилѣ, одно изъ наиболѣе вредныхъ лжеученій, которыя можно себѣ представить, ибо оно успокоиваетъ человѣка тамъ, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ цѣли и напряженіемъ всѣхъ силъ; успокоиваетъ его утверждая, что вещи дѣлаются сами

собою, а потому самое лучшее сложить руки и съ довѣріемъ ожидать того, что изъ первоначальнаго источника права—національнаго правоваго убѣжденія—всплыветъ на свѣтъ Божій. Отсюда происходитъ отвращеніе Савиньи и его учениковъ къ движенію законодательства, и совершенное непониманіе истиннаго значенія обычая, выразившееся въ теоріи Пухты объ обычномъ правѣ. Обычай по мнѣнію Пухты, есть не болѣе, какъ простой способъ распознавать правовое убѣжденіе; этому великому уму было совершенно не понятно, что правовое убѣжденіе само впервые вырабатывается дѣйствіями, что только дѣйствіями охраняется его сила и назначеніе, состоящее въ господствѣ надъ жизнью—словомъ, что и къ обычному праву примѣняется правило, что право есть понятіе о силѣ. Пухта платилъ дань своему времени. Это было время романтическаго періода нашей поэзіи и кого не пугаетъ перенесеніе понятія о романтизмѣ въ юриспруденцію, кто захочетъ сравнить соотвѣтствующія направленія въ обѣихъ областяхъ—тотъ, можетъ быть, не обвинитъ меня, когда я скажу, что историческую школу можно одинаково основательно назвать романтическою. Это по истинѣ романтическая, основывающаяся на фальшивомъ идеализированіи отжившаго состоянія, идея, что право развивается безъ труда и работы, какъ полевое растеніе. Суровая дѣйствительность указываетъ намъ на совершенно противоположное, и не только небольшая часть ея, имѣющаяся у насъ предъ глазами, когда почти постоянно являются примѣры усилій народовъ, направленныхъ къ установленію правовыхъ отношеній — вопросовъ самыхъ возбудительныхъ изъ которыхъ одинъ тѣснитъ другой — но картина остается таже, куда бы мы не обратили свои взоры въ область прошлаго. Такимъ образомъ теорія Савиньи остается въ силѣ лишь для до историческихъ временъ, о которыхъ мы не имѣли никакихъ извѣстій, и если позволено недовѣрять ей, то я противопоставляю воззрѣнію о легкомъ и мирномъ развитіи права изъ глубины народнаго убѣжденія свою теорію діаметрально противоположную первой. Должно будетъ согласиться со мною въ томъ, что она по крайней мѣрѣ имѣетъ за себя аналогію съ видимымъ, историческимъ

развитіемъ права и кромѣ того, какъ я полагаю, она имѣетъ еще преимущество бо́льшаго психологическаго правдоподобія. Первобытныя времена! Одно время было въ модѣ украшать ихъ наилучшими качествами; имъ приписывали правдивость, откровенность, вѣрность, дѣтскіе помыслы, благочестивыя вѣрованія и на этой почвѣ вырастало право, вызываемое наружу силою правоваго убѣжденія; не было надобности ни въ силѣ, ни въ мечѣ. Но теперь всякій знаетъ, что счастливыя первобытныя времена имѣли характеръ совершенно противоположный описанному и предположеніе о томъ, что онѣ выработали свое право легче, нежели времена послѣдующія, врядъ-ли, можетъ быть поставлено въ ряду истинъ. Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что работа первобытныхъ временъ была еще тяжелѣе нашей и что даже простѣйшія положенія, напр. вышепомянутое древне-римское право собственника виндицировать свою вещь у всякаго владѣльца ея и право вѣрителя продавать въ чужеземную неволю неуплатившаго ему должника—должны были прежде чѣмъ онѣ установились и имъ стали подчиняться всѣ—быть пріобрѣтены въ дикой борьбѣ. Какъ бы то ни было, но мы разсматриваемъ событія, слѣдующія за доисторическими временами и свѣдѣнія, сообщенныя намъ, исторіей о происхожденіи права достаточны, чтобы сказать, что появленіе права, также, какъ и рожденіе человѣка, всегда сопровождается сильными родовыми муками.

Должны-ли мы жаловаться на то, что дѣло происходитъ такъ? Одно то обстоятельство, что право достается людямъ не безъ труда, что они должны были изъ за него бороться и биться, сражаться и проливать кровь — одно это обстоятельство порождаетъ между человѣкомъ и его правами такую же связь, какая существуетъ въ силу дѣйствительнаго рожденія между матерью и ея ребенкомъ. Безъ труда пріобрѣтенное право стоитъ на ряду со случайно найденными дѣтьми, а что случайно намъ досталось, то мы теряемъ безъ печали. Народъ, выработавшій свои права и установленія потомъ и кровью, подобенъ матери не нашедшей, а родившей своего ребенка и потому можно смѣло утверждать, что энергія и

любовь, съ которыми народъ отстаиваетъ свое право и привязывается къ нему пропорціональны труду, которымъ пріобрѣтено это право. Не привычка, а жертвы—вотъ крѣпчайшій узелъ связывающій народъ и его право и народу, излюбленному Творцомъ, послѣдній не даетъ готоваго права не облегчаетъ работы надъ его пріобрѣтеніемъ, но напротивъ, отягчаетъ эту работу. Борьба, требуемая правомъ, есть благословеніе Творца, а не наказаніе ниспосланное имъ.

Обращаюсь ко второй части моего изложенія: къ борьбѣ за конкретное право, съ цѣлью утвердить его за управомоченнымъ, борьбѣ, которая вызывается нарушеніемъ и не признаніемъ права другими лицами. Такъ какъ никакое право—будь оно правомъ отдѣльнаго лица, или цѣльнаго народа, не ограждено отъ опасности быть нарушаемымъ, то ясно, что борьба можетъ повторяться во всѣхъ сферахъ права: ее выдерживаютъ какъ права частныя, такъ и высшія области правъ государственнаго и народнаго. Войны, бунты, революціи, законъ Линча, суды Божіи, право кулачное и феодальное и обломки ихъ, сохранившіеся до настоящаго времени въ видѣ дуэли, наконецъ, право необходимой обороны и борьба мирная—процессъ—все это, не смотря на различіе между объектами спора, формами и размѣрами борьбы—не новаяли сцена той же драмы борьбы за право? разсмотрю изъ этихъ сценъ самую обыкновенную и прозаическую—законную борьбу за частное право, но не потому, что процессъ для насъ, собравшихся здѣсь, имѣетъ ближайшій интересъ, а потому что въ этой борьбѣ истинныя отношенія между вещами всего легче подвергаются опасности быть непонятыми и при томъ не только людьми не посвященными, но и юристами; во всѣхъ же другихъ случаяхъ отношенія эти выступаютъ совершенно ясно. Самый обыкновенный умъ понимаетъ, что въ гражданскомъ процессѣ идетъ дѣло объ имуществѣ, ставкѣ часто весьма важной для насъ, а потому никто не возбудитъ вопроса—зачѣмъ бороться—не лучше ли уступить? Величественность зрѣлища, представляемаго напряженіемъ и пожертвованіемъ силъ человѣчества неотразимо увлекаетъ всякаго и возноситъ его на высоту идеаль-

наго мышленія, но дѣло происходитъ совершенно иначе при всякой борьбѣ за частное право. Относительное ничтожество интересовъ, съ которыми имѣетъ дѣло право частное и которые обыкновенно сводятся на вопросъ о моемъ и твоемъ, ненарушимая проза, связанная съ этимъ вопросомъ, ставятъ его, какъ кажется, исключительно въ область простыхъ расчетовъ и жизненныхъ соображеній, а формы, въ которыхъ оно движется, ихъ механическая сторона, невозможность всякаго сильнаго проявленія личности—все это вмѣстѣ взятое, мало способствуетъ тому, чтобы ослабить первое невыгодное впечатлѣніе. Но было, несомнѣнно, время, когда самыя эти формы заключали личность въ извѣстныя границы и этимъ только придавали ясное значеніе цѣли борьбы. И, въ самомъ дѣлѣ, могъ ли непричастный дѣлу человѣкъ подумать, что дѣло идетъ о простой матеріальной потерѣ, а не о защитѣ самой личности, права и чести, когда мечъ рѣшалъ вопросъ о моемъ и твоемъ, и когда средневѣковой рыцарь, желая исчерпать имущественный споръ, посылалъ вызовъ своему противнику.

Намъ нѣтъ надобности возвращаться къ давно пережитымъ явленіямъ, чтобы найдти въ нихъ объясненіе тому, что происходитъ и теперь, на нашихъ глазахъ, хотя и въ другой формѣ. Взглядъ на нашу современную жизнь и психологическое наблюденіе надъ нами самими окажетъ намъ ту же услугу.

Всякій управомоченный при нарушеніи его права задаетъ себѣ вопросъ: будетъ ли онъ отстаивать его и оказывать сопротивленіе противнику, или же покорится ему? Рѣшеніе это принимается свободно. Но каково бы ни было это рѣшеніе, оно во всякомъ случаѣ связано съ жертвою: въ одномъ случаѣ жертвуютъ правомъ для спокойствія, а въ другомъ—спокойствіемъ для права и вопросъ, повидимому, сводится къ тому—которая изъ двухъ жертвъ, по индивидуальному положенію лица и случая, представляется болѣе легкою. Богатый, которому нечувствительна потеря, рѣшится въ пользу спокойствія, а бѣднякъ, для котораго эта потеря относительно гораздо тяжелѣе, пожертвуетъ имъ. Такимъ

образомъ вопросъ о борьбѣ за право представляется матеріяльнымъ разсчетомъ, при которомъ взвѣшиваются встрѣчающіеся съ обѣихъ сторонъ выгоды и ущербы и сообразно тому принимается рѣшеніе.

Но всякій изъ васъ знаетъ, что въ дѣйствительности дѣло происходитъ иначе и ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что ведутся процессы, стоимость которыхъ отнюдь не соизмѣряется съ затраченными на нихъ трудомъ и издержками. Если кто либо уронитъ талеръ въ воду, онъ не употребитъ двухъ, чтобъ вернуть потерянное и здѣсь является примѣръ чистаго разсчета. Но почему тоже лицо не примѣняетъ подобнаго разсчета къ своему процессу? Нельзя объяснять этого тѣмъ, что ожидая выигрыша дѣла, лице надѣется, что издержки упадутъ на его противника. Всякій знаетъ, что отъ процесса не удерживаетъ убѣжденіе въ томъ, что побѣда обойдется дорого и часто приходится слышать, что многіе ведутъ процессъ, не независимо отъ соображеній о его стоимости. Чѣмъ же объясняется подобное упрямство?— Общеупотребительный отвѣтъ извѣстенъ: онъ указываетъ на страсть къ тяжбамъ. Но чѣмъ объясняется такой, съ точки зрѣнія интереса, неразумный способъ дѣйствія, какъ не страстью къ борьбѣ? Да, это страсть къ борьбѣ, непреоборимое желаніе сдѣлать зло противнику съ полною увѣренностью, что удовлетвореніе нашего желанія будетъ стоить того же, если не дороже еще чѣмъ самый предметъ спора.

Но оставимъ въ сторонѣ этихъ двухъ частныхъ лицъ и поставимъ на мѣсто ихъ два народа. Одинъ изъ нихъ отнялъ у другаго несправедливо городъ, или-же, предположимъ, квадратную милю пустой, ничего не стоющей земли; спрашивается, долженъ ли послѣдній народъ начинать войну? Разсмотримъ этотъ вопросъ съ той же точки зрѣнія, какъ имъ разрѣшается теорія о страсти къ тяжбамъ между крестьянами, изъ которыхъ одинъ запахалъ у другаго незначительную часть земли, или же набросалъ камней на его поле. Что значитъ квадратная миля пустой земли въ сравненіи съ войною, которая будетъ стоить тысячи жизней, внесетъ горе и нищету въ хижины и дворцы и обойдется государственной казнѣ милліо-

оны и милліарды. Что за глупость начинать войну изъ за такого пустяка! Таково должно было бы быть рѣшеніе, если бы къ крестьянину и народу прилагали туже мѣрку, но ясно, что никто не рѣшится предложить народу того совѣта, который слѣдуетъ дать крестьянину. Всякій чувствуетъ, что народъ, терпящій такое правонарушеніе, подписываетъ себѣ смертный приговоръ. У народа, у котораго безнаказанно отняли квадратную милю, можно отнять и другія территоріи, пока у него ничего не останется и этой участи онъ заслуживаетъ. Но если народъ долженъ защищать свою квадратную милю, почему не сдѣлать того же крестьянину по отношенію къ вершку земли? Не ужели мы должны примѣнить къ нему пословицу: quod licet Jovi, non licet bovi?

Подобно тому, какъ народъ, противъ воли, но для сохраненія своей чести и независимости, борется за квадратную милю, точно также и частное лицо, въ тѣхъ процессахъ, гдѣ является вопіющая несоразмѣрность между спорнымъ объектомъ, предполагаемыми издержками и настоящими затратами— отстаиваетъ идеальную цѣль, заключающуюся въ защитѣ своей личности и ея правоваго чувства и предъ этою цѣлью въ глазахъ оскорбленнаго блѣднѣютъ всѣ жертвы и непріятности, сопряженныя съ процессомъ; для него цѣль оправдываетъ средства. Не разсчетъ, а нравственное страданіе вынуждаетъ лицо вести процессъ; оскорбленному нѣтъ надобности снова пріобрѣсти объектъ спора, который, какъ часто случается въ подобныхъ случаяхъ, пожертвованъ для лучшаго выясненія цѣли процесса, въ пользу бѣдныхъ; ему нужно признаніе его права. Внутренній голосъ говоритъ ему, что нельзя отступить, что дѣло идетъ не о малоцѣнномъ предметѣ, но о его правовомъ чувствѣ, самолюбіи и личности.— Словомъ изъ вопроса о простомъ интересѣ процессъ переходитъ въ вопросъ о личности.

Но опытъ указываетъ намъ, что многіе въ совершенно одинаковомъ положеніи принимаютъ противоположное рѣшеніе; спокойствіе для нихъ дороже незначительнаго права. Какъ должны мы относиться къ такимъ поступкамъ: должны ли мы сказать, что это дѣло личнаго вкуса и темперамен-

та, что одинъ спокойнѣе другаго? Со стороны права то и другое рѣшеніе въ одинаковой мѣрѣ уважительно, ибо управомоченный рѣшаетъ самъ, будетъ ли онъ отстаивать свое право или нѣтъ. Я полагаю, что послѣднее рѣшеніе, столь часто встрѣчающееся въ жизни, совершенно неправильно и противорѣчитъ внутренней сущности права; если бы можно было думать, что имъ выражается общее отношеніе къ праву, то оно было бы ложнымъ, ибо право, нуждаясь для своего огражденія въ мужественной борьбѣ съ неправдою, не проповѣдуетъ этимъ трусливой ненависти къ послѣдней. Я противопоставляю этому мнѣнію слѣдующее положеніе: сопротивленіе неправдѣ есть обязанность управомоченнаго по отношенію къ себѣ самому, а потому для большей успѣшности, обязанность эта должна быть общею. Этими двумя положеніями я очерчиваю задачу, на разрѣшеніе которой призываю ваше вниманіе.

Борьба за право есть обязанность управомоченнаго въ отношеніи къ самому себѣ.

Защита своего существованія есть высшій законъ, управляющій всѣмъ живущимъ и стремленіе къ защитѣ себя проявляется во всякомъ существѣ. Стремленіе это въ человѣкѣ не ограничивается сохраненіемъ физической жизни, но направляется также къ защитѣ нравственнаго бытія, непремѣннымъ условіемъ котораго представляется право. Въ правѣ человѣка содержатся условія его бытія и безъ него онъ уподобляется животнымъ*), а потому Римляне, съ точки зрѣнія абстрактной, были совершенно послѣдовательны, ставя рабовъ на одну доску съ животными. Защита права есть кромѣ того обязанность нравственнаго самосохраненія, неисполненіе которой равняется нравственному самоубійству. Право есть сумма отдѣльныхъ институтовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ для себя особенныхъ нравственныхъ условій существованія, слагающихся для собственно-

*) Въ Новеллѣ Генриха Клейста—Michael Kohlhaas—къ которой я скоро возвращусь, поэтъ заставляетъ своего героя сказать: если я долженъ быть попираемъ ногами, лучше мнѣ быть собакою, нежели человѣкомъ!

сти, брака, договора, чести и т. д., а потому отказъ отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ условій равносиленъ отказу отъ всего права. Но возможно покушеніе посторонняго лица на одно изъ этихъ условій и это покушеніе должно быть уничтожено субъектомъ права. Недостаточно одного простаго признанія этихъ жизненныхъ условій необходимыми для права; они должны быть защищаемы субъектомъ и поводъ къ защитѣ подаетъ произволъ, если онъ осмѣлится коснуться права.

Не всякая неправда есть произволъ, т. е. возмущеніе противъ идеи права. Добросовѣстный владѣлецъ моей вещи, не отрицаетъ по отношенію къ моей личности идеи собственности, но признаетъ послѣднюю, въ данномъ случаѣ, за собою и споръ между нами вертится на томъ—кто изъ насъ двухъ собственникъ. Напротивъ воръ и разбойникъ выходятъ изъ правовой области собственности; они отрицаютъ не только мою собственность, но и идею о ней вообще, т. е. существенное условіе бытія моей личности. Если ихъ способъ дѣйствій станетъ общеупотребительнымъ и возведется въ правовое правило, то собственность станетъ невозможною практически и принципіально; поступокъ разбойника заключаетъ въ себѣ не только покушеніе противъ моей вещи, но и противъ моей личности и если я обязанъ защищать послѣднюю, то правило это должно примѣняться и къ защитѣ вещи, носящей отпечатокъ моей личности; уклониться отъ исполненія ея можно лишь приконфликтѣ этой обязанности съ обязанностью болѣе высокою, состоящею въ защитѣ жизни, что имѣетъ мѣсто, когда грабитель предлагаетъ мнѣ альтернативу между жизнью и кошелькомъ. Если же послѣдняго случая нѣтъ, я долженъ бороться противъ правонарушенія всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи средствами, ибо перенося его, я произвожу въ своей жизни моментъ безправія, а этого никто не долженъ дѣлать добровольно. Въ отношеніи къ добросовѣстному владѣльцу моей вещи я нахожусь въ совершенно иномъ положеніи. Здѣсь вопросъ о томъ—что мнѣ дѣлать—не есть вопросъ моего правоваго чувства, моего характера и личности, но чисто вопросъ разсчета: идетъ дѣ-

ло лишь о цѣнности предмета, а потому совершенно разумно, что бы, я, сдѣлавши разсчетъ о прибыли и убыткѣ и принявъ во вниманіе возможность двоякаго исхода дѣла, пришелъ бы къ заключенію о томъ, слѣдуетъ ли начинать процессъ, отказаться отъ него, или же примириться.

Примиреніе есть точка соприкосновенія такого, основаннаго на вѣроятіи разсчета обѣихъ сторонъ и при условіяхъ, мною здѣсь предполагаемыхъ, лучшее разрѣшеніе спора. Если же примиреніе не рѣдко достигается съ такимъ трудомъ и часто обѣ стороны заранѣе отклоняютъ всякіе переговоры о немъ, то это основывается не на томъ, что ихъ разсчеты такъ далеко расходятся между собою, что не могутъ сойтись, но на предположеніи каждаго изъ спорящихъ сторонъ въ дѣйствіяхъ другой завѣдомой неправды и злаго умысла. Когда же вопросъ по процессуальной формѣ принимаетъ видъ объективнаго правонарушенія (reivindicatio), то и со стороны психологической онъ имѣетъ для участвующаго тоже значеніе, какъ и въ предъидущемъ случаѣ. Упорство, съ которымъ въ этомъ случаѣ субъектъ защищаетъ свое право отъ покушеній на него, точно тѣмъ же мотивировано и также нравственно справедливо, какъ и защита противъ вора. Въ подобномъ случаѣ психологически невозможно устрашить обиженнаго указаніемъ на издержки, вѣроятныя послѣдствія процесса и возможность двоякаго исхода его, ибо лицо руководствуется не интересомъ, а правовымъ чувствомъ и единственная точка, на которую можно дѣйствовать, есть указаніе на дурныя побужденія противника, которымъ сторона позволяетъ руководить собою. Если удастся коснуться этой точки, то нервъ сопротивленія перерѣзанъ и обиженный получаетъ возможность разсматривать дѣло съ точки зрѣнія выгоды и потери. Никто лучше васъ не знаетъ, какое сильное сопротивленіе часто оказываетъ предвзятая мысль лица противъ такихъ попытокъ, и я думаю, что вы согласитесь со мною, когда я скажу, что эта недоступность, эта психическая стойкость въ недовѣріи, не есть нѣчто чисто индивидуальное, обусловленное особымъ характеромъ лица, но что свойства эти коренятся въ общихъ противо-

положностяхъ воспитанія и занятій. Всего труднѣе покорить такое недовѣріе въ крестьянинѣ, и такъ называемая страсть къ тяжбамъ, въ которой его обвиняютъ, есть ничто иное, какъ продуктъ двухъ главнѣйшихъ, присущихъ ему факторовъ сильнаго сознанія, чтобы не сказать духа собственности и недовѣрія. Никто, кромѣ крестьянина, не сознаетъ на столько сильно своихъ интересовъ и не держится такъ крѣпко за нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто, кромѣ него же, не разстается такъ легко съ достояніемъ и собственностью для процесса. Это кажущееся противорѣчіе на самомъ дѣлѣ совершенно понятно, ибо сильно развитое сознаніе собственности, дѣлая чувствительнѣе страданіе, происходящее отъ нарушенія этого права, тѣмъ самымъ усиливаетъ реакцію. Страсть крестьянина къ тяжбамъ есть не болѣе, какъ заблужденіе сознанія собственности, причиняемое недовѣріемъ, заблужденіе, которое подобно аналогическому ему явленію въ любви—ревности, обращается своею острою стороною противъ себя же, чѣмъ разрушаетъ то, что хотѣло спасти.

Древне Римское право даетъ намъ интереснѣйшее подтвержденіе тому, что я утверждаю; въ немъ недовѣріе крестьянина, видящаго во всякомъ правовомъ конфликтѣ злое намѣреніе, отпечатлѣлось въ формѣ правовыхъ положеній. Всюду, гдѣ идетъ дѣло о случаѣ объективной неправды, она сводится на субъективную сторону, т. е. на наказаніе проигравшаго тяжбу. Озлобленное правовое чувство не удовлетворяется простымъ возстановленіемъ права, но требуетъ еще особаго удовлетворенія за то, что противникъ правильно или не правильно затронулъ чужое право.

Если бы теперь крестьяне установляли право, оно было бы, вѣроятно, у насъ такое же, каковымъ было у ихъ древне-римскихъ предшественниковъ; но уже и въ Римѣ недовѣріе въ области права было побѣждено въ принципѣ культурою, распознававшею два рода неправды: причиненную по винѣ и безъ вины противника или неправду субъективную и объективную.

Только что указанное раздѣленіе имѣетъ второстепенное значеніе для занимающаго меня вопроса о томъ, какъ по-

ступитъ оскорбленный по отношенію къ правонарушенію. Оно объясняетъ воззрѣніе права на дѣло и опредѣляетъ послѣдствія правонарушенія, но ни въ какомъ случаѣ не достаточно для познанія субъекта и для объясненія того, какъ возмущается въ лицѣ правовое чувство, не согласованное съ опредѣленіями системы, встрѣтившеюся ему неправдою. Обстоятельства даннаго случая могутъ быть таковы, что управомоченный имѣетъ полное основаніе при правовомъ конфликтѣ, который правомъ опредѣляется, какъ объективное правонарушеніе, предполагать о существованіи злой воли и завѣдомой неправды у своего противника, и сообразно тому опредѣлить способъ своихъ дѣйствій. Право даетъ мнѣ противъ наслѣдника моего должника, не знающаго о займѣ и ставящаго уплату его въ зависимость отъ доказательствъ послѣдняго, туже *condictio ex mutuo*, которую я имѣю противъ самаго должника, безсовѣстно отрицающаго сдѣланный заемъ, или утверждающаго о небывалой уплатѣ; но одно это обстоятельство не можетъ заставить меня одинаково относиться къ дѣйствію обоихъ лицъ и сообразно тому опредѣлить мои собственныя. Самъ должникъ стоитъ въ моихъ глазахъ на ряду съ воромъ, пытающимся похитить завѣдомо мнѣ принадлежащее; это возмущеніе произвола противъ права, являющееся только въ иномъ видѣ передъ судомъ, но противъ котораго я долженъ бороться также, какъ и противъ воровскаго похищенія. Напротивъ, наслѣдникъ должника находится въ отношеніи ко мнѣ въ положеніи добросовѣстнаго владѣльца моей вещи; онъ не отрицаетъ положенія, что должникъ обязанъ платить, но споритъ противъ того, что онъ самъ должникъ, а потому, все сказанное о добросовѣстномъ владѣльцѣ примѣнимо къ послѣднему. Съ наслѣдникомъ я могу примириться и совершенно отказаться отъ процесса съ нимъ, но противъ самаго должника я обязанъ и долженъ защищать свое право, во что бы то мнѣ ни обошлось; если же я не дѣлаю этого, я не только отказываюсь отъ этого права, но и отъ права вообще.

Я ожидаю слѣдующаго возраженія на изложенные доводы: неужели народъ признаетъ право собственности, обяза-

тельствъ и пр. за нравственное условіе бытія личности? Дѣло не въ признаніи, а вопросъ заключается въ томъ, не чуетъ ли народъ въ этихъ условіяхъ помянутаго значенія, и я надѣюсь доказать, что это такъ. Что извѣстно народу о почкахъ, легкомъ или печени, какъ объ условіяхъ физической жизни? однакоже страданіе одного изъ этихъ органовъ доступно каждому, причемъ больной можетъ и не знать причины его. Физическое страданіе есть признакъ разстройства организма и воздѣйствія на него вреднаго фактора; оно предупреждаетъ о грозящей намъ опасности и ощущаемая боль вынуждаетъ насъ своевременно принять противъ нея мѣры. Тоже соображеніе примѣнимо къ страданію нравственному, причиняемому предъумышленною неправдою и произволомъ. Подобно физическому, страданіе моральное, получаетъ различныя степени интенсивности, смотря по субъективной воспріимчивости лица, формѣ и предмету правонарушенія. Оно проявляется во всякой личности, которая не совершенно притуплена, т. е. которая не освоилась съ фактическимъ безправіемъ, какъ моральнымъ страданіемъ, и требуетъ потому уничтоженія породившей его причины, не для того, чтобы утишить боль, но чтобы возстановить здоровье, угрожаемое этимъ страданіемъ. Это моральное страданіе такое же напоминаніе о необходимости моральной самозащиты, какъ страданіе физическое есть предупрежденіе о необходимости поддержки жизни физической.

Возьмемъ для примѣра оскорбленіе чести лица, принадлежащаго къ сословію, въ которомъ это чувство наиболѣе развито—къ сословію военному. Офицеръ, перенесшій терпѣливо оскорбленіе чести, становится невозможнымъ какъ таковой. Почему же? Вѣдь защита чести есть обязанность всякаго; зачѣмъ же военное сословіе въ значительной степени форсируетъ исполненіе ея? потому, что въ немъ есть сознаніе того, что сословіе, задача котораго воплотить въ себѣ личное мужество, не можетъ терпѣть трусости, не отказываясь отъ своей конечной цѣли, а слѣдовательно, смѣлая защита личности есть нравственное и жизненное условіе его существованія и призванія. Пусть противопоставятъ этимъ ли-

цамъ крестьянина, столь упорно защищающаго свою собственность. Почему же онъ не дѣлаетъ того же въ отношенія къ своей чести. Потому именно, что онъ имѣетъ вѣрное воззрѣніе на необходимыя ему жизненныя условія. Его призваніе не мужество, а работа, и собственность для него является видимымъ результатомъ содѣянной работы. Крестьянина лѣниваго, запускающаго свою ниву и легкомысленно расточающаго свое достояніе, презираютъ его односельчане также, какъ и офицеры своего товарища, недорожащаго честью. Подобно тому, какъ ни одинъ крестьянинъ не упрекнетъ себѣ подобнаго въ томъ, что послѣдній изъ за оскорбленія не затѣялъ ни дуэли, ни процесса, — ни одинъ военный не укоритъ своего товарища тѣмъ, что тотъ плохой хозяинъ. Для крестьянина обрабатываемый имъ участокъ и воспитываемый имъ скотъ составляютъ основу всего его существованія, и противъ сосѣда, запахавшаго частицу его земли, или барышника, не уплатившаго ему за скотъ, онъ начинаетъ борьбу въ формѣ упорнаго процесса, борьбу за свое право, подобную той, которую выдерживаетъ военный со шпагою въ рукѣ для защиты своей чести. Оба жертвуютъ въ этомъ случаѣ собою безъ всякаго разсчета и послѣдствія борьбы не составляютъ мотивовъ ея. Тотъ и другой долженъ сдѣлать, что дѣлаетъ, ибо оба подчиняются лишь закону нравственной самозащиты. Если помѣстить этихъ людей на скамью присяжныхъ и заставить военныхъ обсуждать вопросы о собственности, а крестьянъ—объ оскорбленіи чести, а за тѣмъ для тѣхъ и другихъ дѣлъ перемѣнить присяжныхъ въ обратномъ смыслѣ, то въ обоихъ случаяхъ появятся совершенно противоположныя одно другому рѣшенія. Извѣстно, что нѣтъ относительно нарушенія собственности болѣе строгихъ судей, нежели крестьяне, и хотя я не извѣдалъ того на опытѣ, но смѣло поспорилъ бы, что когда къ судьѣ обратится съ искомъ объ оскорбленіи крестьянинъ, гораздо легче будетъ склонить его къ примиренію, нежели въ томъ случаѣ, когда тотъ же крестьянинъ возбудитъ вопросъ о моемъ и твоемъ. Древне римскій крестьянинъ получалъ за пощечину 25 ассовъ, и даже вступалъ въ переговоры и склонялся на

миръ, когда ему выбивали глазъ, тогда какъ могъ отплатить тѣмъ же своему противнику, но онъ же добился отъ закона права обращать въ рабство пойманнаго съ поличнымъ вора и даже убивать его въ случаѣ сопротивленія, и законъ разрѣшилъ ему это.

Для третьяго примѣра я возьму купца. Кредитъ для него тоже, что для военнаго честь и для крестьянина собственность. Установленіе кредита составляетъ жизненный вопросъ купца и лицо, распускающее слухи, что онъ не точно выполняетъ свои обязательства, болѣе вредитъ ему, нежели тотъ, кто его лично оскорбитъ, или обокрадетъ; военный, на котораго было бы взведено подобное обвиненіе, вѣроятно, посмѣялся бы надъ нимъ, а крестьянинъ не усмотрѣлъ бы въ немъ никакого оскорбленія. Такое исключительное положеніе купца объясняетъ его сочувственныя отношенія въ новымъ законодательствамъ, строго наказывающимъ проступокъ неосторожнаго и злостнаго банкротства, могущаго повліять на него самаго и ему подобныхъ.

Я воспользовался приведенными примѣрами, потому что они наиболѣе ясно обрисовываютъ значеніе моральныхъ условій жизни лицъ, разсматриваемыхъ мною, какъ патологическія стремленія правоваго чувства. Что это воззрѣніе примѣнимо не только къ частному, но и къ уголовному праву—доказать не трудно, и это будетъ сдѣлано въ послѣдствіи; теперь же достаточно указать на извѣстный трудъ Монтескье—l'esprit des lois. Принципіальныя различія въ опредѣленіи значенія проступковъ въ законодательствахъ государствъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія и имѣющихъ различное устройство, всегда возникаютъ изъ сознанія необходимости строгими законами оградить особыя условія существованія даннаго государства. Нѣтъ надобности принимать особыхъ мѣръ для охраненія собственности и чести, когда судьями въ нарушеніи того или другаго права являются крестьяне или военные, ибо то и другое чувство проявляется въ нихъ съ наибольшею силою. Я на столько дорожу разъясненіемъ этого положенія по отношенію къ соб-

ственности, что вы должны разрѣшить мнѣ прибавить еще кое что къ сказанному.

Не во всѣхъ слояхъ общества встрѣчаемъ мы столь сильное сознаніе права собственности, какъ въ крестьянахъ, выставленныхъ мною образцовыми представителями его, и даже тотъ кругъ, въ которомъ мы живемъ, доказываетъ это. Чтобы съ возможнѣйшею ясностью выразить противоположное моему мнѣнію возрѣніе, я придамъ ему такую форму: что имѣетъ вещь, мнѣ принадлежащая, общаго съ моею личностью? Она служитъ мнѣ, какъ средство для моихъ цѣлей, какъ средство къ наслажденію, пріобрѣтенію, и поддержанію жизни, но какъ я не имѣю нравственной обязанности пріобрѣтать много денегъ, то тѣмъ менѣе лежитъ на мнѣ обязанность начинать изъ за пустяковъ процессъ, который обойдется дорого и нарушитъ мое спокойствіе. Единственный мотивъ, долженствующій руководить мною при правовой защитѣ имущества, есть тотъ же, который побуждаетъ меня къ пріобрѣтенію и сохраненію его, т. е. мой интересъ, а потому споръ о моемъ и твоемъ есть чистый вопросъ о выгодѣ.

Что же должны мы противопоставить этому воззрѣнію на право собственности? Я вижу въ немъ признакъ, говорящій за легкое пріобрѣтеніе имущества и удаленіе собственности отъ ея историческаго и нравственнаго источника—отъ работы. Только исходя изъ этого источника, собственность ясна и прозрачна въ своихъ основахъ, но чѣмъ далѣе она уходитъ отъ него и чѣмъ болѣе приближается къ областямъ легкаго, безъ труда совершившагося пріобрѣтенія, тѣмъ болѣе теряетъ она эту ясность, пока наконецъ въ грязи биржевой игры и обманныхъ спекуляцій она совершенно утрачиваетъ свои первоначальные, отличительные признаки. При такомъ положеніи, когда исчезла совершенно нравственная идея собственности, конечно, уже не можетъ быть рѣчи о чувствѣ долга, побуждающемъ защищать ее, ибо нѣтъ болѣе самаго понятія объ идеѣ собственности въ томъ видѣ, какъ оно живетъ во всякомъ, кто заработываетъ свой хлѣбъ въ потѣ лица. Худшее здѣсь, къ сожалѣнію, то, что возникающія отъ этихъ причинъ стремленія и жизненныя привычки, мало по малу,

распространяются на такую область, гдѣ бы онѣ не развились вдругъ, если бы не соприкасались съ этими причинами. Вліяніе милліоновъ, пріобрѣтенныхъ на биржѣ, отражается въ домахъ бѣдняковъ и тотъ же человѣкъ, который при другой обстановкѣ смотрѣлъ бы на работу, какъ на основу своего благосостоянія, видитъ въ ней подъ вліяніемъ такой энервирующей атмосферы проклятіе свое; только въ этой средѣ, гдѣ утрачивается совершенно идея собственности и гдѣ никому не извѣстны источники ея происхожденія, можетъ развиться коммунизмъ. Фактъ, что воззрѣніе на собственность господствующихъ классовъ не ограничивается ими самими, но сообщается и остальнымъ кругамъ общества—доказывается, хотя въ обратномъ направленіи, на деревенскихъ жителяхъ. Кто долго живетъ въ деревнѣ и не отказывается отъ сношеній съ крестьянами, тотъ по неволѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда его обстоятельства и личность мало способствуютъ тому, заражается отъ крестьянъ духомъ бережливости и сознанія собственности. Тотъ же средній человѣкъ, при остальныхъ, совершенно одинаковыхъ условіяхъ, будетъ бережливъ среди крестьянъ, въ деревнѣ и расточителенъ въ городахъ.

Но откуда бы не происходило это расположеніе къ миролюбію, которое изъ любви къ спокойствію обходитъ борьбу за право, пока стоимость предмета не вынуждаетъ къ сопротивленію—для насъ безразлично. Достаточно лишь признать его и указать на его существованіе. Практическая философія, проповѣдующая его, не есть ли ничто иное, какъ политика трусости? Трусъ, убѣгающій съ поля сраженія, спасаетъ то, чѣмъ жертвуютъ другіе—свою жизнь, но спасеніе это покупается цѣною его чести; остающіеся на мѣстахъ, спасаютъ его и общее дѣло отъ послѣдствій, которыя его образъ дѣйствій долженъ былъ непремѣнно повлечь за собою, и если бы всѣ думали, какъ онъ—все было бы потеряно. Тоже относится и къ трусливой уступкѣ права. Будучи безвредною, какъ дѣйствіе единичное, эта трусость, возведенная въ общее правило, повлечетъ за собою уничтоженіе права, и единичное дѣйствіе такого рода только потому не кажется вреднымъ, что имъ не затрогивается борьба за право

противъ неправды во всемъ ея цѣломъ. Эта борьба не лежитъ на отдѣльной личности, но во всякомъ благоустроеномъ государствѣ въ значительной степени ведется имъ самимъ черезъ обличеніе передъ уголовнымъ судомъ тягчайшихъ покушеній противъ правъ личности, ея жизни и имущества;—труднѣйшая часть работы, отходя отъ субъекта, упадаетъ на полицію и уголовнаго судью. Сверхъ того частнымъ лицамъ должна быть предоставлена возможность ограждать права свои въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдованіе право нарушенія зависитъ исключительно отъ ихъ воли, потому что не всякій трусъ и даже трусъ дѣлается бойцомъ, когда желаніе сохранить вещь перевѣшиваетъ въ немъ стремленіе къ спокойствію. Но представимъ себѣ положеніе, когда не существуетъ для субъекта поддержки, оказываемой ему полиціей и уголовнымъ судомъ; перенесемся въ тѣ времена, когда, какъ въ древнемъ Римѣ, преслѣдованіе вора и разбойника зависѣло единственно отъ потерпѣвшаго, и всякому станетъ понятнымъ, къ какимъ послѣдствіямъ привело бы при подобныхъ обстоятельствахъ равнодушное отношеніе къ защитѣ права; послѣдствіе это—безнаказанность воровъ и разбойниковъ. Сказанное относится вполнѣ къ жизни народа, ибо всякій народъ предоставленъ самому себѣ и никакая высшая власть не заботится о защитѣ его правъ, а потому мнѣ остается лишь сослаться на свой прежній примѣръ о квадратной милѣ, чтобы сдѣлать понятнымъ, какое значеніе получаетъ въ народной жизни то воззрѣніе, которое обусловливаетъ сопротивленіе неправдѣ матеріальною стоимостью спорнаго объекта. Правило, которое всюду, гдѣ бы его не примѣняли, представляется совершенно немыслимымъ и разрушаетъ право, не можетъ быть признаваемо вѣрнымъ тамъ, гдѣ въ видѣ исключенія его непремѣнныя послѣдствія парализируются, благодаря инымъ условіямъ. Ниже я буду имѣть возможность выставить въ надлежащемъ свѣтѣ то гибельное вліяніе, которое оно производитъ даже и въ этихъ случаяхъ.

И такъ мы знаемъ, что эту доктрину спокойствія не усвоилъ себѣ ни одинъ народъ и ни одна личность, имѣющая здравое правовое чувство. Она—признакъ и продуктъ болѣзненнаго,

тупаго и слабаго правоваго чувства; это грязный и голый матеріализмъ въ области права. Матеріализмъ имѣетъ полное основаніе существовать въ области права, но въ точно опредѣленныхъ границахъ. Пріобрѣтеніе права, пользованіе имъ и даже защита его, въ случаяхъ чисто объективнаго нарушенія, есть вопросъ о выгодѣ;—само право, какъ я его понимаю—ничто иное, какъ законно защищаемый интересъ, но съ того момента, какъ произволъ подымаетъ руку на право съ цѣлью его уничтожить, всякое матеріальное соображеніе должно отойти въ сторону.

Безразлично, какая бы вещь не составляла предмета права. Если бы вещь случайно сдѣлалась моею, она могла бы ныть отнята уменя безъ оскорбленія моего я; но связь межбу мною и вещью образуетъ не случайность, а моя воля; вещь добывается цѣною совершенной мною или другимъ работы; съ нею я владѣю и въ ней защищаю частицу моей или посторонней силы и жизни. Сдѣлавъ вещь своею, я запечатлѣлъ на ней свою личность; кто покушается на вещь, покушается и на лицо; сдѣланное вещи поврежденіе отражается на мнѣ самомъ, ибо я присущъ вещи, и собственвость есть матеріально распространенная периферія моей личности.

Это взаимноотношеніе права и личности сообщаетъ праву, въ чемъ бы оно не заключалось ту значительную стоимость, которую я, въ противоположность чисто субстанціальной стоимости, означаю названіемъ стоимости идеальной. Ею объясняется то самопожертвованіе и энергія при защитѣ права, о которыхъ я говорилъ выше. Такое идеальное отношеніе къ праву не составляетъ преимущества избранныхъ натуръ, но присуще и самымъ необработаннымъ; оно точно также доступно людямъ образованнымъ и богатымъ, какъ и бѣднымъ; дикимъ народамъ, какъ и культурнымъ націямъ, и то обстоятельство, что на него не имѣютъ вліянія различіе образованія и богатства, доказываетъ, насколько этотъ идеализмъ глубоко коренится въ сущности человѣка—онъ ничто иное, какъ здоровое состояніе правоваго чувства. Такимъ образомъ право, сводящее повидимому человѣка исключительно на низшія

ступени эгоизма и выгодъ, поднимаетъ его съ другой стороны на ту идеальную высоту, гдѣ онъ забываетъ привычные ему разсчеты, которые онъ до того измѣрялъ масштабомъ и нониусомъ, чтобы всецѣло отдаться идеѣ права. Проза той области будетъ правомъ въ этой и въ борьбѣ за право становится поэзіей, ибо на самомъ дѣлѣ борьба за право есть поэзія характера.

Что же производитъ всѣ эти явленія? Не познаніе, не образованіе, а чувство страданія. Страданіе есть отчаянный вопль и призывъ на помощь угрожаемаго существа. Это замѣчаніе, какъ сказано выше, одинаково относится къ моральной и физической организаціи, и страданіе, будучи для медика патологіею человѣческаго организма, есть или скорѣе должно быть патологіею правоваго сознанія для юриста и философа, ибо нельзя утверждать, что оно уже сдѣлалось ею. Въ распознаваніи этого страданія заключается тайна права. Страданіе, ощущаемое человѣкомъ при нарушеніи его права, заключаетъ въ себѣ сильно возбужденное инстинктивное сознаніе о томъ, что такое право вообще и что оно въ данномъ случаѣ само по себѣ составляетъ для него. Въ моментъ страданія непосредственное сознаніе объ истинномъ значеніи существа права проявляется сильнѣе, нежели въ цѣлыя столѣтія невозмущеннаго счастія; кто не наблюдалъ его на себѣ или другихъ, не знаетъ, что такое право, хотя бы до тонкости изучилъ весь corpus juris. Не разсудокъ, а одно ощущеніе способно дать намъ понятіе о правѣ, а потому языкъ не безъ основанія обозначилъ психологическій источникъ всякаго права именемъ правоваго чувства. Правосознаніе и правовыя убѣжденія, научныя—абстракціи неизвѣстныя народу, и сила права, также какъ и сила любви лежитъ въ чувствѣ, недостатокъ котораго не можетъ быть замѣненъ разсудкомъ. Но, какъ часто сама любовь не знаетъ о своемъ существованіи, пока въ извѣстный моментъ она не дастъ себя почувствовать, такъ точно чувство права въ здравомъ и нормальномъ состояніи не знаетъ, что оно и что приноситъ съ собою; правонарушеніе есть тотъ мучительный вопросъ, который заставляетъ его говорить, освѣ-

щаетъ истину и придаетъ ему силу. Въ чемъ заключается эта истина я указалъ ранѣе: право есть нравственное условіе существованія лица, защищающаго свое нравственное бытіе.

Сила или слабость, съ которыми реагируетъ правовое чувство противъ нанесеннаго ему оскорбленія, есть пробный камень его здоровья. Не ощущеніе страданія указываетъ цѣну, правовымъ чувствомъ придаваемую угрожаемому достоянію, но интенсивность страданія. Страдать, не принимая мѣръ къ предупрежденію опасности, терпѣливо переносить незащищаясь—это отрицаніе правоваго чувства, можетъ быть извинительное при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но продолженіе котораго не возможно безъ вреднѣйшихъ послѣдствій для самаго чувства права. Необходимое условіе этого чувства есть дѣйствіе, а гдѣ его нѣтъ, тамъ правовое чувство хирѣетъ и притупляется все болѣе и болѣе, пока оно, наконецъ, совершенно перестаетъ ощущать страданіе. Раздражительность, т. е. способность ощущать страданіе отъ правонарушенія, и энергія, т. е. рѣшимость бороться противъ него, вотъ два критерія здороваго правоваго чувства.

Я долженъ отказаться отъ развитія этой интересной и широкой темы о патологіи правоваго чувства, и прошу разрѣшить мнѣ лишь нѣкоторыя объясненія. Всякій изъ васъ знаетъ, какъ различно вліяетъ то же правонарушеніе на различныя личности и членовъ различныхъ сословій и выше я пытался объяснить причину этого явленія. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что раздражительность правоваго чувства не одинакова по отношенію ко всѣмъ правамъ, но ослабляется, или повышается по мѣрѣ того на сколько лицо, сословіе, или народъ придаютъ нарушенному праву значеніе нравственнаго условія, необходимаго для ихъ существованія. Желающій прослѣдить это воззрѣніе, можетъ достигнуть весьма любопытныхъ результатовъ. Изъ указанныхъ мною двухъ институтовъ — чести и собственности, я особенно рекомендую заняться первымъ, ибо весьма любопытныя соображенія связываются съ воззрѣніями на нарушеніе чести разныхъ индивидовъ, народовъ и законодательствъ.

Второй моментъ правоваго чувства—энергія, есть чисто дѣло темперамента и отношеніе человѣка, или народа къ правонарушенію есть пробный камень его характера. Если мы будемъ понимать подъ словами характеръ полную, на себѣ основывающуюся и самозащищающуюся личность, то лучшій поводъ къ защитѣ этого свойства проявляется при прикосновеніи произвола къ праву, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ личности. Формы, въ которыхъ оскорбленное чувство права и личности реагируютъ противъ оскорбленія—проявится ли эта реакція подъ вліяніемъ аффекта въ дикомъ, страстномъ поступкѣ, или же онъ выразится въ разсчитанномъ, но упорномъ сопротивленіи—формы эти не даютъ мѣрки для опредѣленія интенсивности правоваго чувства, а потому нѣтъ большей ошибки, какъ приписывать дикому народу, для котораго перваго рода проявленія нормальны, сильнѣйшее правовое чувство, нежели народу образованному, избирающему обыкновенно второй путь. Формы болѣе, или менѣе зависятъ отъ образованія и темперамента, а сила и страстность во всякомъ случаѣ по стойкости своей стоятъ не выше рѣшимости и непоколебимости. Было бы дурно, еслибъ происходило иначе, т. е. если бы личности и народы на столько бы теряли въ правовомъ чувствѣ, на сколько пріобрѣли образованіемъ. Достаточно одного взгляда на исторію и гражданскую жизнь, чтобы опровергнуть послѣднее мнѣніе. Равнымъ образомъ чувство это не соизмѣримо съ контрастами бѣдности и богатства. Какъ бы не были различны между собою экономическіе масштабы, которыми бѣдный и богатый измѣряютъ стоимость вещи, но какъ доказано выше, соображеніе о цѣнности не играетъ роли при защитѣ собственности, ибо дѣло идетъ не о матеріальной цѣнѣ вещи, а объ идеальной стоимости права, и потому на принимаемое рѣшеніе вліяетъ энергичность правоваго сознанія собственности, разсматриваемой не какъ имущество а какъ правовое чувство. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ англичане. Богатство не умалило ихъ правоваго чувства и съ какою энергіею послѣднее защищается въ вопросахъ о собственности, въ этомъ убѣждаютъ насъ на континентѣ сдѣлавшаяся почти типичною

фигура странствующаго англичанина, который противится попыткѣ хозяина гостинницы, или извощика обсчитать его съ мужествомъ, достойнымъ стать на защиту правъ самой Англіи. Въ случаѣ надобности англичанинъ откладываетъ свой отѣздъ, на нѣсколько дней и проживаетъ въ это время въ десятеро противъ того, что не соглашается уплатить. Народъ смѣется надъ нимъ и не понимаетъ его, но было бы лучше, если бы онъ могъ усвоить его мотивъ; за немногими гульденами, которые отстаиваетъ этотъ человѣкъ, скрывается старая Англія, а потому всякій понимаетъ его на родинѣ и ни кто не осмѣливается тамъ покуситься на его права. Я не желаю огорчить васъ, но серіозность предмета вызываетъ во мнѣ слѣдующую паралель. Поставимъ на тоже мѣсто Австрійца, котораго положеніе и средства одинаковы съ Англичаниномъ и посмотримъ, что онъ сдѣлаетъ? Если мнѣ дозволено будетъ довѣриться собственному опыту, я скажу, что изъ ста десять не послѣдуютъ примѣру англичанина, а остальные, примутъ во вниманіе непріятность спора, возможность недоразумѣній, въ которыя они могли впасть, недоразумѣній, которыхъ англичане вовсе не боятся у себя и за которыя мы платимся въ торговлѣ—словомъ они платятъ. Но за гульденомъ, защищаемымъ англичаниномъ и платимымъ австрійцемъ, кроются частицы Англіи и Австріи, лежатъ столѣтія ихъ политическаго развитія и соціальной жизни. Это наводитъ меня на мысль, благодаря которой, я могу сдѣлать постепенный переходъ къ послѣдующему изложенію. А теперь позвольте мнѣ закончить сказанное тѣмъ же положеніемъ, съ котораго я началъ: защита права есть актъ самозащиты личности, а потому эту обязанность управомоченнаго въ отношеніи къ самому себѣ.

Защита своего права вмѣстѣ съ тѣмъ есть обязанность лица по отношеніи къ обществу — вотъ мысль, которую я надѣюсь доказать послѣдующимъ изложеніемъ.

Чтобы доказать это, мнѣ необходимо опредѣлить отношеніе объективнаго права къ субъективному. Въ чемъ же заключается оно? Я думаю, что вѣрно передамъ ходячее представленіе объ этомъ отношеніи, сказавши, что оно состоитъ

въ томъ, что право объективное есть постулатъ субъективнаго. Конкретное право существуетъ лишь тамъ, гдѣ встрѣчаются условія, къ которымъ абстрактное правовое положеніе пріурочиваетъ его и этимъ, слѣдуя господствующему ученію, взаимоотношенія того и другаго права совершенно исчерпываются. Но такое пониманіе страдаетъ односторонностью; оно указываетъ исключительно на зависимость конкретнаго права отъ абстрактнаго, не смотря на то, что такое же отношеніе зависимости существуетъ въ такой же степени въ противоположномъ направленіи. Конкретное право не только заимствуетъ жизнь и силу отъ обстрактивнаго, но само производитъ то и другое. Сущность права заключается въ его практическомъ осуществленіи и правовое правило, которое никогда не жило, или же утратило жизнь, не должно имѣть притязанія на такое названіе: оно ненужный, неработающій въ механизмѣ права членъ который можетъ быть отнятъ безъ всякаго измѣненія послѣдняго. Высказанное положеніе одинаково годно для всѣхъ частей права—для права государственнаго, какъ для уголовнаго и гражданскаго и римское право санкціонировало его, признавши *desuetudo* причиною уничтоженія закона, точно также, какъ съ другой стороны уничтожаются конкретныя права черезъ непользованіе ими. Между тѣмъ, какъ осуществленіе публичнаго и уголовнаго права предоставлено органамъ государства и даже обязательно возложено на нихъ, примѣненіе частнаго права, совершено зависитъ отъ иниціативы и самодѣятельности лицъ. Но, какъ осуществленіе перваго права зависитъ отъ исполненія властями и должностными лицами, возложенныхъ на нихъ обязанностей, такъ точно и существованіе права частнаго, требуетъ, какъ необходимаго условія, защиты его управомоченными и если частное право долго остается беззащитнымъ въ какомъ либо отношеніи и по какой-бы не было причинѣ—будетъ ли то желаніи спокойствія, или боязнь—правовое положеніе, служащее ему основою уничтожается. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что дѣйствительность и практическая сила положеній частнаго права *утверждаются* на правѣ конкретномъ, и какъ послѣднее

заимствуетъ свою жизнь изъ закона, такъ точно примѣняемые законы поддерживаютъ жизнь правовыхъ положеній; здѣсь мы видимъ тоже, что въ кровообращеніи, исходящемъ отъ сердца и возвращающемся къ нему. Если существенное условіе примѣненія общественными властями законовъ основывается на вѣрности ихъ долгу, то главнѣйшее условіе существованія положеній частнаго права заключается въ дѣйствительности тѣхъ мотивовъ, которые имѣются у управомоченнаго для защиты своего права, т. е. на его интересѣ и правовомъ чувствѣ, слабая дѣятельность которыхъ означаетъ что правовое чувство вяло и тупо, а интересъ не достаточно силенъ, чтобы побѣдить стремленіе къ спокойствію и боязнь ссоры, а это въ свою очередь послѣдствіе того, что правовое правило болѣе непримѣнимо.

Но что же теряется отъ непримѣ ненія права? Страдаетъ одинъ лишь управомоченный. Возвращаюсь къ возраженію, котораго я уже касался и беру опять примѣръ, служившій мнѣ — бѣгство съ поля сраженія. Когда сражается тысяча людей, удаленіе одного можетъ пройти незамѣченнымъ, но если за симъ послѣдуютъ сотни, то положеніе, оставшихся вѣрными своему долгу, значительно ухудшится, ибо вся тяжесть сопротивленія ложится исключительно на нихъ. Я полагаю, что этотъ примѣръ совершенно объясняетъ истинное положеніе дѣла. Въ области гражданскаго права также происходитъ борьба права съ неправдою, битва общая, въ которой всѣ должны твердо держаться; эта работа народа, а потому всякій уклоняющійся отъ нея, измѣняетъ общему дѣлу, ибо онъ усиливаетъ врага и увеличиваетъ его дерзость и заносчивость. Когда произволъ и беззаконіе смѣютъ нагло подымать голову, это вѣрный признакъ того, что обязанные защищать законъ не исполняютъ своего долга. Въ правѣ частномъ всякій призванъ быть стражемъ и охранителемъ закона; конкретное право есть ничто иное, какъ гипотетическое и спеціальное предписаніе, данное частному лицу, охранять законы и бороться противъ неправды, въ противоположность предписанію безусловному и общему, выполняемому въ томъ же на-

правленіи должностными лицами въ области публичнаго права, а потому охраняя свое право лицо отстаиваетъ право вообще. Послѣдствія образа дѣйствій лица распространяются въ этомъ случаѣ далеко за предѣлы его личности и въ охранѣ закона заключается не только идеальный интересъ, состоящій въ томъ, чтобы авторитетъ и величіе закона были неприкосновенны, но здѣсь же заключается реальное и практическое обезпеченіе твердаго порядка жизни. Когда владѣлецъ не въ состояніи поддерживать порядка въ общинѣ, вѣритель не можетъ арестовать должника, покупщикъ не въ правѣ разсчитывать на точное соблюденіе цѣнъ продавцамъ—неужели этимъ колеблется только авторитетъ закона?—здѣсь потрясается въ извѣстномъ смыслѣ порядокъ гражданской жизни и трудно опредѣлить, какъ далеко распространятся вредныя послѣдствія такого смятенія и не повліяетъ ли оно напр. чувствительно на всю систему кредита. При такихъ обстоятельствахъ судьба немногихъ, имѣющихъ смѣлость требовать примѣненія закона, представляется истиннымъ мученичествомъ, а ихъ твердое и энергическое правовое чувство равносильно несчастію. Оставленные тѣми, кто должны быть ихъ естественными союзниками, они одни противостоятъ произволу, широко разросшемуся, благодаря лени и трусости, а если путемъ тяжелыхъ жертвъ находятъ себѣ удовлетвореніе, на ихъ долю, вмѣсто благодарности часто выпадаютъ насмѣшки и презрѣніе. Отвѣтственность за такое положеніе упадаетъ на ту часть населенія, которая не рѣшается защищать своихъ правъ, а не на ослушниковъ закона. Не неправду должно обвинять въ томъ, что она вытѣсняетъ право съ принадлежащаго ему мѣста, но право, за то что оно позволяетъ сдѣлать насиліе надъ собою и еслибъ мнѣ пришлось въ частномъ правѣ опредѣлить мѣсто положеній: не нарушай права и не терпи такого нарушенія—конечно, по ихъ соціально-политическому, а не этическому значенію—я сказалъ бы, что первое правило права—не терпѣть никакой неправды, а второе—не дѣлать ея. Человѣкъ созданъ такъ, что его болѣе удержитъ отъ правонарушенія увѣренность встрѣтить твердое и рѣшительное сопротивленіе со стороны упра-

вомоченнаго, чѣмъ запрещеніе въ томъ же смыслѣ, ибо, если отбросить мысль о сопротивленіи, запрещеніе это получитъ исключительное значеніе моральнаго предписанія.

Изложенное, даетъ ли мнѣ право утверждать, что защита нарушеннаго права управомоченнымъ есть обязанность его не только въ отношеніи къ себѣ, но и къ обществу? Если справедливо, что вмѣстѣ съ своимъ правомъ лице защищаетъ законъ, а слѣдовательно и порядокъ общежитія, то кто же станетъ отрицать, что защищая себя лице исполняетъ обязанность въ отношеніи къ обществу? Если общество имѣетъ право призывать гражданина къ борьбѣ противъ внѣшняго врага, въ которой онъ долженъ жертвовать своею жизнію, какъ же отрицать за нимъ право призывать частныхъ лицъ къ борьбѣ противъ врага внутренняго, присутствіе котораго не въ меньшей степени опасно? И если въ первой борьбѣ бѣгство съ поля битвы имѣетъ значеніе измѣны общему дѣлу, то почему же во второй мы не назовемъ подобнаго поступка тѣмъ же именемъ? Право и справедливость не утверждаются въ странѣ лишь тѣмъ, что судья занимаетъ свое кресло, а полиція держитъ своихъ сыщиковъ; каждый обязанъ для осуществленія этой цѣли внести свою лепту и каждый имѣетъ право и обязанность уничтожать гидру произвола и беззаконія, гдѣ бы она не появилась.

Нѣтъ надобности объяснять, на сколько при такомъ взглядѣ на дѣло облагороживается обязанность лица защищать свое право. Вмѣсто пассивнаго отношенія къ закону, ограничающагося тѣмъ, что лице принимаетъ изъ руки закона то право, которое послѣднему угодно будетъ дать, наступаетъ отношеніе взаимности; лице помогая осуществленію закона возвращаетъ ему полученную отъ него, силу. Это совмѣстная работа, ведущая къ исполненію національной задачи, разрѣшать которую призванъ всякій, независимо отъ того, сознаетъ онъ, или нѣтъ, существованіе ея. Въ томъ и заключается величіе и возвышенность нравственнаго мироваго порядка, что онъ не нуждается въ пониманіи его, чтобы обезпечить за собою трудъ людей, что въ немъ самомъ достаточно мотивовъ, привлекающихъ даже тѣхъ, которыхъ умъ отказы-

вается его постигнуть. И потому, что бы не призывало людей къ борьбѣ—интересъ-ли, страданіе отъ правонарушенія, или же идея права—всѣ они подаютъ другъ другу руку для совмѣстной работы, для защиты права отъ произвола.

Мы приблизились теперь, если можно такъ выразиться, къ идеальной высотѣ нашей борьбы за право. Восходя отъ низшаго мотива, интереса, мы дошли до моральнаго воззрѣнія о самозащитѣ лица и, наконецъ, до взаимной помощи къ осуществленію правовой идеи. Въ моемъ правѣ оскорбляется и отрицается, или защищается и возстановляется право вообще—вотъ то высокое значеніе, которое имѣетъ борьба субъекта за свое право! На сколько ниже идеальной высоты, установляемой этимъ возрѣніемъ лежитъ область чисто личнаго, сфера личныхъ интересовъ, цѣлей, страстей, въ которыхъ неопытный глазъ видитъ истинную область права! Но, могутъ возразить мнѣ, такая высота на столько недосягаема, что останется понятною только для философовъ, не имѣя значенія въ практической жизни, ибо кто же ведетъ процессъ изъ за идеи права? Въ этомъ ошибка. Чтобы опровергнуть ее я могъ бы указать на Римское право, въ которомъ примѣнимость этого идеальнаго воззрѣнія достигла наибольшой ясности въ институтѣ *actiones populares*, но мы были бы не правы въ отношеніи къ себѣ, если бы признали изложенное воззрѣніе для себя недоступнымъ. Всякій, кто при видѣ насилія и дерзости неправды ощущаетъ раздраженіе и гнѣвъ, доступенъ этой идеѣ, ибо чувство, вызываемое правонарушеніемъ, истекаетъ изъ оскорбленной личности и имѣетъ свое основаніе въ силѣ нравственной идеи о человѣческомъ духѣ; это протестъ противъ нарушенія права, лучшее и возвышеннѣйшее доказательство, которое правовое чувство можетъ дать о своемъ существованіи, нравственный феноменъ, одинаково привлекательный доступный для психолога и поэта. Для перваго явленіе это интересно въ томъ отношеніи, что, на сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ другаго аффекта, который вызывалъ бы столь мгновенное и сильное измѣненіе въ человѣкѣ;—извѣстно, что онъ приводитъ ничтожнѣйшія и самыя мирныя натуры въ совершенно несвой-

ственное имъ состояніе страсти, что доказываетъ, что аффектъ этотъ поражаетъ ихъ со стороны самой чувствительной. Поэтъ видитъ здѣсь феноменъ бури въ нравственномъ мірѣ, великой и поразительной по своимъ формамъ, внезапности, непосредственности и силѣ своего взрыва; онъ чувствуетъ элементарное, все забывающее и все разрушающее стремленіе нравственной силы, примиряющей съ собою и возвышающей личность своими мотивами и послѣдствіями.— это очищеніе нравственной атмосферы для субъекта и міра. Но если эта сила разбивается объ установленія, подающія произволу руку помощи, въ которой онѣ отказываютъ праву, тогда буря, поднятая правонарушеніемъ обращается на совершившихъ послѣднее, или же, что не менѣе трагично, язва неправильно перенесенной неправды затаивается, въ сердцѣ и утрачивается вѣра въ право.

Но этотъ идеализмъ правоваго сознанія въ человѣкѣ, чувствующемъ при нарушеніи идеи права сильнѣйшее раздраженіе, нежели при лично противъ него направленной неправдѣ и въ которомъ это страданіе вызываетъ нравственную необходимость вступиться за нарушенную правовую идею, словомъ, натура, которой внутренній голосъ внушаетъ тѣ правила, о которыхъ я говорилъ выше, что служеніе праву за само право есть нравственная обязанность,—встрѣчаются рѣдко. Однако и самымъ обыкновеннымъ натурамъ, лишеннымъ этого идеальнаго полета, тѣмъ не менѣе доступна та точка зрѣнія на право, которую я выше излагалъ словами — мое право есть право общее, потому что съ первымъ одновременно нарушается и защищается второе. Для насъ, юристовъ, эта точка зрѣнія не вполнѣ доступна. Въ нашемъ представленіи, при спорѣ за конкретное право законъ отходитъ на задній планъ, или вѣрнѣе, онъ существуетъ для насъ, какъ моментъ, присущій конкретному праву. Споръ вертится не столько около абстрактнаго закона и его осязаемаго выраженія въ образѣ конкретнаго права, сколько около отраженія въ которомъ оно сосредоточилось, не будучи само непосредственно затронутымъ. Я не намѣренъ оспаривать технической необходимости этого воззрѣнія, но оно все таки не должно

препятствовать намъ признать истинность выше указаннаго воззрѣнія, которое, если позволено такъ выразиться, ставитъ законъ на ряду съ конкретнымъ правомъ и въ нарушеніи перваго видитъ нарушеніе втораго. Я полагаю что высказанное воззрѣніе лежитъ гораздо ближе къ непосредственному правовому чувству, нежели нашему юридическому, и въ особенности тамъ, гдѣ законъ достигаетъ своей полной силы и господства. Здѣсь, т. е. при господствѣ этого воззрѣнія какъ одинаково и правильно выразили это инстинкты языкомъ Римскаго и Германскаго, истцомъ „Gesetz angerufen“ „lege agitur“—самъ законъ становится вопросомъ; это споръ о законѣ, который долженъ быть разрѣшенъ для единичнаго случая, взглядъ, усвоеніе котораго весьма важно для пониманія древне римскаго процесса. Борьба за право, освѣщаемая этимъ воззрѣніемъ, есть борьба за законъ, въ которой идетъ дѣло не объ одномъ интересѣ субъекта, не объ извѣстномъ его правѣ, въ которомъ воплотился законъ, не о фотографіи, какъ я сказалъ прежде, въ которой отразился и фиксировался бѣглый лучъ закона и которую можно разбить, не касаясь послѣдняго, но о самомъ законѣ, который нарушенъ и попранъ. Законъ, если онъ не пустая игра, или фраза, долженъ быть защищаемъ и съ правомъ оскорбленнаго уничтожается одновременно законъ.

Выше я доказалъ, что воззрѣніе, установляющее солидарность закона съ конкретнымъ правомъ, обнимаетъ отношенія между ними въ ихъ сущности, которая на столько ясна, что доступна самому ограниченному уму и эгоизму, неспособному къ идеальнымъ стремленіямъ. Если эта сущность отношеній не всегда находитъ въ субъектѣ соотвѣтствующую ей основу этическихъ жизненныхъ воззрѣній, то несомнѣнно однакоже, что она возноситъ его на высоту правовой идеи, ибо правда всегда остается таковою и не утрачиваетъ своего вліянія на человѣческій духъ, разсматриваемая субъектомъ даже подъ ограниченнымъ угломъ зрѣнія его собственнаго интереса. Ненависть и желаніе мести—вотъ чувства, приводящія въ судъ Шейлока, съ требованіемъ отрѣзать фунтъ мяса отъ тѣла Антонія и слова, влагаемыя поэтомъ въ уста просителя,

остались бы справедливыми, сказанныя всякимъ другимъ. Языкомъ Шейлока говоритъ всюду и всегда оскорбленное правовое чувство, сила и непоколебимость увѣренности что право должно остаться правомъ, увлеченіе и пафосъ человѣка, убѣжденнаго, что въ своемъ дѣлѣ онъ защищаетъ не себя а идею.

Онъ говоритъ.

Das Pfund Fleisch, das ich verlange,
Jst the' r gekauft, ist mein, und ich vill's haben.
Wenn ihr versagt, pfui euer Gesetz!
So hat das Recht Venedig keine Kraft.
Jch ford're das gesetz.
Jch steh'hier auf meinen Schein.

Я требую закона. Въ этихъ трехъ словахъ поэтъ выразилъ истинное отношеніе права субъективнаго къ объективному и значеніе борьбы за право гораздо рельефнѣе, чѣмъ сдѣлалъ бы тоже любой философъ. Благодаря этимъ словамъ требованіе Шейлока становится равносильнымъ разрѣшенію вопроса о существованіи права Венеціи. Какъ ярко и привлекательно обрисовывается личность слабаго человѣка, произносящаго эти слова. Передъ нами не жидъ, просящій своего фунта мяса, а законъ Венеціи, требующій своего примѣненія, ибо право закона и право Шейлока тождественны и съ послѣднимъ гибнетъ первое. И если это право сломлено тяжестью судебнаго рѣшенія, уничтожившаго его съ презрительною насмѣшкою, если Шейлока ненавидятъ и онъ падаетъ разбитый и трепещущій, то кто же не сознается, что вмѣстѣ съ нимъ сломлено право Венеціи, что передъ нами повергнутъ не Шейлокъ, но типичная фигура средне-вѣковаго еврея, этого парія общества, напрасно борящагося за свое право? Трагичность судьбы Шейлока, не въ томъ, что не признано его право, но въ томъ, что онъ,

*) Фунтъ мяса, который я требую, дорого мною купленъ, онъ мой и я хочу его имѣть. Если вы откажете мнѣ въ немъ, то признаете безсиліе вашего закона и права Венеціи. Я требую закона и стою на своемъ.

средневѣковой еврей, имѣетъ вѣру въ право, вѣру непоколебимую, ничѣмъ неуничтожаемую и поддерживаемую самимъ судьею, — что было бы достойнымъ всякаго христіанина—а за тѣмъ, когда разражается надъ нимъ громовой ударъ катастрофы, разрушающей его мечту, онъ снова является, средневѣковымъ евреемъ, которому даютъ право для того, чтобы этимъ ввести его въ обманъ.

Образъ Шейлока вызываетъ въ моемъ воспоминаніи другой, не менѣе правдивый и поэтическій, выставленный съ поразительною вѣрностью Гейнрихомъ Клейстомъ—Михаила Кольгааса—въ новеллѣ того же имени. Шейлокъ уходитъ приниженный, силы его сломлены и онъ безъ возраженія покоряется приговору; Михаилъ Кольгаасъ поступаетъ иначе. Когда всѣ средства къ возстановленію его нарушеннаго права исчерпаны, когда актъ высшаго судебнаго мѣста преграждаетъ ему двери правосудія, и юстиція, включая сюда ея высшихъ представителей, становится явно на сторонѣ неправды, сдѣланное надъ нимъ беззаконіе возбуждаетъ въ немъ чувство безконечнаго горя.—„Лучше быть собакою,“ говорилъ онъ, „нежели человѣкомъ:“ если я долженъ быть попираемъ ногами„ и отсюда является заключеніе:“ кто отказываетъ мнѣ въ защитѣ законовъ, тотъ дѣлаетъ изъ меня дикаря и даетъ мнѣ въ руки то оружіе, которымъ я долженъ самъ защищаться. Онъ вырываетъ изъ слабыхъ рукъ правосудія бездѣйствующій въ нихъ мечъ, пользуется имъ по своему произволу и ужасъ и отчаяніе распространяются въ странѣ. Слабый государственный организмъ колеблется и государь дрожитъ въ страхѣ на своемъ тронѣ. Но не чувство мести его одушевляетъ; онъ не разбойникъ, не убійца, подобно Карлу Моору, который желалъ „возмущенія всей природы, чтобы уничтожить воздухъ, землю и море„; онъ за оскорбленное правовое чувство не объявляетъ войны всему человѣчеству—имъ руководитъ нравственная идея, мысль, что его силы налагаютъ на него въ отношеніи къ міру обязанность добыть себѣ удовлетвореніе за нанесенное оскорбленіе и безопасность своимъ согражданамъ въ будущемъ.“ Этой мысли онъ посвящаетъ все—счастіе своего семейства,

свое уважаемое имя, имущество и жизнь, но онъ не ведетъ безцѣльной, уничтожительной борьбы, а направляетъ свои силы противъ виновныхъ и защищающихъ ихъ. Когда же онъ получаетъ увѣренность добиться своего права, онъ добровольно слагаетъ оружіе. Но этотъ человѣкъ былъ какъ бы назначенъ къ тому, чтобы на себѣ показать, какъ широко въ то время разрослись презрѣніе къ праву и нечестность. Ему обѣщана амнистія, а вмѣсто того онъ погибаетъ на эшафотѣ. Главное для него было право и сознаніе, что онъ боролся не безплодно, что онъ заставилъ уважать право, что онъ сохранилъ свое человѣческое положеніе и достоинство, сознаніе возвышающее его духъ передъ ужасами смерти, примиряющее его съ нею. Какія мысли связываются съ этимъ? Человѣкъ справедливый, полный любви къ своему семейству благодаря вѣрной и хорошей мысли превращается въ Аттиллу, уничтожающаго мечомъ и огнемъ убѣжища своихъ противниковъ. Это объясняется той особенностью, которая нравственно ставитъ его на столько выше его противниковъ—его высокимъ уваженіемъ къ праву, его вѣрою въ святость послѣдняго, силою его истиннаго и здраваго правоваго чувства. Потрясающая трагичность его судьбы заключается именно въ возвышенности и благородствѣ его натуры. Идеальное стремленіе его правоваго чувства, его геройская, все забывающая и всѣмъ жертвующая преданность идеѣ права въ соприкосновеніи съ жалкимъ тогдашнимъ свѣтомъ, способна была благодаря пренебреженію долгомъ и трусости судей, потакающихъ сильнымъ и богатымъ только погубить его. Но утраченное такимъ образомъ тяжело отражается на тѣхъ, которые насильственно свели человѣка съ пути права къ безправію, ибо всякая неправда, вынесенная человѣкомъ, а въ особенности столь тяжкая, постигаетъ въ глазахъ непосредственно правоваго чувства то право, которое обходится поставленными Богомъ властями. Въ этомъ заключается истинное прегрѣшеніе права, его измѣна себѣ, злѣйшій мститель которой является въ темномъ, полномъ упрековъ образѣ человѣка, вынужденнаго оскорбленнымъ правовымъ чувствомъ на преступленіе—это кровавая тѣнь правонарушенія. Жертва продажной или при-

страстной юстиціи, силою сталкиваемая съ пути права, дѣлается сама мстителемъ и осуществителемъ своего права, а часто и врагомъ общества—воромъ, убійцею, или же, если защищаетъ свою благородную и нравственную природу противъ этой опасности — дѣлается, какъ Михаилъ Кольгаасъ мученикомъ правоваго чувства. Говорятъ, что кровь мучениковъ текла не напрасно, и возможно, что ихъ тѣнь на долго предохраняетъ другихъ отъ правонарушенія, жертвою которыхъ пали страдальцы.

Если я вызвалъ здѣсь эту тѣнь, то лишь для того, чтобы указать на поразительный примѣръ того заблужденія, грозящаго сильному и идеальному правовому чувству, которому несовершенство правовыхъ установленій отказываетъ въ удовлетвореніи. Здѣсь борьба за законъ превращается въ борьбу противъ него. Правовое чувство, покинутое силою, которая должна была защищать его, оставляетъ почву закона и стремится самопомощью добиться того, въ чемъ отказываетъ ему непониманіе, злая воля и безсиліе. Не въ единичныхъ, особенно сильныхъ и рѣзкихъ натурахъ находитъ національное правовое чувство, если можно такъ выразиться, обвиненіе и протестъ противъ подобнаго состоянія права — этотъ протестъ выражается главнымъ образомъ въ извѣстныхъ жизненныхъ установленіяхъ, обычаяхъ и правахъ, которыя по значенію, придаваемому имъ извѣстнымъ сословіемъ, или народомъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ суррогаты и прибавки къ государственнымъ установленіямъ. Сюда относятся средневѣковые священные суды (Vehmgerichte), убѣдительнѣйшее доказательство безсилія и пристрастія тогдашнихъ уголовныхъ судовъ, феодальное право, свидѣтельствующее о безсиліи государства и существованіе института дуэли, доказывающее, что наказанія, налагаемыя государствомъ за оскорбленіе чести не удовлетворяли щекотливости извѣстныхъ классовъ общества. Сюда же относится кровавая месть Корсиканцевъ и такъ называемый законъ Линча, выработанный народною юстиціею Сѣверной Америки. Всѣ они доказываютъ, что государственныя установленія не соотвѣтствуютъ правовому чувству народа, или

извѣстныхъ его классовъ и во всякомъ случаѣ заключаютъ въ себѣ упрекъ имъ въ томъ что онѣ заставляютъ желать новыхъ установленій, или терпятъ возникшія помимо закона. Для нѣкоторыхъ эти возникающія установленія, запрещенныя закономъ, но не устраняемыя имъ по безсилію власти, могутъ сдѣлаться источникомъ тягчайшихъ конфликтовъ. Корсиканецъ, который слѣдуя предписаніямъ государства, не практикуетъ кровавой власти, презирается своими соотечественниками, а поддающійся давленію народнаго воззрѣнія, подпадаетъ карѣ закона. Въ дуэли тоже. Кто отклоняетъ ее при обстоятельствахъ, дѣлающихъ дуэль долгомъ чести, вредитъ своей чести, кто же принимаетъ ее — наказывается — положеніе одинаково тягостное для лица и судьи. Въ древнемъ Римѣ мы напрасно стали бы искать слѣдовъ такихъ установленій, ибо установленія государственныя и правовое чувство народа вполнѣ соотвѣтствовали другъ другу и лишь въ первые вѣка нашей эры христіане стали предпочитать судъ епископскій общему, такъ же какъ въ средніе вѣка евреи, избѣгая христіанскихъ судовъ, судились своими равинами.

Я заканчиваю разсмотрѣніе борьбы лица за свое право. Мы слѣдовали здѣсь за лицемъ въ градаціяхъ его мотивовъ, начиная съ нисшихъ, составляющихъ дѣло чистаго разсчета, восходя къ идеальнымъ—защитѣ личности и ея этическихъ жизненныхъ условій и кончая возвышеннѣйшими—осуществленіемъ идеи справедливости, тою вершиною, съ которой невѣрный шагъ повергаетъ слишкомъ ревностнаго поборника правоваго чувства въ бездну беззаконія.

Интересъ этой борьбы не ограничивается гражданскимъ правомъ, или частною жизнью, но далеко заходитъ за предѣлъ того и другаго. Нація есть сумма всѣхъ отдѣльныхъ индивидовъ ее составляющихъ, а потому чувствуетъ, думаетъ и дѣйствуетъ, какъ послѣдніе. Если правовое чувство лица, въ отношеніи къ его праву, гдѣ оно имѣетъ случай проявиться, слабо, тупо и апатично; если несправедливые законы и дурныя установленія представляютъ ему преграды и

не даютъ ему возможности развернуться и окрѣпнуть; если оно встрѣчаетъ преслѣдованія тамъ гдѣ должно-бы ожидать содѣйствія и помощи, то можно-ли отъ такого порабощеннаго, приниженнаго, больнаго и неимѣющаго идеальныхъ порывовъ правоваго чувства ожидать, чтобы оно вдругъ сдѣлалось сильнымъ и пріобрѣло жизненныя ощущенія, когда дѣло коснется интересовъ государственнаго, или народнаго права, возвышающихся надъ сферою частнаго права? Способенъ ли тотъ, кто не привыкъ мужественно защищать собственное право, жертвовать для общества своею жизнію? Кто не чувствуетъ идеальнаго вреда, наносимаго его чести и личности, кто для спокойствія жертвуетъ своими правами, кто измѣряетъ свое право исключительно масштабомъ выгоды—отъ того нельзя ожидать примѣненія другой мѣры и проявленія другихъ чувствъ, когда дѣло идетъ о правѣ и чести націи. Откуда бы внезапно появился въ такомъ лицѣ идеализмъ пониманія, котораго до сихъ поръ не было? Въ государственномъ и народномъ правѣ человѣкъ является такимъ же, каковъ онъ въ правѣ частномъ и свойства, проявляемыя имъ въ послѣдней сферѣ останутся при немъ и будутъ обусловливать его рѣшеніе въ другихъ областяхъ права. Другими словами, что пустило корни въ частномъ правѣ народа принесетъ свои плоды въ правахъ государственномъ и народномъ. Только при содѣйствіи частнаго права, управляющаго часто ничтожными отношеніями образуется и собирается весьма медленно та сила и тотъ моральный капиталъ, въ которомъ нуждается человѣчество, чтобы примѣнять ихъ къ великимъ дѣламъ. Не государственное, а частное право есть истинная школа политическаго развитія народа и чтобы узнать, какъ народъ въ случаѣ необходимости будетъ защищать свои политическія права и международное значеніе, надо смотрѣть на то, какъ единичное лицо въ частной жизни защищаетъ свое право. Выше я привелъ въ примѣръ Англичанъ и теперь мнѣ остается повторить сказаное. Изъ за гульдена, о которомъ они спорятъ, высматриваетъ политическое развитіе Англіи. У народа, всѣ члены котораго защищаютъ свое право при малѣйшихъ нарушеніяхъ послѣдняго,

никто не отниметъ его высшаго блага и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ древности, имѣвшій высшее политическое развитіе и выказавшій наибольшую внѣшнюю силу, народъ Римскій—довелъ частное право до высшаго его развитія. Какъ бы не показалась парадоксальною моя мысль, я утверждаю, что право есть идеализмъ, но не идеализмъ поэта, а человѣческаго характера, который въ самомъ себѣ видитъ цѣль и уважаетъ все то, что коснулось этого святилища. Откуда бы не появилось покушеніе на право его—отъ единичнаго лица, своего правительства, или другаго народа—не все ли равно? О силѣ сопротивленія, вызываемой правонарушеніемъ, рѣшитъ не оскорбленный, но нравственная сила, которою оно защищается. Теперь аксіома—политическія права и внѣшнее положеніе народа соотвѣтствуютъ его моральной силѣ—является болѣе правдоподобною, и ею объясняется, что Небесная Имперія, съ своими сотнями милліоновъ подданныхъ, никогда не займетъ въ отношеніи сосѣднихъ ей народовъ почетное мѣсто, принадлежащее маленькой Швейцаріи. Натура Швейцарца поэту представляется идеальною, но эта натура здоровая, практическая, подобная Римской и въ томъ смыслѣ, въ какомъ я до сего времени примѣнялъ послѣднее выраженіе къ праву, оно одинаково подходитъ къ Швейцарцу и къ Англичанину.

Но идеализмъ здраваго правоваго чувства подрывалъ бы собственныя основанія, если бы ограничивался одною защитою собственнаго права лица, не принимая никакого участія въ охранѣ права и порядка вообще. Лицо должно сознавать, что въ своемъ правѣ, оно защищаетъ право вообще, а въ правѣ общемъ—свое право. Въ обществѣ, гдѣ господствуетъ стремленіе къ строгой законности, напрасно стали бы искать того печальнаго явленія, столь частаго къ сожалѣнію, что народная масса принимаетъ сторону преступника и нарушителя закона, преслѣдуемаго, или арестуемаго властями, что означаетъ что народъ видитъ въ государственной власти своего естественнаго противника. Въ томъ обществѣ всякій знаетъ, что дѣло закона и его—одно,—и правонарушителю симпатизируютъ одни ему подобные, а не чи-

стный человѣкъ всегда готовый подать полиціи, или власти руку помощи.

Мнѣ почти не представляется надобности выводить послѣдствій сказаннаго; они заключаются въ положеніи: для государства, желающаго пріобрѣсти уваженіе извнѣ и быть непоколебимымъ внутри себя, нѣтъ большаго блага, какъ національное правовое чувство которое оно по мѣрѣ силъ должно оберегать и потому забота о немъ есть одна изъ высшихъ и важнѣйшихъ задачъ политической педагогики. Въ здравомъ правовомъ чувствѣ лица государство обладаетъ вѣрнѣйшею гарантіею своего существованія внутренняго и внѣшняго; правовое чувство корень политическаго древа, а если корень слабъ и гибнетъ въ дурной почвѣ, все остальное призракъ—первая буря сломитъ стволъ Но стволъ дерева и корона имѣютъ то преимущество, что они видимы, тогда какъ погруженный въ землю корень скрывается отъ глазъ. Разлагающее вліяніе плохихъ законовъ и государственныхъ установленій на моральную силу народа ведетъ работу подземную, въ тѣхъ областяхъ, куда многіе политики, заботящіеся только о коронѣ, не считаютъ нужнымъ заглядывать, а потому не знаютъ о томъ ядѣ, который изъ корней поднимается до короны. Деспотизмъ знаетъ куда нужно бить, чтобъ сгубить дерево; цѣль его оставить неприкосновенною корону и разрушить корни. Всякій деспотъ начинаетъ съ нарушенія частнаго права и стремится создать безправіе личности и если онъ покончилъ съ этою работою, дерево падаетъ само собою. Вотъ причина, по которой надо прежде всего не допускать подобныхъ дѣйствій и Римляне хорошо знали это, поднявшись противъ царской власти и децемвирата и уничтоживъ то и другое за проступокъ противъ стыдливости и чести женщинъ. Разрушать барщинами и фрондами чувство собственнаго достоинства крестьянъ, поставить гражданъ подъ опеку полиціи и ставить даже дозволеніе имъ на выѣздъ въ зависимость отъ паспортовъ, налагать оковы на мысль писателей, распредѣлять по произволу подати—лучшаго рецепта не могъ бы прописать самъ Макіавелли, желающій убить въ народѣ всякое чувство собственнаго до-

стоинства и нравственную силу съ цѣлью обезпечить деспотизму безпрепятственное господство. При этомъ конечно, не принимается въ разсчетъ, что двери пропускающія деспотизмъ, остаются отпертыми для внѣшняго врага и только, когда послѣдній вторгся въ нихъ, мудрецы, хотя и поздно, приходятъ къ сознанію, что нравственная сила и правовое чувство народа было бы лучшею защитою страны противъ врага. Лотарингія и Альзасъ были потеряны Германіею именно въ то время, когда крестьяне и граждане были объектомъ феодальнаго и абсолютнаго произвола.

Наша вина, если мы слишкомъ поздно уразумѣваемъ уроки исторіи и нельзя ставить ей того въ упрекъ, потому что исторія говоритъ намъ внятно и вразумительно. Сила народа зависитъ отъ силы его правоваго чувства и забота о послѣднемъ равносильна заботѣ о благосостояніи и силѣ государства. Само собою разумѣется, что эта забота не есть дѣло доктрины—школы и образованія; она заключается въ практическомъ примѣненіи основаній справедливости ко всѣмъ жизненнымъ отношеніямъ. Твердость, ясность и опредѣленность матеріальнаго права, устраненіе изъ всѣхъ областей права, съ которыми соприкасается правовое чувство нетолько изъ частнаго, но изъ полицейскаго, административнаго и финансоваго такихъ постановленій, которыя препятствуютъ развитію правоваго чувства; независимость судовъ, возможное усовершенствованіе процесса—вотъ средства, которыя вѣрнѣе, нежели возвышеніе военнаго бюджета, способствуютъ увеличенію силъ государства. Всякое произвольное и несправедливое постановленіе, издаваемое государствомъ, или сохраняемое имъ въ силѣ, есть ударъ, наносимый національному правовому чувству и вмѣстѣ съ этимъ силѣ народа, прегрѣшеніе противъ идеи права, вредно отражающееся на государствѣ, которое можетъ за него дорого поплатиться—иногда даже цѣлою провинціею! Я самъ, конечно, не думаю что государство должно воздерживаться отъ подобныхъ дѣйствій исключительно по цѣлесообразнымъ разсчетамъ; напротивъ, я вижу его высшую и священнѣйшую обязанность въ осуществленіи правовой идеи ради ея самой,

но, сознаюсь,—эта доктринерская фантазія и потому не упрекну практичнаго политика и государственнаго дѣятеля когда онъ пожавши плечами отвергнетъ мою фантазію. Я нарочно обратился къ практической сторонѣ вопроса, которую эти люди знаютъ въ совершенствѣ, чтобы указать на то, что идея и интересъ государства идутъ рука объ руку. Дурное право никогда еще не вырастило здраваго правоваго чувства, которое при господствѣ его слабѣетъ и притупляется. Сущность права, какъ было неоднократно замѣчено, заключается въ дѣйствіи; что для пламени воздухъ, тоже для права свобода дѣйствія и воспретить или ограничить послѣднюю значитъ убить право.

Выше я доказалъ, что защита права есть обязанность лица въ отношеніи къ себѣ и полагаю, что сказанное до сего времени о задачѣ государства дозволяетъ примѣнить къ нему ту же точку зрѣнія относительно обязательности защищать право. Обязанность эта возлагается на государство не потому что оно, какъ извѣстно всякому, не можетъ существовать безъ права и порядка. Внѣшній механизмъ права можетъ быть поддерживаемъ тѣмъ, что царитъ внѣшній порядокъ, а между тѣмъ требованіе, которое мы выставили—забота о правовомъ чувствѣ и его развитіи—можетъ оставаться въ совершенномъ пренебреженіи. Закономъ и порядкомъ были въ прежнее время крѣпостное право, налогъ на евреевъ и многія другія установленія, стоящія въ поразительномъ противорѣчіи съ требованіями здраваго, сильнаго правоваго чувства. Государство, терпя такія установленія, вредило ли лишь только гражданамъ, крестьянамъ и жидамъ? Нѣтъ, оно вредило и себѣ, люди эти были частью тѣла государства; притѣсняя ихъ оно перерѣзывало собственные нервы и когда пришлось употребить угнетенныхъ на защиту противъ врага, они отказывались помочь государству.

Я могъ бы закончить сказаннымъ мою статью, потому что задача моя исполнена, но надѣюсь, вы позволите мнѣ остановить ваше вниманіе еще на одномъ вопросѣ, имѣю-

щемъ тѣсную связь съ предметомъ изложенія, а именно на томъ, насколько современное право, или вѣрнѣе современное Римское право, о которомъ я позволяю себѣ высказываться, соотвѣтствуетъ только что указаннымъ мною требованіямъ. Не затрудняясь, я разрѣшаю этотъ вопросъ отрицательно.—Современное Римское право далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ здраваго правоваго чувства. Это объясняется не тѣмъ, что оно не достигаетъ тамъ или здѣсь истины, но тѣмъ что въ его цѣломъ и общемъ оно доминируется воззрѣніемъ, діаметрально противоположнымъ тому, которое, слѣдуя вышеизложенному, составляетъ сущность здраваго правоваго чувства. Я говорю объ идеализмѣ, видящемъ въ правонарушеніи не только покушеніе на объектъ, но и на самую личность. Наше общее право не признаетъ этого идеализма; начало, опредѣляющее проступокъ и масштабъ его измѣряющій, есть матеріальная стоимость — это простой, голый матеріализмъ, достигшій своего высшаго выраженія.

Но что же право должно дать оскорбленному кромѣ спорнаго объекта, или его стоимости, когда дѣло идетъ о моемъ и твоемъ? Если было бы такъ, можно бы отпустить вора, возвратившаго украденное. Воръ, возражаютъ на это, совершаетъ проступокъ нетолько въ отношеніи къ обокраденному, но и противъ законовъ государства, правоваго порядка и нравственнаго закона. Но не дѣлаютъ ли того же должникъ, отрицающій фактъ долга и мандатарій, безсовѣстно злоупотребляющій моимъ довѣріемъ и неужели мое правовое чувство будетъ удовлетворено, когда послѣ продолжительной борьбы я получу то, что было мнѣ должно до нея? Но независимо отъ справедливаго желанія получить удовлетвореніе, какое здѣсь нарушеніе естественнаго равновѣсія между сторонами когда удовлетвореніе не достигнуто! Опасность, которою грозитъ неблагопріятный исходъ процесса, заключается для одной стороны въ потерѣ всего, а для другой въ томъ, что она ничего не выигрываетъ, а выгода счастливаго исхода для одной стороны та, что она ничего не теряетъ, а для другой—что она все выигрываетъ. Не ра-

вносительно ли это поощренію безстыдной лжи и преміи назначаемой вѣроломству? Этимъ я очертилъ истинное значеніе нашаго современнаго права, и въ другомъ мѣстѣ буду имѣть случай доказать свою мысль. Полагаю, что моя задача значительно облегчится, если мы предварительно разсмотримъ то положеніе, которое приняло по этому вопросу Римское право.

Въ этомъ отношеніи я различаю три ступени развитія Римскаго права: періодъ древне Римскаго права, когда стойкость правоваго чувства не достигла еще полнаго развитія и самообладанія; періодъ полной силы правоваго чувства въ эпоху слѣдовавшую за древнею и, наконецъ, періодъ ослабленія и болѣзненности его во времена императорскія и въ особенности въ Юстиніановскомъ правѣ.

О состояніи, въ которомъ находилось правовое чувство на своей низшей ступени развитія, я писалъ ранѣе и теперь ограничусь краткимъ изложеніемъ результатовъ своихъ изслѣдованій. Раздражительное правовое чувсто древности видитъ во всякомъ нарушеніи, или непризнаніи права лица субъективную неправду, не принимая при томъ въ соображеніе невинность, или степень виновности противника, а потому одинаково требуетъ наказанія невинному, какъ и виновному. Кто отвергаетъ долгъ (nexum) или причиненные противнику убытки, уплачиваетъ въ видѣ наказанія вдвое; равнымъ образомъ, кто будучи владѣльцемъ вещи собралъ плоды ея, вознаграждаетъ по виндикаціонному процессу собственника вдвое, независимо отъ того, что проигрышъ дѣла возлагаетъ на него обязанность уплатить издержки процесса (sacramentum),—тому же наказанію подвергается истецъ, проигрывающій тяжбу, за то, что онъ простеръ свои притязанія на чужую вещь и даже если онъ сдѣлалъ ошибку не въ пользу отвѣтчика при исчисленіи суммы своего иска—онъ лишался всего своего права.

Многія изъ этихъ установленій и положеній древняго права перешли въ позднѣйшее, но самостоятельныя, новыя произведенія послѣдняго носятъ въ себѣ другой духъ и выражаются, главнымъ образомъ, въ установленіи и примѣненіи масштаба наказуемости ко всякому нарушенію частнаго пра-

ва. Объективная неправда рѣзко отдѣляется отъ субъективной; первая имѣетъ слѣдствіемъ простую реституцію предмета, а вторая—кромѣ того влечетъ за собою наказаніе, состоящее въ пенѣ, или лишеніи чести и въ этой постановкѣ наказанія въ истинные предѣлы заключается лучшая сторона второй эпохи Римскаго права. Для здраваго правоваго чувства Римлянъ было не мыслимымъ, чтобы поклажепринимать, запирающійся въ принятіи поклажи, или удерживающій ее, чтобы мандатарій, или опекунъ, злоупотребившіе довѣріемъ, или вѣроломно нарушающіе свои обязанности, могли бы отдѣлаться простымъ возвращеніемъ вещи или возмѣщеніемъ убытковъ. Правовое чувство требовало себѣ удовлетворенія, а въ обезпеченіе отъ повторенія подобныхъ поступковъ—мѣры устрашительной, и законъ удовлетворялъ такому требованію, наказывая нарушеніе довѣрія безчестіемъ. Но законъ примѣняетъ гораздо чаще имущественныя наказанія. Для того, кто будучи неправымъ, доводилъ дѣло до процесса, или же самъ начиналъ его, былъ заготовленъ полный арсеналъ подобныхъ устрашительныхъ средствъ. Пени начинались съ части стоимости спорнаго объекта $^1/_{11}$, $^1/_5$, $^1/_3$, $^1/_2$, восходили до нѣсколькихъ стоимостей его, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, когда нельзя было иначе покорить упрямства противника, уходили въ безграничное, т. е. простирались до той суммы, которую истецъ подъ присягою признавалъ достаточною для своего удовлетворенія. Въ особенности замѣчательны двѣ процессуальныя формы, имѣвшія цѣлью поставить отвѣтчика въ такое положеніе, при которомъ онъ отказывался-бы отъ своихъ притязаній безъ дальнѣйшихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій, или же, если онъ поддерживая ихъ, подвергался опасности быть признаннымъ виновнымъ въ умышленномъ нарушеніи закона со всѣми послѣдствіями такого поступка. Формы эти—прогибиторные интердикты претора и actiones arbitrariae. Онѣ вынуждали отвѣтчика, настаивающаго на своемъ сопротивленіи, или притязаніи доказать послѣднія власти передъ истцемъ и здѣсь дѣло шло уже не о правѣ истца, а о самомъ законѣ и авторитетѣ его представителей.

Въ чемъ же цѣль всѣхъ этихъ наказаній? Она въ томъ же, въ чемъ и цѣль наказанія уголовнаго. Съ одной стороны она чисто практическая—обезпечить интересы частнаго права противъ такихъ нарушеній, которыя не входятъ въ понятіе проступка, съ другой же стороны цѣль эта этическая—дать удовлетвореніе правовому чувству нетолько непосредственно оскорбленнаго и всѣхъ лицъ, узнавшихъ объ извѣстномъ случаѣ и заставить снова уважать авторитетъ закона. Такимъ образомъ деньги сами по себѣ не цѣль, а лишь средство къ достиженію цѣли.

По моему мнѣнію только это воззрѣніе на дѣло, встрѣчающееся въ средне-римскомъ правѣ, по истинѣ достойноства подражанія. Одинаково отдаленное отъ крайностей древне римскаго права, ставившаго объективную неправду наряду съ субъективной и отъ крайности противоположной, явившейся въ наше время, которая сравняла субъективное право съ объективнымъ, воззрѣніе это даетъ полное удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ правоваго чувства и не только рѣзко отдѣляетъ одно отъ другаго оба рода неправды, но съ тончайшимъ пониманіемъ указываетъ въ средѣ субъективнаго права всѣ оттѣнки его, относящіеся къ формѣ, роду и значенію правонарушеній.

Обращаясь теперь къ послѣдней ступени развитія Римскаго права, какъ оно отразилось въ Юстиніановской коммуникаціи, я не могу не замѣтить, что право наслѣдованія, имѣетъ огромное значеніе какъ для частнаго лица, такъ и для всего народа. Чѣмъ оказалось бы тогдашнее право, если бы оно само должно было создать этотъ институтъ! Но подобно тому, какъ наслѣдникъ, который своими силами едвали обезпечилъ бы себѣ существованіе въ нуждѣ, живетъ богатствами своего наслѣдодателя, такъ точно слабое, отживающее поколѣніе долго питается умственнымъ капиталомъ предшествующаго, полнаго силы времени. Кто подумалъ бы, что здравое Римское правовое чувство можетъ еще долго сохранять свою силу подъ энервирующимъ давленіемъ позднѣйшаго деспотизма, а грядущее поколѣніе—пониманіе идеальной мысли, доступной истинному правовому чувству,

подъ которымъ я разумѣю безкорыстную любовь къ праву, безъ разсчетовъ на его матеріальную стоимость? Чтобы ощущать эту идеальную стоимость права, должно сознавать собственное достоинство и какимъ образомъ оказался способнымъ на это народъ, бывшій цѣлыя столѣтія игрушкою деспотическаго произвола? Исключительно наслѣдственному переходу обязаны мы спасеніемъ и перенесеніемъ въ наше право множества положеній, въ которыхъ сохранилось истинно Римское чувство. Но рядомъ съ тѣмъ, что осталось въ силѣ, также погибло многое; такъ напримѣръ отмѣнены строжайшія изъ древнихъ процессуальныхъ наказаній. Спасительная строгость древняго времени не нравилась женственной распущенности позднѣйшаго времени и характеристическій признакъ его, обнаруживается въ стремленіи улучшить положеніе должника на счетъ вѣрителя. Можно, я полагаю, высказать въ формѣ общаго замѣчанія, что проявленіе симпатіи къ должнику есть признакъ слабаго поколѣнія, которое называетъ такое потворство гуманностью. Сильное поколѣніе заботится прежде всего о томъ, чтобы вѣритель добился своего права, хотя бы это должно было погубить должника. Привиллегированная ипотека, предоставленная Юстиніаномъ замужней женщинѣ исходила изъ тѣхъ гуманныхъ чувствъ его сердца, надъ всякимъ новымъ проявленіемъ которыхъ онъ не могъ не остановиться въ высшей степени удивленный и обрадованный; но гуманность принимается различно и Св. Криспинъ, кравшій кожу у богатыхъ, чтобы сдѣлать изъ нея сапоги для бѣдныхъ, считалъ себя тоже гуманнымъ.

Я почти сожалѣю, что упомянулъ о современномъ Римскомъ правѣ, потому что теперь поставленъ въ необходимость произнести надъ нимъ приговоръ, не представляя для него тѣхъ основаній, которыя, какъ я хотѣлъ бы, могли подтвердить его. Тѣмъ не менѣе я не остановлюсь предъ этимъ приговоромъ и постараюсь сдѣлать это въ немногихъ словахъ. Я приписываю значенію исторіи и примѣненію новѣйшаго Римскаго права образовавшійся въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ вынужденный перевѣсъ науки надъ фактора-

ми, опредѣляющими ростъ и развитіе права; т. е. надъ народнымъ правовымъ чувствомъ, практикою и законодательствомъ. Это чужое право, введенное учеными на чуждомъ народу языкѣ и только имъ совершенно доступное, подвергнутое послѣдствіямъ противоположностей и измѣненій двухъ совершенно различныхъ, и часто взаимно уничтожающихся интересовъ—(я говорю о непосредственномъ историческомъ сознаніи и практическомъ приспособленіи и развитіи права). Ему соотвѣтствуетъ практика, не имѣющая достаточной силы для того, чтобы умственно обнять представляющуюся ей матерію, и обреченная потому на продолжительную зависимость отъ теоріи, т. е. на незрѣлость и партикуляризмъ судоговоренія и законодательства, господствующій надъ слабыми и мало развитыми стремленіями къ централизаціи. Слѣдуетъ ли удивляться тому, что между народнымъ правовымъ чувствомъ и такимъ правомъ существуетъ открытая вражда и что народъ не понимаетъ своего права, а право—своего народа? Положенія и установленія, бывшія понятными въ Римѣ, благодаря тогдашнимъ отношеніямъ и обычаямъ, превращаются при совершенномъ отсутствіи условій своего возникновенія въ непримѣнимыя къ намъ и потому никогда, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ, ни одинъ процессъ не могъ на столько поколебать довѣріе народа къ праву какъ Римскій. Что скажетъ здравый разсудокъ не юриста, представляющаго судьѣ росписку въ которой противникъ говоритъ, что долженъ ему 100 гульденовъ, когда судья не признаетъ ее, потому что она cautio indirecta, или когда за роспискою, признающаго заемъ основаніемъ долга, до истеченія двухъ лѣтъ не признана будетъ доказательная сила?

Я не хочу говорить о частностяхъ—имъ не было бы конца. Ограничусь указаніемъ на два заблужденія нашей общеправовой юстиціи, имѣющія принципіальный характеръ и заключающія въ себѣ дѣйствительную несправедливость. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что нашей современной юриспруденціи совершенно чужда та простая мысль, что при правонарушеніи дѣло идетъ не исключительно о денежной стоимости, но и объ удовлетвореніи оскорбленнаго право-

ваго чувства. Ея масштабъ—денежный интересъ—принадлежитъ матеріализму. Мнѣ говорили, помнится, объ одномъ судьѣ, который самъ предлагалъ уплатить истцу его незначительное требованіе и былъ весьма удивленъ, получивши отказъ съ его стороны. Ученый судья не могъ усвоить себѣ того, что хорошо знаетъ всякій крестьянинъ, что право есть нѣчто различное отъ предмета своего и мы не ставимъ ему этого въ вину—онъ могъ сложить вину съ себя на науку. Денежныя пени, дававшія римскому судьѣ, умѣвшему ими пользоваться, лучшее средство къ удовлетворенію оскорбленнаго правоваго чувства, подъ вліяніемъ современной теоріи доказательствъ, превратились въ печальную необходимость, въ подать, взимаемую юстиціею съ неправды. Истецъ обязанъ доказать свой денежный интересъ до послѣдней копѣйки и защита права не существуетъ безъ нарушенія денежнаго интереса! Собственникъ лишаетъ нанимателя сада, которымъ послѣдній по контракту можетъ пользоваться совмѣстно съ первымъ; какую стоимость имѣетъ право гулять по саду? Или, до того времени, какъ наниматель занялъ квартиру, собственникъ отдаетъ ее другому и первый наемщикъ долженъ въ теченіи полугода довольствоваться самымъ жалкимъ помѣщеніемъ. Наставникъ, согласившійся преподавать въ частномъ заведеніи, находитъ болѣе выгодное мѣсто и нарушаетъ первый контрактъ, а другаго найти невозможно — пусть кто либо возмется вывести количество убытковъ, происшедшихъ отъ того, что ученики въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, или мѣсяцевъ не пользовались уроками французскаго языка, или рисованія. Слуга безъ всякой причины оставляетъ мѣсто и ставитъ своихъ нанимателей въ величайшее затрудненіе, ибо въ мѣстѣ жительства ихъ нѣтъ возможности замѣнить его;—пусть опредѣлятъ денежную стоимость такой непріятности. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ по обще-римскому праву мы остаемся совершенно безпомощными—это вопіющее безправіе. Темная сторона дѣла не въ томъ, что мы подвергаемся всякаго рода вреду, а въ томъ, что истинныя права обманно попираются ногами и нѣтъ защиты противъ этого.

Съ этою нечувствительностью нашей юриспруденціи къ идеальной сторонѣ правонарушенія находится въ связи изчезновеніе тѣхъ наказаній, въ которыхъ оскорбленное правовое чувство и законъ находили себѣ удовлетвореніе въ Римскомъ правѣ. Безчестіе не постигаетъ у насъ вѣроломнаго поклажепринимателя, или мандатарія и всличайшія мошенничества, которыхъ искусно избѣгаетъ уголовное право, остаются безнаказанными. Денежныя наказанія и наказанія обмана фигурируютъ еще въ учебникахъ, но онѣ въ большинствѣ случаевъ совершенно исчезли изъ практики. Что же это значитъ? Ничто иное какъ то, что у насъ субъективная неправда потеряла въ пользу объективной свою классификацію и приравнена къ послѣдней. Между должникомъ, отрицающимъ заемъ недобросовѣстно и его наслѣдникомъ, дѣлающимъ тоже bona fide, между мандатаріемъ обманувшимъ меня, и впавшимъ въ ошибку словомъ, между преднамѣреннымъ и обманнымъ правонарушеніемъ и незнаніемъ и ошибкою наше право не признаетъ различія—право всюду признается только за деньгами.

Но какже признавать право за деньгами? Это приводитъ меня ко второму изъ заблужденій, къ нашей современной теоріи доказательствъ. Можно думать, что она изобрѣтена только для уничтоженія права. Если бы всѣ должники рѣшились обмануть своихъ кредиторовъ, имъ нельзя было бы пожелать лучшаго средства, какъ то, которое предлагала имъ наша юриспруденція.

Ни одинъ математикъ не придумаетъ болѣе точнаго метода доказательствъ, чѣмъ примѣняемый нашею практикою. Высшей точки нелѣпости достигаетъ она въ искахъ объ убыткахъ и процентахъ и можно смѣло утверждать, что имѣющій поверхностное понятіе о томъ, что онъ долженъ доказать, въ отчаяніи откажется отъ предъявленія иска. Поражающія безобразія, которыя здѣсь подъ личиною права, учиняются надъ самымъ правомъ, и благодѣтельный контрастъ представляемый въ этомъ отношеніи французскимъ правомъ, на столько ясно указаны во многихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ,

что я не могу ничего прибавить къ содержащемуся въ нихъ, но не могу не сказать—горе истцу и привольно отвѣтчику!

Резюмируя все сказанное мною до сихъ поръ, я могъ бы утверждать что послѣднія слова суть лозунгъ и тенденція нашей современной юриспруденціи. Она много прошла по дорогѣ, указанной ей Юстиніаномъ; не вѣритель, а должникъ привлекаетъ къ себѣ ея симпатіи и она думаетъ, что лучше сдѣлать сто разъ вопіющую неправду въ отношеніи къ вѣрителямъ, нежели разъ обойтись, можетъ быть, слишкомъ строго съ должникомъ.

Непосвященный едвали повѣритъ, что это пристрастное безправіе, которымъ мы обязаны теоріи цивилистовъ и процессуалистовъ, способно было къ дальнѣйшему развитію; тѣмъ не менѣе оно во многомъ увеличилось ошибкою прежнихъ криминалистовъ, которую можно назвать покушеніемъ на идею права и тягчайшимъ нарушеніемъ правоваго чувства, но тѣмъ не менѣе введеннаго въ область права. Я говорю объ ограниченіи права необходимой обороны, того, какъ выражается Цицеронъ, прирожденнаго права человѣка составляющаго законъ самой природы, о которомъ Римляне по своей наивности думали, что оно должно входить въ составъ всѣхъ правъ. (Vim vi repellere omnes leges omniaquae jure permittunt). Прошлое и даже наше столѣтіе убѣдили бы ихъ въ обратномъ. Въ принципѣ ученые доктора признаютъ это право, но одушевленные одинаковою симпатіею къ правонарушителю, какая констатирована въ цивилистахъ и процессуалистахъ къ должнику, они всячески стараются ограничить и урѣзать примѣненіе этого института, что во многихъ случаяхъ ограждаетъ правонарушителя и оставляетъ предметъ нападенія безъ защиты. Что за бѣздна въ непризнаніи человѣческаго достоинства и безчеловѣчности, поразительнаго искаженія и притупленія непосредственнаго, здороваго правоваго чувства открывается занимающемуся литтературою этого ученія—можно подумать, что находишься въ обществѣ умственныхъ скопцовъ!

Человѣкъ, которому грозитъ опасность, или оскорбленіе чести долженъ отступать и бѣжать, слѣдовательно, задача

права очищать дорогу неправдѣ; мудрецы не сходились только въ вопросѣ о томъ, должны ли были поступать также офицеры, благородные и высшіе государственные чины; что же касается солдата, который слѣдуя ихъ инструкціямъ два раза ретировался, а при третьемъ нападеніи своего противника началъ защищаться, и убилъ его, то онъ былъ пригориваемъ ими съ цѣлью преподанія ему благодѣтельнаго наставленія и устрашительнаго примѣра другимъ къ смерти.

Людямъ высокаго положенія, или рожденія, а также офицерамъ разрѣшается пользоваться правильною необходимою обороною для защиты своей чести, но прибавляетъ къ этому другой писатель, вынужденные къ оборонѣ словеснымъ оскорбленіемъ, они не имѣютъ права убивать противника. Инымъ лицамъ нельзя было простить того, что сходило съ рукъ государственнымъ чиновникамъ, чины же юстиціи, какъ люди закона съ своими притязаніями обязаны были обращаться къ суду и за тѣмъ не имѣть никакихъ претензій.„ Всего хуже приходилось купцамъ. Купцы, даже самые богатые „не составляютъ изъ этого исключенія—говорили ученые—имѣютъ честь, пока имѣютъ деньги и честь ихъ заключается въ кредитѣ; они легко и безъ опасенія утратятъ честь и доброе имя, могутъ переносить ругательства, а если принадлежатъ къ низшему классу—то и легкую пощечину и щелчки въ носъ.“ Если же оскорбленный былъ крестьянинъ, или еврей, то за нарушеніе изложенныхъ правилъ, онъ подвергался наказаніямъ, установленнымъ за недозволенную необходимую оборону, тогда какъ другія лица въ тѣхъ же случаяхъ подвергались „по возможности легкимъ“ наказаніямъ.

Въ особенности поучителенъ способъ, которымъ старались исключить необходимую оборону при защитѣ собственности. Собственность, думали нѣкоторые, точно также какъ и честь, не есть благо невозвратимое; первая возстановлялась черезъ *reivindicatio* а вторая—черезъ actio injuriarum. Но какъ поступать, если разбойникъ съ покраденнымъ скрылся въ горы и неизвѣстно, кто онъ и куда дѣлся? Въ

этихъ случаяхъ также рекомендуется ревиндикація, ибо только вслѣдствіе случайныхъ, независящихъ отъ сущности имущественныхъ правъ обстоятельствъ, въ единичныхъ случаяхъ искъ не достигаетъ своей цѣли. Этимъ разсужденіемъ долженъ былъ утѣшиться тотъ, который, имѣя при себѣ все свое достояніе въ цѣнныхъ бумагахъ, былъ принужденъ выдать его безъ сопротивленія, за нимъ остается собственность и ревиндикація, а разбойникъ имѣетъ лишь фактическое владѣніе. Нѣкоторые разрѣшали употребленіе силы, когда дѣло шло о весьма значительной цѣнности, но само собою разумѣется, что оборонящійся, не смотря на завладѣвшій имъ аффектъ, долженъ былъ очень точно разсчитывать количество силы, необходимой для отраженія нападенія;—если обороняющійся разбивалъ безъ нужды нападающему черепъ, когда человѣкъ болѣе опытный и знающій прочность черепа своего врага, обезопасилъ бы себя менѣе тяжкимъ ударомъ—то онъ, конечно, отвѣчалъ за это. Напротивъ того, когда дѣло касается менѣе цѣнныхъ предметовъ, напр. золотыхъ часовъ, или кошелька съ нѣсколькими сотнями гульденовъ, обороняющійся не долженъ былъ причинять вреда своему противнику. Ибо въ самомъ дѣлѣ, можно ли сравнивать часы съ жизнью, или поврежденными членами? Первые совершенно замѣнимы, вторые же—ни въ какомъ случаѣ. Истина неоспоримая, но которою не принимаются во вниманіе два обстоятельства: первое, что часы принадлежатъ мнѣ, а тѣло вору и второе, что послѣднее, имѣя для него весьма важное значеніе, не имѣетъ его даже въ малѣйшей степени для меня и въ отношеніи замѣнимости моихъ часовъ я также могу спросить—кто же мнѣ ихъ замѣнитъ?

Но довольно объ ученыхъ глупостяхъ и сумасбродствахъ. Какой ужасный позоръ, если мы подвергнемъ сомнѣнію такую простую истину, неразлучную со здравымъ правовымъ чувствомъ, что во всякомъ правѣ лица—хотя бы оно состояло въ обладаніи часами—подвергаемомъ сомнѣнію, ставится вопросъ о существованіи самаго лица и всего права вообще и неужели наука унизится до того, что даетъ пред-

почтеніе неправдѣ передъ правомъ и провозгласитъ трусость правовою обязанностью! Можно ли удивляться тому, что при господствѣ такихъ воззрѣній въ наукѣ, духъ трусости и апатическаго перенесенія неправды отражается на судьбѣ народа? Благо намъ, которые пережили это, что времена перемѣнились;—такія воззрѣнія стали теперь невозможными и годятся только для народа отжившаго въ политическомъ и правовомъ значеніи.

Излагая здѣсь теорію трусости и обязанности жертвовать угрожаемымъ правомъ, я намѣренно коснулся выдающейся научной нелѣпости, противодѣйствующей мужественной борьбѣ за право. Не такъ низко какъ она, но все таки гораздо ниже уровня здраваго правоваго чувства, стоитъ воззрѣніе одного изъ новѣйшихъ философовъ, Гербарта, на коренное основаніе права. Онъ видитъ это основаніе—иначе я не могу выразиться,—въ эстетическомъ мотивѣ—въ отвращеніи къ спору. Здѣсь не мѣсто доказывать совершенную несостоятельность этого воззрѣнія, тѣмъ болѣе, что я къ счастію могу въ этомъ отношеніи сослаться на присутствующаго друга (Glaser. Gesammelte Kleinere Schriften über Strafrecht, Civil und Strafprocess). Если бы эстетическая точка зрѣнія была бы преобладающею при оцѣнкѣ права, я не знаю, не усмотрѣлъ ли бы я этой эстетической красоты права не въ томъ, что оно исключаетъ борьбу, но въ томъ, что оно заключаетъ ее въ себѣ и потому, я принимаю на себя смѣлость, объявить себя въ противоположность заключенію Гербарта объ отвращеніи къ борьбѣ, сторонникамъ другаго взгляда—я стою за привлекательность борьбы. Конечно, я подразумѣваю здѣсь не брань и ссору изъ за пустяка; я говорю о той возвышающей борьбѣ, въ которой принимаетъ участіе лице, напрягая всѣ свои силы, чтобы отстоять право свое или народное. Кто не раздѣляетъ этого чувства для того несуществуетъ вся наша литтература и искусство, начиная отъ Иліады Гомера и греческой пластики до нашего времени включительно. Эстетика и этика есть почва права; послѣдняя же, далекая отъ мысли отвергать борьбу за право, возвышаетъ ее до обязанности. Эле-

ментъ борьбы, который Гербартъ хочетъ выгородить изъ понятія о правѣ, есть его прирожденное, всегда присущее свойство; борьба есть работа права, которое должно обезпечить и утвердить наслажденіе, а потому рядомъ съ положеніемъ въ потѣ лица должно добывать хлѣбъ свой стоитъ другое, одинаково справедливое—борьбою должно добывать свое право. Съ того момента, какъ право утрачиваетъ готовность къ борьбѣ, оно само уничтожается. Заканчиваю словами поэта:

Das ist der Weisheit lezter Schluss;
Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben
Der täglich sie erobern muss.

Вотъ послѣдній выводъ мудрости: лишь тотъ достоинъ жизни и свободы, кто ежедневно завоевываетъ ихъ себѣ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

О РАЗРАБОТКѢ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ЗАНЯТІЙ ПРЕДСТОЯЩАГО СЪѢЗДА РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

Подъ этою рубрикою, мы намѣрены сообщать нашимъ читателямъ наиболѣе важныя свѣдѣнія о ходѣ предварительныхъ работъ, состоящей при Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, коммиссіи устройства съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.

Мы не станемъ здѣсь повторять тѣхъ первоначальныхъ распоряженій Московскаго Юридическаго Общества, вслѣдствіе которыхъ послѣдовало разрѣшеніе правительства объ устройствѣ, сначала въ видѣ опыта, только одного съѣзда; равнымъ образомъ, мы считаемъ излишнимъ излагать здѣсь принятыя Юридическимъ Обществомъ мѣры относительно извѣщенія русскихъ юристовъ о предстоящемъ съѣздѣ и приглашенія ихъ принять участіе въ его дѣлахъ, такъ какъ съ означенными подробностями можно достаточно ознакомиться: 1) изъ напечатанной въ январской книж. Юрид. Вѣст. за 1873 г. статьи В. И. Кохнова о съѣздахъ германскихъ юристовъ; 2) изъ публикаціи Юрид. Общества, а также изъ отчета за 1873 г. помѣщенныхъ въ началѣ настоящей книжки.

Затѣмъ коммиссія устройства съѣзда русскихъ юристовъ, принявъ въ соображеніе замедленіе, происшедшее въ публикаціяхъ, а также въ отправленіи пригласительныхъ писемъ, 14 сего апрѣля, постановила: назначенный Юридическимъ Обществомъ срокъ, 1 мая 1874 года, на представленіе русскими юристами заявленій принять участіе въ дѣлахъ съѣзда и мотивированныхъ предложеній, продолжить до 1 сентября 1874 г.

По настоящее время еще весьма мало поступило въ коммиссію заявленій русскихъ юристовъ о желаніи быть членами предстоящаго съѣзда. Это впрочемъ объясняется недавнимъ отпра-

вленіемъ пригласительныхъ писемъ. Мотивированныя предложенія поступили и приняты Юрид. Обществомъ и коммиссіею для включенія оныхъ въ программу занятій: 1) отъ предсѣдателя и почетнаго члена Юридическаго Общества В. Н. Лешкова и 2) отъ почетнаго члена Общества С. И. Баршева, которыя и помѣщаемъ на страницахъ Юрид. Вѣстника, въ увѣренности, что за ними станутъ стекаться въ коммиссію и предложенія другихъ русскихъ юристовъ. Кажется, что нѣтъ надобности въ доказательствахъ пользы предварительнаго ознакомленія русскаго общества съ содержаніемъ, поступающихъ на обсужденіе предстоящаго съѣзда юристовъ, *предложеній*. Ред.

1) О правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго.

Идея права въ человѣческой жизни то же, что законъ тяготѣнія во внѣшней природѣ, и нѣтъ въ быту человѣка ни дѣйствія, ни движенія въ дѣйствительной жизни, которыя бы не опредѣлялись правомъ, или не подлежали бы опредѣленію.—Мы привыкли ограничивать сферу права системами гражданскаго, уголовнаго, да государственнаго права, не замѣчая, что такимъ образомъ оставляемъ безъ юридическихъ опредѣленій весьма большую часть дѣйствій и положеній или отношеній, напр. въ церкви, въ земствѣ, въ городахъ, селахъ, въ дѣятельности промышленной, въ сферѣ учебной и т. д.

Странно толковать о правѣ войны, или мирныхъ сношеній между народами и государствами, по поводу споровъ о промышленности, или торговли, не допуская внутри отдѣльныхъ государствъ права торговли и промышленности.

Имущественное право основано на исключительности и родитъ необходимо неравенство,—начала, на которыхъ остановиться человѣкъ не можетъ, на которыхъ онъ не останавливается, которыя онъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, смягчаетъ, или замѣняетъ общественностію, да исправляетъ, или дополняетъ трудомъ и дѣятельностію.

Дѣятельность человѣка имѣетъ творческую силу, для успѣха которой имущество служитъ только первымъ условіемъ. А дѣятельность требуетъ соединенія, и притомъ свободнаго, со времени эмансипаціи рабовъ, при чемъ не столько важна собственность, сколько владѣніе, и даже не столько владѣніе, сколько

фактическое detentio, и даже не самое удержаніе, а право на него по силѣ кредита.

Въ дѣятельности, работа и трудъ,—промыслы и промышленность,—работа и капиталъ, равно какъ отношенія капиталистовъ, какъ между собою, такъ и къ обществу составляютъ элементы для системы и вопросы для особаго права, котораго нельзя втиснуть въ систему имущественнаго права. Тутъ особыя основанія для права—обычаи,—особый смыслъ договоровъ, преимущественно найма и займа,—особый судъ, съ особымъ производствомъ.

Гражданское право—юридическая азбука; право промышленности, или торговое—склады и частію грамматика юриспруденціи.

2) О тюремномъ дѣлѣ, какъ составной части права общественнаго, а не уголовнаго.

Произнесеніе приговора есть послѣдній актъ уголовнаго суда и окончательное дѣйствіе уголовной юстиціи, или уголовнаго права. Обвиненный внѣ суда, какъ бы, внѣ общихъ законовъ; но онъ въ обществѣ, и носитъ отнынѣ званіе несчастнаго, безпомощнаго, какъ и въ самомъ дѣлѣ. Лишенный свободы, онъ лишенъ всего; находясь въ тюрьмѣ, онъ принадлежитъ ей, а не себѣ, какъ всякій безпомощный, малолѣтній, больной, увѣчный. За него, на него и для него дѣйствуетъ общество, при посредствѣ тюрьмы, и ея устройства.

Судья, присудивъ обвиненнаго къ лишенію свободы, осуществилъ законъ причинности, по которому совершившій извѣстное дѣяніе подлежитъ извѣстному послѣдствію, подобно тому, какъ упавшій долженъ почуять боль отъ паденія. Другой цѣли наказаніе имѣть не должно, если оно вполнѣ справедливое.

Содержаніе въ тюрьмѣ можетъ имѣть различныя цѣли, и достигать ихъ болѣе, или менѣе, въ одномъ мѣстѣ, въ одно время такъ, и въ другомъ мѣстѣ, въ другое время иначе. И можетъ случиться, что при одинаковости уголовныхъ законовъ и судовъ въ двухъ различныхъ странахъ, тюрьмы весьма различно въ нихъ устроены и даютъ различные результаты.

Дѣло тюремъ — дѣло общества, — его развитія, цивилизаціи убѣжденій, усилій, жертвъ. Въ исторіи тюремъ главнымъ дѣятелемъ было и есть общество, по началу призрѣнія безпомощныхъ, входящему въ систему общественнаго права, конечно, уголовной юстиціи не въ противность, а съ соблюденіемъ ея началъ.

3) О предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, какъ ученіи и учрежденіи, принадлежащихъ исключительно къ области уголовнаго права.

Предупрежденіе, пресѣченіе—общія выраженія, съ различнымъ значеніемъ, смотря по различію предмета. Различно предупреждаются и пресѣкаются пожаръ, наводненіе, болѣзни, голода, вообще несчастія грозящія со стороны внѣшней природы, въ сравненіи съ преступленіями, проступками, или порочными и не религіозными проявленіями человѣческой воли. Въ послѣднемъ случаѣ, мало одного благоразумія, или предусмотрительности, а нужно еще уваженіе къ чужой свободѣ, вообще вниманіе къ праву.

Для предупрежденія и пресѣченія преступленій необходимо знакомство съ уголовными законами, установляющими значеніе преступленій, и всякій агентъ, употребляемый для предупрежденія преступленій, долженъ состоять подъ вѣдѣніемъ суда,—долженъ имѣть въ виду судъ,—долженъ самъ имѣть опредѣленныя правила для дѣйствія, и въ этомъ отношеніи долженъ подчиняться инструкціямъ и отчетности предъ судомъ.

Нашъ законъ, спеціально говорящій о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, опредѣляетъ: а) лица, уполномоченныя къ этой дѣятельности,—б) лица, подлежащія мѣрамъ предупрежденія,—и в) самыя дѣйствія, вызывающія предупрежденіе, стало быть, содержитъ въ себѣ положительное требованіе—относить мѣры предупрежденія преступленій къ учрежденіямъ уголовной юстиціи, для которой предупрежденіе составляетъ, какъ бы, вступленіе. Предупрежденное, или пресѣченное преступленіе составляетъ собственно покушеніе, приготовленіе и т. п. начальные моменты преступленія.

Исключенія изъ подобнаго правила также установляются уголовными законами.

В. Лешковъ.

Москва, 1873 г.
Декабря 17-го.

О

СУЩЕСТВѢ ВЛАСТИ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Судъ присяжныхъ есть судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Чтоже это означаетъ? То ли, что судъ присяжныхъ есть судъ чисто личный слѣдовательно произвольный, или и онъ долженъ происходить по законамъ и основываться на разумной оцѣнкѣ доказательствъ?

Во Франціи и самъ законъ воспрещаетъ присяжнымъ при исполненіи возложенной на нихъ обязанности, думать о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ и думая о нихъ принимать въ соображеніе тѣ послѣдствія, которыя могутъ имѣть для подсудимыхъ, на основаніи означенныхъ предписаній, ихъ приговоры. Въ ст. 342 наполеонова code d' instruction criminelle говорится:

Существенно необходимо не выпускать изъ виду, что все совѣщаніе присяжныхъ должно сосредоточиваться на обвинительномъ актѣ, на фактахъ изъ которыхъ онъ составляется и которые состоятъ съ нимъ въ связи; они поступаютъ вопреки своей главной обязанности, когда думая о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ, принимаютъ въ соображеніе послѣдствія, которыя на основаніи означенныхъ предписаній, могутъ имѣть для подсудимыхъ ихъ приговоры. Ихъ миссія ни преслѣдованіе, ни наказаніе преступленій; они приглашаются лишь для рѣшенія: виновенъ или не виновенъ подсудимый въ преступленіи, которое ему приписывается.

Въ силу этого закона французскіе присяжные облекаются ничѣмъ неограниченною властью; всемогущіе они не стѣсняются въ своей дѣятельности никакими предписаніями уголовныхъ законовъ и могутъ обвинять и оправдывать по своему усмотрѣнію. Но и о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ французскіе присяжные все-таки думаютъ; безъ этого они не могутъ рѣшить и вопроса о виновности; думая же о предписаніяхъ уголовныхъ законовъ, они не могутъ не принимать въ соображеніе и тѣ послѣдствія, которыя на основаніи означенныхъ предписаній, неизбѣжно должны послѣдовать за ихъ приговорами для подсудимыхъ, и когда находятъ, что они несоразмѣрно тяжелы, то пользуясь предоставленною имъ властью, оправдываютъ и уличенныхъ преступниковъ. Поступая такъ французскіе присяжные съ явнымъ нарушеніемъ даваемой ими присяги, присвоиваютъ себѣ вовсе непринадлежащее имъ право помилованія и вмѣсто того, чтобы добросовѣстнымъ выполненіемъ возложенной на нихъ закономъ и обществомъ обязанности посильно содѣйствовать къ огражденію общества отъ злодѣевъ, они своимъ преступнымъ потворствомъ имъ способствуютъ къ размноженію числа ихъ и вызываютъ тѣмъ строгое порицаніе противъ себя и со стороны своихъ доброжелателей. Пресловутое французское всемогущество присяжныхъ не служитъ такимъ образомъ во благо не только обществу, но и самимъ присяжнымъ. Французскіе присяжные впрочемъ уже и прежде, чѣмъ облечены были по закону всемогуществомъ, не затруднялись играть роль милователей. Наполеонъ I хотѣлъ отнять у нихъ поводъ къ тому и съ этою цѣлью подарилъ ихъ всемогуществомъ. Но онъ не принялъ во вниманіе, что отъ людей, которые мыслятъ и чувствуютъ, требовать, чтобы они, навлекая на подсудимыхъ своими приговорами извѣстныя вредныя послѣдствія, не думали о нихъ, значитъ требовать совершенно невозможнаго,—и законъ остается мертвою буквою.

Что дѣлается во Франціи вслѣдствіе злоупотребленія, то самое въ Германіи возводится даже въ принципъ.

Присяжные, учатъ многіе нѣмецкіе юристы, для того и сидятъ въ уголовныхъ судебныхъ мѣстахъ, чтобы производить судъ не по мертвой буквѣ часто уже отжившаго положительнаго закона, а по живому, постоянно развивающемуся въ народномъ сознаніи праву. Представители общественной совѣсти на судѣ присяжные должны быть разсматриваемы какъ есте-

ственные корректоры отжившихъ и дурныхъ законовъ. Призваніе высокое, но для того, чтобы выполнять его, необходимо имѣть полномочіе на то. Присяжные же ни отъ кого не получаютъ полномочія поправлять законы.

Судъ тогда только и есть дѣйствительно судъ, когда онъ производится по законамъ; по законамъ онъ производится судьями чиновниками; по законамъ же его должны производить и присяжные, и ни общество не можетъ уполномочивать ихъ направлять законы, ни законъ не даетъ имъ права на то. Не основанный на законахъ судъ неизбѣжно ниспадаетъ на степень личной расправы и не можетъ быть не только правымъ, но и равнымъ, для всѣхъ одинаковымъ судомъ. Личная расправа не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и всецѣло зависитъ отъ благоусмотрѣнія и даже отъ расположенія судей. Въ духѣ они, и жалуютъ и милуютъ и самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, напротивъ безпощадно осуждаютъ и самыхъ мелкихъ воришекъ, когда находятся въ дурномъ расположеніи. Для такихъ судей много значитъ и наружность подсудимыхъ, хорошія или дурныя манеры и даже и покрой платья,— и никто не можетъ напередъ знать чего ему можно ожидать отъ суда, когда придется предстать предъ него. Ни правый не можетъ полагаться на свою правоту, ни виновный слишкомъ опасаться своей вины, и ни жизнь, ни честь, ни свобода, ни имущество ни въ чемъ и ни въ комъ не находятъ нужной охраны; извращать такъ суды присяжные не могутъ и во имя общественной совѣсти.

Высоко цѣнятъ институтъ присяжныхъ, какъ юридическое учрежденіе, и англичане; но хотя они называютъ его судомъ per patriam, видятъ въ немъ однакоже лишь общую гражданскую повинность, которую несетъ всякій гражданинъ самъ за себя. Французское всемогущество присяжныхъ и нѣмецкій корректурный характеръ ихъ прямо противны всему строю общественной жизни англичанъ. Вслѣдствіе самаго широкаго развитія чувства законности во всѣхъ классахъ народа, въ Англіи уваженіе къ законамъ простирается можно сказать до педантизма. По сему въ этой странѣ никому и въ голову не можетъ придти, что судъ и въ особенности уголовный, можетъ происходить и не по законамъ, и что слѣдовательно судьи могутъ полновластно распоряжаться самыми важнѣйшими благами человѣка. Первоначально англійскіе присяжные не были даже судьями, а только

свидѣтелями и лишь впослѣдствіи возвысились на степень судей, но судей по закону. Такъ постоянно смотрятъ они и сами на себя и вслѣдствіе этого весьма многіе, которые предвидятъ, что имъ, по ихъ общественному положенію, придется быть присяжными, заранѣе стараются ближе ознакомиться съ законами не только посредствомъ частаго посѣщенія судебныхъ мѣстъ, но и изученія популярныхъ сочиненій о порядкѣ судопроизводства; когда же потомъ выполняютъ обязанности присяжныхъ, то безусловно преклоняются предъ законами и тогда, когда они представляются имъ слишкомъ жестокими и даже явно несправедливыми и если случается и противное, то это бываетъ чрезвычайно рѣдко и всегда вызываетъ строгое порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія. Постоянно напоминаютъ англійскимъ присяжнымъ и предсѣдательствующіе въ ассизахъ судьи, что они сидятъ въ судахъ не для того, чтобы сочинять законы, а чтобы общими съ ними силами отыскивать правильный приговоръ по закону.

Въ этой только скромной роли присутствіе присяжныхъ въ уголовныхъ судахъ и можетъ быть полезно. Присяжные, люди простые и не свѣдущіе въ законахъ, обыкновенно знакомятся съ ними по поводу одного или нѣсколькихъ случаевъ, слѣдовательно поверхностно, а мотивовъ законовъ они вовсе не знаютъ, не могутъ по этому и судить о томъ, хороши или дурны законы. Законы должны разъяснять судьи, а дѣло присяжныхъ, строго держась этихъ разъясненій, своимъ человѣчнымъ, лишеннымъ всякаго предубѣжденія взглядомъ на преступленія и преступниковъ, способствовать къ правильному примѣненію законовъ. Судьи обыкновенно смотрятъ на преступленія и преступниковъ только глазами закона и потому всегда болѣе или менѣе склонны примѣнять его во всей буквальной строгости, присяжные напротивъ принимаютъ при томъ въ соображеніе разныя житейскія отношенія, среди которыхъ преступники дѣйствуютъ и обстоятельства, при которыхъ преступленія совершаются и способствуютъ такимъ образомъ къ смягченію буквальной строгости закона. При такомъ совокупномъ и вполнѣ согласномъ дѣйствованіи судей и присяжныхъ закону воздается подобающая честь, и оказывается должное вниманіе къ требованіямъ жизни,—и дѣло правосудія совершается вполнѣ законно и гуманно. Такъ именно и совершается оно въ Англіи. Судьи обстоятельно объясняютъ присяжнымъ законы и вообще всѣ

юридическіе вопросы, недоступные для простаго пониманія присяжныхъ, а присяжные внимательно выслушиваютъ ихъ наставленія и добросовѣстно слѣдуютъ имъ. Судъ присяжныхъ и называется поэтому въ Англіи судомъ посредствомъ судьи и присяжныхъ.

Но если скажутъ: и присяжные должны производить судъ по законамъ и подчиняться имъ и тогда, когда они находятъ ихъ слишкомъ жестокими и даже явно несправедливыми, то не причиняется ли чрезъ то насиліе совѣсти и внутреннему убѣжденію присяжныхъ? Они знаютъ, что за ихъ приговорами должно послѣдовать несоразмѣрно жестокое по ихъ мнѣнію наказаніе и должны все таки обвинять и слѣдовательно принять и этотъ приговоръ на свою совѣсть.

Не легко, конечно, осудить человѣка, когда нѣтъ убѣжденія въ справедливости закона, по которому онъ долженъ быть наказанъ. Подобные случаи могутъ встрѣчаться не только тамъ, гдѣ дѣйствуютъ устарѣвшіе законы, но и тамъ гдѣ они соотвѣтствуютъ требованіямъ времени. Всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть вліяніе не только на смягченіе но и на уничтоженіе вины, никакой законодатель не въ состояніи предвидѣть, а слѣдовательно и опредѣлить. Страшную душевную муку, поэтому, приходится иногда выдерживать присяжнымъ при постановленіи приговоровъ, особенно если за ними должна послѣдовать смертная казнь, которая давно уже отвергается почти всѣми.

Но во-первыхъ исполненіе долга бываетъ тяжело и не для однихъ присяжныхъ, но за то чѣмъ труднѣе оно, тѣмъ важнѣе и заслуга. Долгъ былъ бы пустое слово, еслибы его можно было исполнять и не исполнять смотря потому тяжело ли это или легко. Присяжнымъ конечно легче обвинять, когда они убѣждены не только въ виновности подсудимыхъ, но и въ справедливости и соразмѣрности наказанія, которому долженъ будетъ подвергнуться подсудимый вслѣдствіе ихъ приговора на основаніи предписаній закона, но хотя и съ болью въ сердцѣ они должны обвинять и тогда, когда убѣждены только въ виновности, потому что это ихъ долгъ и что только это послѣднее убѣжденіе отъ нихъ и требуется. Законы же присяжные должны принимать такъ, какъ они есть, и если могутъ и на нихъ обращать вниманіе при постановленіи приговоровъ, то никакъ не для того, чтобы обвинять и оправдывать, смотря потому, находятъ ли они законныя предписанія справедливыми или несправедли-

выми, а лишь для того, чтобы тѣмъ серьезнѣе относиться къ дѣламъ и основательнѣе обсуживать ихъ, чѣмъ важнѣе тѣ вредныя послѣдствія, которымъ подсудимый вслѣдствіе ихъ приговора, долженъ будетъ подвергнуться на основаніи означенныхъ предписаній. Поступая иначе присяжные сами насилуютъ свою совѣсть и жертвуютъ своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ соображеніямъ, которыя должны быть совершенно чужды имъ. Ихъ миссія, какъ справедливо замѣтилъ Императоръ Наполеонъ I, не есть ни преслѣдованіе, ни наказаніе преступленій, а только рѣшеніе вопроса: виновенъ или не виновенъ подсудимый въ преступленіи, которое ему приписывается. Этотъ только вопросъ присяжные и должны рѣшать по совѣсти и внутреннему убѣжденію, чтоже затѣмъ послѣдуетъ, заботиться о томъ вовсе не ихъ дѣло.

Эта забота однакоже до такой степени естественна, что совершенно отрѣшиться отъ нее присяжные не могутъ. Посему, въ видахъ облегченія ихъ трудной обязанности, имъ предоставленъ вездѣ законный выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое они могутъ быть поставлены, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда и справедливый и не жестокій самъ въ себѣ законъ, оказывается несправедливымъ и жестокимъ по особеннымъ обстоятельствамъ даннаго случая. Они могутъ вопервыхъ понижать слѣдующее преступникамъ по закону наказаніе допущеніемъ существованія въ дѣлахъ смягчающихъ обстоятельствъ. Именно съ этою цѣлію и даровано было это право французскимъ присяжнымъ закономъ 1832 года и затѣмъ, при введеніи французскаго процесса въ другія государства, присвоено и всѣмъ другимъ присяжнымъ; чуждо оно только англійскимъ присяжнымъ. Предоставляя это право присяжнымъ французскій законодатель имѣлъ въ виду дать имъ возможность законнымъ путемъ облегчать участь подсудимыхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла они дѣйствительно заслуживаютъ того, но онъ дозволилъ имъ пользоваться этимъ правомъ, не указывая ни на какія обстоятельства, и также безотчетно присвоили это право и другія законодательства своимъ присяжнымъ. Вслѣдствіе этого всѣ присяжные отыскиваютъ и допускаютъ смягчающія обстоятельства и тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ и такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы только смягчать дѣйствіе жестокихъ и несправедливыхъ законовъ, дѣлаютъ ихъ вообще непримѣнимыми. Противозаконное пользованіе континентальными

присяжными предоставленнымъ имъ правомъ смягчающихъ обстоятельствъ и было причиною того, что когда и въ Англіи поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи этого права тамошнимъ присяжнымъ, имъ рѣшительно было отказано въ томъ. Англійскіе присяжные могутъ однакоже достигать того же самаго, ходатайствуя во-первыхъ о помилованіи подсудимыхъ, во-вторыхъ обвиняя ихъ въ меньшемъ преступленіи противъ обозначеннаго въ обвинительномъ актѣ и давая т. н. спеціальный приговоръ. Ходатайство присяжныхъ о помилованіи имѣетъ въ Англіи двоякое значеніе: во-первыхъ то же, что и допущеніе континентальными присяжными смягчающихъ обстоятельствъ, во-вторыхъ оно можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ и полное прощеніе преступниковъ, но и въ томъ и другомъ случаѣ судья имѣетъ право, когда находитъ нужнымъ, спрашивать присяжныхъ объ основаніяхъ ихъ ходатайства и въ случаѣ несостоятельности основаній отказывать въ немъ. Спеціальный же приговоръ англійскіе присяжные даютъ тогда, когда имѣютъ сомнѣніе относительно юридическаго свойства дѣла; тогда они удостовѣряютъ только факты, а опредѣленіе юридическаго свойства дѣйствія предоставляютъ судьямъ. Къ этому средству англійскіе присяжные прибѣгаютъ, впрочемъ весьма рѣдко. Поступая такъ, они уклоняются отъ своего настоящаго долга и строго порицаются за то. Но и о помилованіи англійскіе присяжные ходатайствуютъ не часто. Они имѣютъ полное довѣріе къ судьямъ, а судьи въ Англіи пользуются самыми широкими правами въ примѣненіи законовъ и всегда, когда того требуютъ особенныя обстоятельства, понижаютъ наказаніе до самыхъ крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего въ помилованіи и рѣдко оказывается нужда,—несмотря на то, что и англійскіе законы не отличаются особенною мягкостью. Но было бы и еще лучше, еслибы и законы были приспособлены не только къ требованіямъ времени, но и къ понятіямъ присяжныхъ. А въ другихъ европейскихъ государствахъ и судьи крайне стѣснены въ примѣненіи законовъ. Всякое зло тогда только уничтожается, когда оно подкапывается въ самомъ корнѣ; палліативныя же мѣры никогда не ведутъ ни къ чему и то добро, которое пріобрѣтается на счетъ подрыва должнаго уваженія къ законамъ, всегда покупается слишкомъ дорого. Сильно страдаетъ отсталостію и наше уголовное законодательство, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не предоставляетъ и судьямъ никакой свободы въ опредѣленіи наказа-

нія, а судебные уставы лишаютъ и присяжныхъ права ходатайствовать о помилованіи и предоставляютъ его судьямъ. Судьи не рѣшаютъ окончательно участь подсудимыхъ, не могутъ слѣдовательно имѣть такой настоятельной нужды въ ходатайствѣ о помилованіи какъ присяжные. До 1832 года и французскіе присяжные нерѣдко ходатайствовали о помилованіи подсудимыхъ, но съ этого времени они уже по большей части довольствуются только допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ. Въ Германіи напротивъ ходатайство это въ большемъ употребленіи.

Облекая присяжныхъ всемогуществомъ, французскій законодатель не требуетъ отъ нихъ, чтобы они основывали свой судъ и на разумной оцѣнкѣ доказательствъ, а довольствуется тѣмъ цѣлостнымъ впечатлѣніемъ, которое производятъ на ихъ разумъ доказательства всею совокупностію.

Законъ, говорится въ той же 342 ст. кодекса, не требуетъ у присяжныхъ отчета въ томъ какъ они дошли до убѣжденія; онъ не предписываетъ имъ и правилъ, именно отъ которыхъ они должны ставить въ зависимость полноту и достаточность доказательства; онъ предписываетъ имъ вопрошать себя вдали отъ шума и сосредоточившись въ самихъ себѣ отыскивать въ тайникѣ своей совѣсти, какое впечатлѣніе произвели на ихъ разумъ доказательства, приведенныя противъ подсудимаго и средства защиты. Законъ не говоритъ имъ: вы должны считать доказаннымъ всякій фактъ, засвидѣтельствованный такимъ то числомъ свидѣтелей; онъ не говоритъ и того: вы не должны признавать доказательство достаточно обоснованнымъ, когда не обформено такъ-то, не занесено въ такіе-то акты или не подтверждено такимъ-то числомъ свидѣтелей, или такими-то уликами, онъ предлагаетъ имъ одинъ вопросъ, который содержитъ въ себѣ всю сущность ихъ обязанности: имѣете-ли вы внутреннее убѣжденіе?

Французскіе писатели, даже и самые извѣстные, какъ напримѣръ Эли, толкуютъ и этотъ законъ такъ, что въ силу его тамошніе присяжные не связаны и доказательствами. Чтобы выполнять возложенную на нихъ обязанность, имъ достаточно, говорятъ, имѣть тактъ, слѣдовать инстинкту, руководиться чувствомъ; самую совѣсть Эли называетъ тактомъ, а другіе шестымъ чувствомъ. Согласно съ этимъ взглядомъ и пренія во французскихъ уголовныхъ судахъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться

на изложеніи и развитіи доказательствъ за и противъ подсудимаго, состоятъ главнымъ образомъ, въ изложеніи и разъясненіи такихъ обстоятельствъ, которыя хотя и не относятся къ дѣлу, но могутъ сильнѣе подѣйствовать на чувство присяжныхъ чѣмъ доказательства.

Французское безотчетное intime conviction усвоено и германскими законодательствами. Посему и тамъ пренія разсчитываются также главнымъ образомъ на то, чтобы подѣйствовать такъ или иначе на чувство присяжныхъ и произвести на нихъ то или другое впечатлѣніе.

Противъ такого пониманія института и направленія судебной практики весьма справедливо замѣчаетъ Портали съ: совѣсть нельзя разсматривать, какъ шестое чувство, которое руководится произвольными правилами; судьи и присяжные, всѣ тѣ которые судятъ, должны основывать свои рѣшенія на доказательствахъ, которыя убѣждаютъ ихъ разумъ, потому что и совѣсть можетъ говорить, когда просвѣщенъ разумъ. Еще яснѣе развиваетъ эту мысль Миттермайеръ, опровергая Эли. Эли разсуждаетъ такъ: человѣческой природѣ присуще стремленіе ко всему доброму и истинному, въ силу прирожденнаго ей закона и человѣкъ при этомъ слѣдуетъ голосу своей совѣсти, которая научаетъ его во всѣхъ обстоятельствахъ жизни распознавать доброе и худое свойство своихъ дѣйствій и служитъ самою надежной гарантіей и для юстиціи, когда и судья руководится при обнаруженіи истины нравственнымъ закономъ и прислушивается при томъ къ голосу совѣсти. Въ судьѣ, кромѣ того, укрѣпляетъ любовь къ истинѣ и чувство долга. Законъ можетъ подчинять доказательства извѣстнымъ правиламъ, опредѣлять извѣстныя условія ихъ силы, но только какъ руководящія, а не обязательныя начала. При безконечномъ разнообразіи человѣческихъ дѣйствій не возможно изслѣдованіе ихъ подчинить извѣстнымъ правиламъ. Никакой законъ не можетъ предписать, чтобы судья имѣлъ или не имѣлъ убѣжденія. Нравственное доказательство,—то впечатлѣніе, которое производитъ на совѣсть судей совокупность преній есть единственное основаніе юстиціи; внутреннее убѣжденіе должно руководить какъ судьями, такъ и присяжными. Противъ этого разсужденія Миттермайеръ замѣчаетъ: никто не будетъ отрицать того, что совѣсть научаетъ человѣка различать доброе и худое и даетъ ему силу укрѣпляться въ стремленіи къ добру. Прислушиваться къ голосу

совѣсти безспорно должны и судьи и присяжные, потому что въ ней они находятъ побужденіе къ добросовѣстному обсужденію дѣлъ и соотвѣтственному тому рѣшенію ихъ, какъ результату ихъ внутренняго убѣжденія и она же даетъ имъ силу противостоять тѣмъ многостороннимъ внутреннимъ и внѣшнимъ вліяніямъ, которыя могли бы заставить ихъ или небрежно и легкомысленно относиться къ своей обязанности или изъ опасенія невыгодныхъ послѣдствій для себя рѣшать дѣла согласно съ своими личными выгодами. Но судъ объ истинѣ фактовъ не есть дѣло инстинкта истины. Такой взглядъ неизбѣжно ставитъ судъ на почву чувства, которое обманчиво по самому свойству своему, всецѣло зависитъ отъ того или другаго впечатлѣнія и исключаетъ всякую возможность отчета въ томъ, какъ судящій доходитъ до приговора. Дѣло сужденія объ истинѣ фактовъ и о винѣ есть дѣло разума, который взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ доказательства на основаніи правилъ, какими руководствуется всякій здравомыслящій человѣкъ, когда ему нужно принять какое-либо серьезное рѣшеніе и въ чьихъ бы рукахъ ни находился судъ, въ рукахъ ли судей или присяжныхъ—имъ предстоитъ притомъ совершенно одинаковая духовная работа. Законодательство поэтому должно настойчиво внушать и присяжнымъ что и они, какъ судьи, должны давать такіе приговоры, которые суть продуктъ всесторонней оцѣнки доказательствъ, а прокуроры, защитники и президенты должны излагать и разъяснять присяжнымъ надлежащимъ образомъ основанныя на началахъ логическаго мышленія и аппробованныя продолжительнымъ опытомъ правила о доказательствахъ и такимъ образомъ предостерегать ихъ отъ увлеченій и ошибокъ. Приводя доказательства противъ и за подсудимыхъ, прокуроры и защитники должны и сами взвѣшивать и оцѣнивать ихъ на основаніи этихъ же правилъ. Наконецъ въ самой присягѣ, которую даютъ присяжные, должно быть сказано, что они обязуются судить по доказательствамъ и желательно, чтобы въ ней не содержалось никакихъ такихъ выраженій, изъ которыхъ бы можно было вывести заключеніе, что все зависитъ только отъ темнаго чувства или цѣлостнаго впечатлѣнія. Но и выше приведенная статья Наполеонова кодекса, кажется, толкуется Эли и другими, единомышленными съ нимъ писателями не совсѣмъ правильно. Она не требуетъ только чтобы присяжные подробно взвѣшивали и оцѣнивали доказательства, не предоставляетъ ихъ однакоже только

инстинкту, а велитъ имъ все-таки спрашивать себя: какое впечатлѣніе произвели доказательства на ихъ разумъ, вслѣдствіе чего и въ кодексѣ Наполеоновомъ содержатся нѣкоторыя, хотя и довольно краткія правила о доказательствахъ и предписывается разъяснять ихъ присяжнымъ и во время преній. А въ кодексѣ 3 брюмера IV года прямо высказано было слѣдующее: присяжные граждане, приглашаемые по поводу преступленія обсудить фактъ, приводимый противъ подозрѣваемаго или обвиняемаго и постановить рѣшеніе на основаніи представленныхъ доказательствъ и своего личнаго убѣжденія: существуетъ ли преступленіе и кто виновенъ въ немъ. Требуется слѣдовательно не убѣжденіе только, а и доказательство. Посему и статью 342 Наполеонова кодекса нѣкоторые французскіе же писатели объясняютъ такъ, что ею отмѣнена только законная теорія доказательствъ.

Въ Англіи такой законной теоріи доказательствъ, какая была измышлена преимущественно нѣмецкими юристами во время господства на континентѣ слѣдственнаго процесса не было никогда, тѣмъ не менѣе при постановленіи приговоровъ тамошніе присяжные постоянно держатся извѣстной теоріи ихъ. Теорія эта есть т. н. у нихъ законъ очевидности,—сборникъ образовавшихся путемъ продолжительной, вѣковой судебной практики правилъ о доказательствахъ, которыми опредѣляется частію то, что не можетъ быть доказательствомъ, частію же то, что и при какихъ условіяхъ можетъ быть доказательствомъ. Правила эти до такой степени уважаются въ Англіи, что ихъ строго держатся и обвинители и защитники при изложеніи и развитіи доказательствъ и подкрѣпленіи ими фактовъ и положеній; постоянно указываютъ на нихъ присяжнымъ и предсѣдательствующіе судьи, съ цѣлію предохранить ихъ отъ несправедливаго приговора. Присяжные же опредѣляя, на основаніи этихъ правилъ, силу приведенныхъ противъ и за подсудимаго доказательствъ обыкновенно поступаютъ такъ: сперва удостовѣряются въ томъ, дѣйствительно ли совершено дѣло, приписываемое подсудимому, и затѣмъ опредѣляютъ, имъ ли оно было совершено. Въ такомъ же порядкѣ происходятъ и пренія и какъ обвинители, такъ и защитники стараются также только о томъ, чтобы облегчить присяжнымъ правильное разрѣшеніе этихъ вопросовъ и съ этою цѣлію обращаютъ ихъ особенное вниманіе на важнѣйшія доказательства, которыя главнымъ обра-

зомъ должны быть приняты въ соображеніе при рѣшеніи вопроса о виновности и объясняютъ ихъ значеніе, на основаніи общепринятыхъ правилъ не только вообще но и въ примѣненіи къ данному случаю; и ни тѣ, ни другіе никогда не имѣютъ въ виду подѣйствовать на чувство присяжныхъ. Всегда говорится присяжнымъ только то, что существенно относится къ дѣлу и можетъ служить доказательствомъ во вредъ или въ пользу подсудимыхъ. Спокойствіемъ, краткостью и простотою отличаются англійскія пренія и составляютъ совершенный контрастъ съ французскими преніями. Между тѣмъ какъ англійскіе обвинители, защитники и даже президенты всегда говорятъ только дѣло, французскіе прокуроры, адвокаты и президенты по большей части, распространяются всего болѣе о постороннихъ предметахъ, о характерѣ подсудимыхъ, ихъ предшествующей жизни и только слегка касаются доказательствъ и ихъ рѣчи почти всегда отличаются страстностію, бываютъ крайне продолжительны, постоянно бьютъ на эффектъ. Каждый изъ ораторовъ старается отуманить, озадачить присяжныхъ и возбудить въ нихъ благопріятныя для себя чувствованія и страсти и нерѣдко и самое resumé президента вмѣсто того, чтобы служить руководствомъ для присяжныхъ, только еще болѣе сбиваетъ ихъ съ толку. Чѣмъ краснорѣчивѣе президентъ, говорятъ и сами французы, тѣмъ хуже для дѣла.

Чтобы видѣть, какъ свято чтутъ законы англійскіе присяжные и до какой степени они считаютъ себя обязанными подчинять свое внутреннее убѣжденіе доказательствамъ, считаемъ не лишнимъ привести изъ англійской судебной практики слѣдующій во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени замѣчательный уголовный случай:

Сержантъ 16 пѣхотнаго полка Михаилъ Гайнсъ, въ мартѣ 1860 года былъ уволенъ во временной отпускъ въ Госпортъ, къ своему вотчиму Кларку. Въ пятницу 9 марта, онъ уходилъ со двора и вернулся домой совершенно пьяный. Мать уговаривала его не выходить больше изъ дому, но онъ не послушался и ушелъ вмѣстѣ съ вотчимомъ. Дорогой они встрѣтились съ нѣкіимъ Броуномъ, зашли съ нимъ въ питейное заведеніе, пили тамъ пиво и джинъ, а потомъ Гайнсъ выпилъ еще стаканъ водки уиски, отъ чего уже сдѣлался мертвецки пьянъ и вернулся домой въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Мистриссъ Кларкъ всячески старалась успокоить его и выпроводила своего мужа изъ дома, такъ какъ онъ съ Гайнсомъ всегда ссорился. Когда

Кларкъ ушелъ, то Гайнсъ снялъ свою висѣвшую на стѣнѣ саблю. Мистриссъ Кларкъ испугалась и стала звать на помощь. На ея зовъ прибѣжала жившая съ ними дверь объ дверь мистриссъ Скейнъ и старалась успокоить и уговорить Гайнса, но онъ вытолкнулъ мистриссъ Кларкъ изъ дому и заперъ за нею дверь; мистриссъ Скейнъ осталась съ нимъ въ домѣ. Въ слѣдъ затѣмъ дочь мистриссъ Кларкъ, бывшая въ верхнемъ этажѣ дома, сойдя внизъ, увидала, что мистриссъ Скейнъ лежитъ на полу, а Гайнсъ стоитъ подлѣ нея и держитъ въ рукахъ обнаженную саблю; Кларкъ бросилась на верхъ по лѣстницѣ, стала громко кричать и выскочила изъ окошка. Нѣсколько человѣкъ сосѣдей прибѣжали, стали смотрѣть въ замочную скважину и увидѣли, что Гайнсъ тыкалъ саблей во что-то лежавшее на полу. Когда они выломали дверь, то Гайнсъ изъ комнаты бросился имъ на встрѣчу, держа въ рукахъ окровавленную саблю. Войдя въ комнату, сосѣди нашли мистриссъ Скейнъ лежащею на полу; голова у ней была ужасно изуродована сабельными порѣзами. Послѣ того Скейнъ мучилась еще два мѣсяца отъ нанесенныхъ ей ранъ, но потомъ умерла.

Защитникъ Гайнса, обращаясь къ присяжнымъ, говорилъ, что въ душѣ Гайнса не было никакого злаго намѣренія въ отношеніи къ умершей, но что онъ былъ въ томъ возбужденномъ состояніи, при которомъ его нельзя обвинять въ предумышленномъ убійствѣ, а только не въ предъумышленномъ. То, что подсудимый сержантъ,—доказываетъ, что онъ человѣкъ хорошаго нрава, и отзывъ офицеровъ его полка подтверждаетъ это.

Но судья на это замѣтилъ, что по англійскимъ законамъ лишеніе жизни смертоноснымъ орудіемъ всегда признается предъумышленнымъ убійствомъ и состояніе опьяненія, ни въ какомъ случаѣ, не уменьшаетъ степени виновности и присовокупилъ, что присяжные всего лучше исполняютъ свою обязанность, когда слѣдуютъ закону, и въ точности подчиняются ему и основываютъ свой приговоръ на спокойномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи доказательствъ, а не даютъ волю чувству, или увлекаются какими нибудь соображеніями, отъ чего всегда сильно страдаетъ правосудіе.

Когда же послѣ совѣщанія одинъ изъ присяжныхъ сказалъ: мало надежды на то, чтобы мы согласились между собой; нѣкоторые изъ насъ сомнѣваются въ томъ, было ли злое намѣреніе,—судья опять повторилъ, что когда употреблено было смер-

тоносное орудіе и отъ этого употребленія произошли тѣ послѣдствія, которыя могли произойти отъ того, законъ предполагаетъ, что при этомъ было злое намѣреніе и я не могу указать вамъ ни одного обстоятельства, вслѣдствіе котораго преступленіе Гайнса можно бы было причислить къ непредъумышленному убійству; вызова никакого съ противной стороны не было, но и еслибъ былъ вызовъ, то употребленіе смертоноснаго орудія не дозволило бы почитать это преступленіе не предъумышленнымъ убійствомъ, точно также и опьяненіе не понижаетъ степени преступленія, а вы и я сидимъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобы сочинять законы, но для того, чтобы на основаніи присяги отправлять правосудіе, примѣнять законы; вашъ приговоръ долженъ согласоваться съ требованіями закона. Если вы имѣете какое либо сомнѣніе въ томъ, что смерть послѣдовала не отъ употребленія смертоноснаго оружія, если вы держитесь этого мнѣнія, то должны добросовѣстно обдумать это.

Ухватившись за послѣднія слова судьи, одинъ изъ присяжныхъ пожелалъ узнать, увѣрены ли медики, что смерть послѣдовала вслѣдствіе ранъ.

Судья прочелъ отзывъ медиковъ, которые утверждали, что раны нанесены были саблей, и что смерть послѣдовала отъ ранъ.

Но Скейнъ не вдругъ умерла, а мучилась два мѣсяца. Другой присяжный пожелалъ поэтому спросить медиковъ: не могла ли послѣдовать смерть отъ какой либо другой причины?

Когда же и на это послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, то третій присяжный попытался было подвергнуть сомнѣнію отзывъ докторовъ указаніемъ на то, что слишкомъ много протекло времени между нанесеніемъ ранъ и смертію. Но и это было опровергнуто. Тогда предложенъ былъ еще слѣдующій вопросъ: а еслибы Скейнъ была молода, то могла ли бы она выздоровѣть? Судья отвѣчалъ: господа, развѣ кто нибудь имѣетъ право отнять жизнь у женщины, потому что она стара?

Присяжный опять обратился было къ судьѣ просто съ вопросомъ: развѣ мы не можемъ признать, что было совершено непредъумышленное убійство? Но судья, вмѣсто отвѣта, счелъ нужнымъ напомнить присяжнымъ ихъ обязанности. Вы обязаны, сказалъ онъ, произнести приговоръ на основаніи данной вами присяги. Вы можете постановить какой вамъ угодно приговоръ. Но вы клялись, что будете постановлять приговоры на основаніи представленныхъ доказательствъ. Значитъ, разрѣшеніе

вопроса совершенно въ вашей власти. Вы можете невѣрить ни одному изъ свидѣтелей, которые были приведены предъ васъ: вы можете говорить, что все говоренное выдумка, но все это вы дѣлаете подъ своею собственною отвѣтственностію, на основаніи данной вами присяги. Я же не могу найти никакихъ фактовъ, на основаніи коихъ вы могли бы признать, что подсудимый совершилъ не предъумышленное убійство.

Присяжные удалились, но послѣ четырехъ-часоваго совѣщанія прислали судьѣ письменный вопросъ: не предполагается ли при непредъумышленномъ убійствѣ нечаяннаго убійства?

Судья и на этотъ вопросъ далъ отрицательный отвѣтъ и когда, на его замѣчаніе, что онъ не понимаетъ, въ чемъ заключается затрудненіе, встрѣчаемое нѣкоторыми изъ присяжныхъ, услышавъ, что затрудняется только одинъ, присовокупилъ: вы пожалуй станете судить о примѣненіи закона, но тогда нарушите присягу, толкованіе закона вы обязаны принимать отъ меня; я же подъ собственною отвѣтственностію говорю вамъ, что не вижу обстоятельствъ,которыя, бы по закону, могли обратить предъумышленное убійство въ непредъумышленное, и если вы согласитесь, что смерть произошла отъ употребленія смертоноснаго оружія, то признаете, что совершенное преступленіе есть предъумышленное убійство. Вамъ слѣдуетъ удалиться и убѣдить вашего товарища, чтобы онъ разсматривалъ факты и не безпокоилъ бы себя разсмотрѣніемъ вопросовъ права, которое вовсе не принадлежатъ къ области присяжныхъ.

Присяжные удалились и чрезъ нѣсколько времени вынесли приговоръ о признаніи подсудимаго виновнымъ въ убійствѣ предъумышленномъ, но просили оказать ему снисхожденіе.

Случай этотъ поучителенъ въ высшей степени! Наглядным, осязательнымъ образомъ онъ показываетъ, съ какою религіозною добросовѣстностію относятся англійскіе присяжные къ выполненію возложенной на нихъ обязанности и какъ мало они полагаются на свои личныя мнѣнія въ вопросахъ, которые превышаютъ горизонтъ ихъ понятій и къ рѣшенію которыхъ они прямо и не призываются; съ какимъ далѣе вниманіемъ они выслушиваютъ совѣты и наставленія судей и съ какою готовностію и судьи помогаютъ имъ своими совѣтами и предостерегаютъ отъ ошибокъ настойчивымъ напоминаніемъ имъ о существѣ и предѣлахъ ихъ власти. Вмѣстѣ же съ тѣмъ изъ этого процесса открывается ясно и то, что присяжные вовсе не такъ

неограниченно свободны въ рѣшеніи дѣлъ, какъ обыкновенно думаютъ на континентѣ. Но не по вдохновенію, не какъ Богъ положитъ имъ по сердцу, они должны давать приговоры, но какъ того требуетъ законъ и неотразимая сила доказательствъ.

Личное убѣжденіе присяжныхъ, въ настоящемъ случаѣ, очевидно совершенно расходилось съ закономъ. Несправедливо, крайне несправедливо казалось имъ признать предъумышленнымъ убійцей человѣка, убившаго старую женщину въ безчувственно-пьяномъ состояніи и вотъ они предлагаютъ судьѣ вопросъ за вопросомъ, въ надеждѣ, что какъ человѣкъ опытный въ толкованіи и примѣненіи законовъ, онъ укажетъ имъ какой либо законный выходъ изъ ихъ затруднительнаго положенія. Но всѣ попытки только убѣждаютъ ихъ все болѣе и болѣе въ томъ, что имъ не остается ничего другаго, какъ или поступить вопреки закону и, закрывши глаза предъ доказательствами, признать подсудимаго невиннымъ, или же преклонившись предъ закономъ и доказательствами, подчинить имъ свое личное убѣжденіе и обвинить подсудимаго въ предъумышленномъ убійствѣ, и вѣрные своему долгу и данной присягѣ англійскіе присяжные предпочли послѣднее.

Французскіе и другіе присяжные не стали бы такъ мучить себя, они съ разу бы порѣшили, что законъ безсмысленъ, не стоитъ того, чтобы подчиняться ему и тотчасъ же признали бы подсудимаго невиннымъ. Но на что же тогда законъ и къ чему доказательства? Тратятъ время и трудъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, а иногда и дней на разбирательство одного дѣла, приводятъ и объясняютъ доказательства и ихъ силу противъ и за подсудимаго, приводятъ и толкуютъ подходящіе къ дѣлу законы, возбуждаютъ и рѣшаютъ юридическіе вопросы, отъ правильнаго пониманія которыхъ зависитъ правильное рѣшеніе дѣла и затѣмъ невѣдомо откуда и невѣдомо почему является совершенно неожиданное внутреннее убѣжденіе, которое идетъ прямо въ разрѣзъ со всемъ, что было говорено, и своимъ неотразимымъ: sic volo sic jubeo, рѣшаетъ судьбу подсудимаго. Мало смысла было въ старинныхъ ордаліяхъ, но тогда по крайней мѣрѣ дѣло отдавалось на судъ Божій и рѣшителемъ судьбы подсудимыхъ былъ самъ Богъ, а придуманное французами intime conviction отдаетъ ее на жертву случайнаго каприза судей. Французы и сами ясно не понимали, куда пове-

детъ ихъ уголовный судъ, изобрѣтенное ими голословное внутреннее убѣжденіе. Они ухватились за него, чтобы какъ нибудь помирить защитниковъ законной теоріи доказательствъ съ ихъ противниками. Непонятно, какимъ образомъ и Нѣмцы, которые любятъ все erforsehen nach Gründen могли усвоить это безотчетное чувство и своему уголовному процессу.

Судъ не долженъ быть темной силой, которая караетъ и милуетъ, неизвѣстно за что и почему, и отъ которой и уберечься нельзя. Не бойся суда, бойся судей, образовалась у насъ пословица, во время стараго суда, когда законъ мало уважался. Судъ и не страшенъ, страшенъ лишь судейскій произволъ; его поэтому нельзя терпѣть даже и въ видѣ внутренняго убѣжденія.

Но если и судъ присяжныхъ долженъ основываться на законахъ и подчиняться доказательствамъ, то чѣмъ же онъ отличается отъ прежняго короннаго суда?

По законамъ долженъ производиться судъ, какую бы форму онъ ни имѣлъ и въ чьихъ бы рукахъ ни находился. Производятся ли уголовныя дѣла слѣдственнымъ обвинительнымъ или смѣшаннымъ порядкомъ и сидятъ ли въ судахъ одни судьи—законовѣдцы или и вмѣстѣ съ ними вѣдаютъ уголовныя дѣла и присяжные, во всѣхъ случаяхъ судъ иначе не мыслимъ, какъ по законамъ. Не уважаютъ законовъ судьи, трудно ожидать, чтобы ихъ уважали и другіе. Да и правда возможна въ государствѣ только законная. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть слѣдовательно никакого различія между какимъ бы то ни было судомъ.

Что же касается до доказательствъ, то хотя и присяжные наравнѣ съ судьями, обязаны основывать свои приговоры на разумной оцѣнкѣ доказательствъ, но теперь не только присяжные, но и судьи не стѣсняются при опредѣленіи ихъ силы никакими положительными законными предписаніями, а имѣютъ право руководствоватся при томъ лишь общими всѣмъ правилами очевидности, основанными на указаніяхъ разума и опыта, которымъ одолжена своимъ происхожденіемъ и англійская традиціонная теорія доказательствъ и вѣрить или не вѣрить доказательствамъ не потому, что они заключаютъ или не заключаютъ въ себѣ извѣстныя требуемыя закономъ для ихъ силы условія, а лишь потому, представляются ли они самимъ судящимъ заслуживающими вѣру или не заслуживающими. Въ этомъ смыслѣ только и должно считать законную теорію доказа-

тельствъ отмѣненною и въ этомъ же только смыслѣ настоящій судъ можетъ быть названъ судомъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Прежде для приговоровъ требовались только доказательства и не считалось нужнымъ личное убѣжденіе судей, а теперь напротивъ требуются и доказательства и внутреннее убѣжденіе судей. И такъ должны судить нетолько присяжные но и коронные судьи. Разница между ними состоитъ только въ томъ что судьи обязаны мотивировать свои приговоры а присяжные нѣтъ. Тѣ могутъ быть поэтому подвергаемы отвѣтственности по закону, если постановятъ приговоръ въ противность доказательствамъ, а присяжные не подлежатъ ей ни въ какомъ случаѣ. Но кромѣ отвѣтственности по закону и суду есть еще и другая отвѣтственность предъ совѣстію и общественнымъ мнѣніемъ. Для человѣка добросовѣстнаго, который не можетъ не дорожить добрымъ о себѣ мнѣніемъ своихъ согражданъ, эта отвѣтственность едвали не тяжелѣе, чѣмъ отвѣтственность по закону и суду. Въ Англіи же присяжные, которые даютъ приговоры противъ очевидности, всегда рискуютъ потерять доброе имя, какъ нарушающіе данную ими присягу. А было время, что тамъ присяжные подвергались за это и суду и наказанію, но и теперь судья, когда находитъ приговоръ присяжныхъ противнымъ очевидности имѣетъ право пріостановиться собственнымъ приговоромъ или, постановивши его, перенести дѣло на разсмотрѣніе лондонскаго королевскаго суда, послѣ чего оно можетъ быть передано на обсужденіе новаго состава присяжныхъ. Можетъ даже и самъ обвиненный просить объ этомъ.

Если бы присяжные имѣли право давать судъ и не по доказательствамъ, то не было бы никакой нужды не только излагать и развивать ихъ во время преній и объяснять ихъ силу въ заключительномъ наставленіи судьи присяжнымъ, но и постановлять какія либо правила въ законодательствахъ относительно того, что можетъ и что не можетъ быть доказательствомъ. Совѣсть не просвѣщенная доказательствами можетъ быть подкуплена состраданіемъ, къ которому присяжные особенно склонны, ослѣплена враждой, ненавистью и духомъ партій, гдѣ они есть. Tel est mon bon plaisir ни въ какомъ судѣ не можетъ быть по этому руководящимъ началомъ.

Судъ присяжныхъ совмѣщаетъ въ себѣ слѣдовательно всѣ условія правильнаго суда. Англичане именно поэтому и цѣнятъ его высоко и если дорожатъ и политическими выгодами его, то никакъ

не ставятъ это въ главную заслугу ему. Но при перенесеніи англійскаго суда присяжныхъ во Францію руководились болѣе политическими соображеніями и отчасти по этому передѣлали его такъ, что отъ него остался одинъ безжизненный остовъ. Въ этомъ искаженномъ видѣ англійскій институтъ присяжныхъ перешелъ и въ другія континентальныя европейскія государства и естественно принесъ съ собой всѣ тѣ недостатки на которые жалуются французы. Но французы, несмотря на эти недостатки, видятъ въ судѣ присяжныхъ все таки учрежденіе, которое охраняетъ наилучшимъ образомъ честь и жизнь гражданъ. Beranger la repression pénale p. 82. Въ Германіи напротивъ былъ поднятъ уже и вопросъ объ отмѣнѣ суда присяжныхъ и замѣнѣ его шеффами. Это казалось бы еще и слишкомъ рано и особенно странна такая поспѣшность въ такомъ важномъ дѣлѣ со стороны нѣмцевъ, которые любятъ все изслѣдовать основательно и потому и въ своемъ общественномъ строю не легко мѣняютъ старое на новое. Долго и упорно отстаивали нѣмцы и свой старый судъ, а новый судъ существуетъ во многихъ нѣмецкихъ государствахъ всего 25 лѣтъ и они уже подымаютъ вопросъ о новой ломкѣ судебныхъ учрежденій. Слишкомъ коротко это время для того, чтобы произнести непогрѣшительно окончательный судъ о заимствованномъ извнѣ учрежденіи, которое притомъ на родинѣ пользуется всеобщимъ сочувствіемъ и вызываетъ единодушное одобреніе всѣхъ иностранцевъ, которые имѣли случай наблюдать его на мѣстѣ по своей простотѣ, скорости, основательности и правильности рѣшеній. Чтобы чужеземное растеніе могло укорениться и принести плодъ на новой почвѣ, необходимо, чтобы почва была готова къ тому, а судъ присяжныхъ требуетъ для своего плодотворнаго развитія такихъ условій, которыя встрѣчаются не вездѣ, да и появляются не вдругъ. Широкое развитіе духа общественности, живое участіе вслѣдствіе того во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, глубокое сознаніе долга и развитіе во всѣхъ и каждомъ чувства законности при соотвѣтственномъ требованіямъ времени и доступномъ для пониманія простыхъ людей законодательства—вотъ эти условія. Но къ появленію ихъ можетъ содѣйствовать и самъ судъ присяжныхъ, а всякое просвѣщенное правительство не можетъ не желать того и не способствовать къ тому. Въ Германіи присяжные приняты были противъ желанія правительства и потому почти нигдѣ не пользовались со-

чувствіемъ въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ. Многимъ они не нравились и какъ не отечественное учрежденіе. Не мало и это обстоятельство должно было содѣйствовать къ скорому суду надъ ними германскихъ правителей и къ желанію замѣнить ихъ доморощенными шеффами. Но къ счастію нашлись не настолько германолюбивые нѣмцы и отстояли пока судъ присяжныхъ. Чего же можно ожидать отъ шеффовъ, мы достаточно знаемъ изъ нашего довольно не короткаго знакомства съ засѣдателями.

Наши судебные уставы не надѣляютъ присяжныхъ ни всемогуществомъ, ни шестымъ чувствомъ, напротивъ заставляютъ ихъ присягать въ томъ, что они будутъ прилагать всю силу разумѣнія своего къ тщательному разсмотрѣнію, какъ обстоятельствъ уличающихъ такъ и оправдывающихъ подсудимыхъ и подавать голосъ согласно съ тѣмъ, что увидятъ и услышатъ на судѣ, по сущей правдѣ и убѣжденію своей совѣсти, не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго, подъ страхомъ отвѣтственности предъ закономъ и Богомъ; и чтобы облегчить имъ исполненіе этого долга, вмѣняютъ въ обязанность и судьямъ въ своемъ наставленіи объяснять не только существенныя обстоятельства дѣла и законы относящіеся къ опредѣленію свойства, разсматриваемаго преступленія или проступка, но и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ, приведенныхъ за и противъ подсудимыхъ и въ заключеніе этого наставленія напоминать имъ, что они должны опредѣлять вину или невинность подсудимыхъ по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Не смотря однакоже на все это и наши присяжные, вопреки законамъ и доказательствамъ, дозволяютъ себѣ оправдывать подсудимыхъ когда находятъ наказаніе, которое назначено въ законѣ за преступленіе, слишкомъ жестокимъ и тѣмъ болѣе несправедливымъ; случаи же этого рода, при отсталости нашихъ уголовныхъ законовъ, и лишенія уставами присяжныхъ права ходатайствовать о помилованіи, а судей свободы при опредѣленіи наказанія, должны у насъ встрѣчаться довольно нерѣдко. Посему и судьи не препятствуютъ присяжнымъ миловать въ подобныхъ случаяхъ преступниковъ, хотя и имѣютъ полную къ тому возможность въ силу предоставленнаго имъ права отсылать присяжныхъ къ новому совѣщанію, когда они поступаютъ прямо вопреки ихъ наставленіямъ. Но у насъ, кромѣ того силь-

но распространена, даже и между юристами, мысль, что присяжные ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ и могутъ обвинять и оправдывать не стѣсняясь ни законами, ни доказательствами, въ силу ст. 803 Уст. Уг. Суд. въ которой сказано, что общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ объясняются предсѣдателемъ, не въ видѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Мысль эта, по видимому, находитъ подтвержденіе и въ объясненіи къ ст. 766 того же Уст. (изд. госуд. канцеляріи) гдѣ выражено, что присяжные вольны слѣдовать или не слѣдовать совѣтамъ и объясненіямъ судей Но хотя общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и уликъ и имѣютъ для присяжныхъ значеніе только предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимыхъ, а совѣтамъ и объясненіямъ они вольны слѣдовать и не слѣдовать, это однакоже вовсе не значитъ, что они могутъ произвольно не держаться тѣхъ и пренебрегатъ этими и слѣдовательно поступать вопреки тѣмъ и другимъ и тогда когда убѣждены въ виновности подсудимыхъ. Именно отъ этого и должны предостерегать присяжныхъ первыя и руководить къ правильному рѣшенію дѣлъ послѣдніе. Иначе ни тѣ, ни другіе не имѣли бы никакого смысла и не стоило бы и тратить время на объясненія однихъ и подаваніе другихъ.

У насъ впрочемъ зло помилованія преступниковъ присяжными не могло еще слишкомъ укорениться; можно поэтому ожидать, что оно тотчасъ прекратится, какъ только уголовные законы наши будутъ приспособлены къ понятіямъ и требованіямъ времени, присяжные получатъ право ходатайствовать о помилованіи подсудимыхъ, а судьи большую свободу въ опредѣленіи наказанія и послѣдніе будутъ также постоянно и настойчиво, какъ и англійскіе судьи, напоминать присяжнымъ, что, они сидятъ въ уголовныхъ судахъ не для того, чтобы сочинять законы, а для того, чтобы производить судъ по законамъ, и что обвиняя и оправдывая въ противность законамъ и доказательствамъ, по какой бы то ни было причинѣ, они нарушаютъ данную присягу.

С. Баршевъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Московскаго окружнаго суда.

„*Никакія долговыя взысканія, помимо конкурса, не могутъ быть предъявляемы къ несостоятельному должнику, за исключеніемъ однако случая, когда конкурснымъ управленіемъ претензія отнесена къ числу спорныхъ.*“ (Ст. 1981 т. XI п 223 уст. гражд. суд.). *)

1874 года, марта, 11 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій окружный судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ: П. А. Дружинина и С. С. Перфильева, слушалъ дѣло о взысканіи штабсъ-ротмистромъ Павломъ Михайловымъ Мельницкимъ съ конкурсной массы несостоятельнаго должника ротмистра Андрея Владимірова Карѣева 4000 руб. сер. по сохранной росписке. Обстоятельства дѣла: ротмистръ Карѣевъ выдалъ штабсъ-ротмистру Мельницкому, писанную на простой бумагѣ, росписку

*) Ст. 1981 т. XI. зак. уст. торг. дополнена правиломъ: если истецъ подчинится опредѣленію конкурснаго управленія, коимъ предъявленная имъ претензія признана подлежащею судебному разбирательству, или опредѣленіе сіе будетъ утверждено высшею властью, то онъ съ искомъ долженъ обратиться въ надлежащій судъ, не далѣе трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія ему окончательнаго о семъ постановленія; для лицъ же отсутствующихъ къ трехмѣсячному сроку прибавляется еще срокъ поверстный (по прод. зак. 1863 г.).

Ред.

слѣдующаго содержанія: сельцо Петрово, 1872 года, ноября 11 дня. Я нижеподписавшійся ротмистръ Андрей Владиміровъ Карѣевъ далъ сію сохранную росписку Павлу Михайловичу Мельницкому въ томъ, что я взялъ у него подъ свое сохраненіе государственные кредитные билеты сторублеваго достоинства сорокъ штукъ, изъ коихъ выпуска тысяча восемь сотъ семидесятаго года за №№ 14798, 14799, 14800, 14801, 14802, 14803, 14804, 14805, 14806, 14807, 14808, 14809, 14810, 14811, 14812, 14813, 14814, 14815, 14816, 14817, 14818, 148509, 148510, 148511, 148512, 148513, 148514, 148515, 148516, 148517 и выпуска тысяча восемь сотъ семьдесятъ втораго года за №№ 34391, 34392, 34393, 34394, 34395, 34396, 34397, 34398, 34399, 34400, а всего на сумму четыре тысячи руб. сер., каковые вышеписанные билеты обязуюсь по первому его, г. Мельницкаго, требованію возвратить ему сполна въ чемъ и подписуюсь. Ротмистръ Андрей Владиміровъ Карѣевъ. Кандидатъ правъ Карцевъ по передовѣрію отъ повѣреннаго Мельницкаго Аноева, представилъ эту росписку при исковомъ прошеніи, поданномъ въ Московскій окружный судъ 18 декабря, 1873 г., въ которомъ объяснилъ: 1) что по объявленіи Карѣева несостоятельнымъ должникомъ, сохранная эта росписка была представлена въ учрежденное, по дѣламъ его, конкурсное управленіе, которое, въ виду заявленія Карѣева о томъ, что росписка эта прикрывала собою заемъ, опредѣлило: отнести претензію Мельницкаго ко 2 роду долговъ и 3 разряду удовлетворенія, 2) что заявленіе Карѣева, какъ совершенно голословное, и въ виду росписки, удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ ст. 2111 т. X. ч. I. зак. гр., не заслуживаетъ уваженія, а потому Карцевъ просилъ о взысканіи съ конкурсной массы на удовлетвореніе Мельницкаго 4000 руб. съ % со дня предъявленія иска, судебными издержками и вознагражденіемъ за веденіе дѣла; поступокъ же Карѣева, согласно 8 ст. уст. гражд. суд. передать въ уголовный судъ чрезъ прокурора. Кромѣ росписки представлена копія съ опредѣленія конкурснаго управленія отъ 1 декабря 1873 года, подтверждающая изложенное въ исковомъ прошеніи. Въ засѣданіи суда 11 марта повѣренный Карѣева Харламповичъ, объяснивъ, что если бы настоящій искъ былъ предъявленъ къ Карѣеву до его несостоятельности, то въ виду того, что распискою этою прикрытъ заемъ, ничего не осталось бы болѣе сдѣлать, какъ признать искъ Мельницкаго не правильнымъ; послѣ же объявленія Карѣева несостоятельнымъ

и послѣ того какъ конкурсное управленіе разсмотрѣло сохранную росписку, настоящій искъ не можетъ подлежать разсмотрѣнію окружнаго суда. Это подтверждается рѣшеніемъ Правительствующаго Сената за 1871 годъ, за № 234, въ которомъ сказано, что судебныя мѣста не имѣютъ законнаго основанія принимать къ своему разсмотрѣнію иски на несостоятельнаго должника во время учрежденія надъ нимъ конкурса, а таковые должны быть предъявлены въ конкурсъ, ст. 223 уст. граж. суд., на которую сослался повѣренный истца, разумѣетъ не иски по долговымъ претензіямъ, о коихъ должникъ при самомъ открытіи его несостоятельности заявилъ суду, а иски по требованіямъ или претензіямъ по коимъ права должника приходятъ въ столкновеніе съ разными лицами, предъявляющими свои права на имущество несостоятельнаго, составляющее конкурсную массу; наприм., несостоятельному досталось какое либо имущество по завѣщанію, но на это имущество предъявляетъ свои права какое либо другое лицо, то для разрѣшенія этого спора искъ долженъ быть предъявленъ въ окружномъ судѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Мельницкій проситъ не объ истребованіи отъ конкурса данной Карѣеву поклажи, а о взысканіи денегъ; изъ этого слѣдуетъ заключить, что эта росписка прикрывала заемъ Карѣевымъ у Мельницкаго денегъ. Карцевъ возразилъ, что такъ какъ конкурсное управленіе признало сохранную росписку Карѣева документомъ спорнымъ, то Мельницкій долженъ былъ для разрѣшенія этого спора предъявить искъ въ окружномъ судѣ. Что же касается возраженія Харламповича о томъ, что Мельницкій просилъ о взысканіи денегъ, а не о возвращеніи поклажи, то это потому, что конкурсное управленіе въ постановленіи своемъ по дѣлу Мельницкаго обнаружило, что у Карѣева данной ему Мельницкимъ поклажи не находится. Въ настоящемъ дѣлѣ подлежитъ разсмотрѣнію суда порядокъ предъявленія претензіи къ несостоятельному должнику. По объявленіи должника несостоятельнымъ (1881 ст. XI т. уст. торг. и т. д. прилож. къ 223 ст. уст. гражд. суд. по прод. 1869 г.), предъявить въ томъ судѣ, гдѣ открылась несостоятельность, свои права, въ 4-хъ мѣсячный срокъ, со дня публикаціи въ вѣдомостяхъ о несостоятельности. Судъ, найдя, что претензія заявлена въ означенный выше срокъ, передаетъ ее, по ст. 1914, т. XI, въ конкурсное управленіе, которое по 1963 ст., записываетъ это объявленіе въ книгу. Если при этомъ объявленіи не было

представлено документовъ, на коихъ основано требованіе кредитора, то конкурсъ назначаетъ кредитору особый срокъ, въ теченіе котораго онъ обязанъ представить документы, на конхъ основано его требованіе; и только при не представленіи ихъ въ назначенный конкурсомъ срокъ претензія его къ несостоятельному, по 1964 ст., вовсе исключается изъ числа долговъ. Разсматривая представленные кредиторами документы по мѣрѣ ихъ поступленія, конкурсное управленіе относитъ ихъ къ подлежащему роду долговъ и разряду удовлетворенія. Въ законахъ (1960, 1961 и 1962 ст. XI т.). установлены три рода долговъ: къ первому роду принадлежатъ долги *безспорные*, ко второму долги *сомнительные*, а потому имѣющіе характеръ спорный, и къ третьему долги, основанные на документахъ *недѣйствительныхъ*. Долги несостоятельнаго 1 рода раздѣляются на два разряда (ст. 1978 и 1980), смотря по внутреннему ихъ свойству. Чтобы отнести претензію къ 1 роду долговъ, нужно разсмотрѣть предъявленный документъ съ формальной стороны, признать его удовлетворяющимъ всѣмъ закономъ установленнымъ формамъ и обрядамъ совершенія и предъявленія его ко взысканію. Отнесеніе его къ 1 или 2 разряду долговъ зависитъ отъ тѣхъ юридическихъ отношеній между кредиторомъ и должникомъ, въ силу которыхъ актъ этотъ совершенъ. 2 рода долги (долги спорные) соотвѣтствуютъ 3 разряду удовлетворенія. Удовлетвореніе долговъ этого рода откладывается до окончательнаго признанія судомъ силы и значенія документовъ, на коихъ претензіи основаны (1981 ст. т. XI).—Конкурсное управленіе, признавъ предъявленную на несостоятельнаго претензію спорною, и отнеся ее поэтому ко 2 роду долговъ и 3 разряду удовлетворенія, объявляетъ объ этомъ кредитору порядкомъ, указаннымъ въ 1971, 1972 и 1973 ст. т. XI; кредиторъ если находитъ постановленіе конкурса неправильнымъ, можетъ обжаловать его въ частномъ порядкѣ тому суду, въ вѣдомствѣ котораго производится дѣло о несостоятельности. Въ семъ случаѣ судъ разсматриваетъ, въ частномъ порядкѣ, и повѣряетъ правильность постановленія конкурснаго управленія о признаніи этой претензіи спорною т. е. разрѣшаетъ съ внѣшней стороны, не входя въ разсмотрѣніе сущности претензій, достаточно ли вѣски и уважительны основанія сомнительности претензій, приведенныя конкурснымъ управленіемъ, и если признаетъ опредѣленіе неправильнымъ, то самъ относитъ эту претензію къ 1 роду долговъ и къ 1 или 2 разряду

удовлетворенія. Но если взыскатель или находитъ постановленіе конкурса правильнымъ, или желаетъ ему подчиниться для выигрыша времени, чтобы не вести, въ большинствѣ случаевъ безполезнаго частнаго дѣла, то очевидно, имѣетъ полное право, 1971 ст. и 1981 по прод. 1863 г., предъявить искъ въ томъ судѣ, въ вѣдомствѣ котораго производится дѣло о несостоятельности (233 ст. уст. гражд. суд.) въ установленный закономъ срокъ, считая оный со дня предъявленія ему копіи постановленія конкурснаго управленія, которымъ претензія его отнесена къ числу спорныхъ. Съ признаніемъ этой претензіи по окончательному судебному рѣшенію подлежащей удовлетворенію, и по предъявленіи взыскателемъ въ конкурсное управленіе исполнительнаго листа, конкурсное управленіе обязано отнести эту претензію къ 1 роду долговъ (п. 8 ст. 1960) и, разсмотрѣвъ сущность юридическихъ отношеній между взыскателемъ и несостоятельнымъ, изъ которыхъ возникла эта претензія, отнести ее къ 1 или 2 разряду удовлетворенія. Этотъ указанный выше порядокъ не находится въ противорѣчіи съ рѣшеніемъ гражд. кассац. департамента, на которое указываетъ Харламповичъ, напротивъ того подтверждается этимъ рѣшеніемъ. Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по объявленіи должника несостоятельнымъ, претензія на него не можетъ быть прямо заявлена въ судѣ помимо конкурснаго управленія, то есть что всякое требованіе на несостоятельнаго первоначально должно быть разсмотрѣно конкурсомъ, и только по отнесеніи его къ числу спорныхъ можетъ подлежать судебному разсмотрѣнію. Наконецъ 3 родъ долговъ вполнѣ соотвѣтствуетъ 4 разряду удовлетворенія (долги недѣйствительные). Къ 3 роду долговъ принадлежатъ всѣ долги: 1) коимъ на взысканіе миновала законная давность, 2) коихъ документы составлены съ нарушеніемъ закономъ установленыхъ правилъ. Къ долгамъ 4 разряда причисляются (1982 ст.): 1) долги, въ положенный объявленіемъ о несостоятельности срокъ, не представленные (1888 ст.), 2) долги, по заемнымъ письмамъ, не совершеннымъ явочнымъ порядкомъ, или непредъявленнымъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ ко взысканію или протесту и 3) долги по договорамъ, когда въ теченіи года по просрочкѣ ихъ исполненія не были предъявлены ко взысканію. Когда конкурсное управленіе отнесетъ извѣстную претензію къ 3 роду долговъ и къ 4 разряду удовлетворенія, то объявляетъ свое постановленіе кредитору порядкомъ указаннымъ 1971, 1973 ст. т. XI и на это

постановленіе кредиторъ можетъ или принести частную жалобу въ судъ или по 1971 ст. предъявить искъ. Разсматривая дѣло въ частномъ порядкѣ и не признавая правильнымъ постановленія конкурса, судъ самъ относитъ претензію къ подлежащему роду долговъ и разряду удовлетворенія, то есть или признаетъ эту претензію безспорною и тогда относитъ ее къ 1 роду долговъ и къ 1 или 2 разряду удовлетворенія, или, находя ее спорною, относитъ ее ко 2 роду долговъ и 3 разряду удовлетворенія. Разсматривая дѣло въ исковомъ порядкѣ судъ или отказываетъ въ искѣ или присуждаетъ взысканіе. Въ 1-мъ случаѣ претензія падаетъ и никакому удовлетворенію подлежать не можетъ. Если, присуждая взысканіе, судъ признаетъ основанія, въ силу которыхъ конкурсъ отнесъ претензію къ числу недѣйствительныхъ, неуважительными, т. е. находитъ, что давность не пропущена и существенныя правила, закономъ установленныя, для сего рода документовъ не нарушены, то, по вступленіи сего рѣшенія въ законную силу, такая претензія причисляется конкурсомъ къ 1 роду долговъ и къ 1 или 2 разряду удовлетворенія. Если же судъ присуждаетъ взысканія по претензіямъ, основаннымъ на документахъ, указанныхъ во 2 и 3 пун. 1982 ст., то конкурсное управленіе причисляетъ эту претензію къ 1 роду долговъ (8 п. 1960 ст.) и 4 разряду удовлетворенія. Этотъ послѣдній выводъ подтверждается ст. 2056 и 2039 т. X ч. I. Примѣняя всѣ вышеозначенныя соображенія къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и принимая во вниманіе: 1) что претензія Мельницкаго на Карѣева отнесена конкурсомъ ко 2 роду долговъ и 3 разряду удовлетворенія, слѣдовательно признана спорною и подлежащею судебному разсмотрѣнію, 2) что Мельницкій, согласно ст. 1971 и 1981 т. XI по прод. 1863 г., предъявилъ искъ на судѣ, въ вѣдомствѣ котораго производится дѣло о несостоятельности Карѣева и притомъ въ установленный закономъ срокъ; 3) что искъ его основанъ на сохранной роспискѣ, писанной съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ ст. 2111 т. X. ч. I. зак. гр., 4) что при описи имущества несостоятельнаго, ввѣренной Карѣеву Мельницкимъ, поклажи не оказалось, а потому искъ Мельницкаго о взысканіи стоимости поклажи въ виду ст. 2115, т. X ч. 1, представляется правильнымъ; 5) что на основаніи ст. 2116 слѣдуетъ взыскать съ Карѣева 10% въ пользу богоугодныхъ съ суммы денегъ, бывшихъ у него на сохраненіи; 6) что на основаніи ст. 2115 требованіе его % со дня предъявле-

нія иска заслуживаетъ уваженія; 7) что, согласно 867 и 868 ст., Мельницкій имѣетъ право получить съ конкурсной массы въ возвратъ понесенныя имъ судебныя издержки въ количествѣ 24 рублей 40 коп. и вознагражденія за веденіе дѣла по Высочайше утвержденной 3 іюля 1868 года таксѣ для присяж. повѣрен. въ размѣрѣ 240 руб., Окружный судъ опредѣляетъ: взыскать съ конкурсной массы несостоятельнаго должника Карѣева въ пользу Мельницкаго по сохранной росписке четыре тысячи руб., съ процентами съ 18 декабря 1873 года по день платежа, судебныхъ издержекъ двадцать четыре руб. сорокъ коп. и за веденіе дѣла двѣсти сорокъ руб. сорокъ коп. и за веденіе дѣла съ той же конкурсной массы въ пользу богоугодныхъ заведеній четыреста рублей. Рѣшеніе это не подлежитъ предварительному исполненію.

II.

«Одного заявленія залогодержателя о согласіи на продажу залогодателемъ заложеннаго недвижимаго имущества недостаточно для признанія онаго свободнымъ отъ наложеннаго при совершеніи закладной запрещенія, до снятія послѣдняго установленнымъ порядкомъ. (Ст. 621—623 уст. гражд. суд. и 1835—1843 т. X. ч. 2.)»

1874 года февраля 7 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Московская судебная палата по 1-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя А. Н. Шахова, въ составѣ членовъ И. П. Аристова и Н. А. Гладкова разсматривала дѣло по частной жалобѣ вдовы маіора Дарьи фонъ Таупрейнъ на опредѣленіе Тульскаго окружнаго суда объ оставленіи жалобы ея на отказъ старшаго Нотаріуса въ совершеніи купчей крѣпости безъ уваженія. Изъ дѣла видно: жена мѣщанина Анна Гречишникова, 9 іюня 1873 года, представивъ старшему Нотаріусу Тульскаго окружнаго суда выпись изъ актовой книги Тульскаго Нотаріуса Косякова за 1873 годъ № 94 о купчей крѣпости на продажу ей вдовой маіора Дарьею Таупрейнъ одной десятины земли въ селѣ Никулинѣ, Каширскаго уѣзда, просила актъ этотъ утвердить и главную выпись выдать ей. За симъ Нотаріусъ Косяковъ представивъ старшему Нотаріусу два отношенія къ нему Московской сохранной казны, отъ 25 мая и 1 іюня 1873 года за №№ 9266 и 9635, и заявленіе титулярнаго совѣтника Покровскаго; въ отношеніяхъ сохранная

казна увѣдомляла, что со стороны ея нѣтъ препятствій къ продажѣ изъ заложенной въ той казнѣ имѣнія Таупрейнъ, въ сельцѣ Никулинѣ, одной десятины земли, если земля не вошла въ составъ крестьянскаго надѣла и отчужденіе ея не произведетъ черезполосности въ остальномъ имѣніи, а въ заявленіи Покровскій довелъ до свѣдѣнія Нотаріуса, что онъ Покровскій согласенъ на продажу изъ заложеннаго Таупрейнъ ему, Покровскому, имѣнія при селѣ Никулинѣ одной десятины земли. Подобное же заявленіе Покровскій подалъ къ старшему Нотаріусу Тульскаго окружнаго суда. Старшій Нотаріусъ, имѣя въ виду, что продаваемая Таупрейнъ земля въ количествѣ одной десятины, въ числѣ прочей земли по селу Никулину, находится въ залогѣ у титулярнаго совѣтника Покровскаго по закладной, совершенной 8 іюня 1872 года, слѣдовательно состоитъ подъ запрещеніемъ, припечатанномъ въ сенатскихъ объявленіяхъ 1872 года № 74 ст. 28112 и руководствуясь 1388 статьею т. X. ч. 1 въ утвержденіи выписи на продажу Таупрейнъ Гречишниковой земли отказалъ. Распоряженіе это по опредѣленію 10—11 августа 1873 года, Тульскій окружный судъ призналъ правильнымъ, принявъ во вниманіе, что на основаніи 1388 ст. т. X. ч. 1 продавать можно имущество только свободное, т. е. не состоящее подъ запрещеніемъ въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей; что въ означенной статьѣ приведены случаи, въ которыхъ разрѣшается продавать имущество, состоящее подъ запрещеніемъ и постановлены на этотъ предметъ извѣстныя правила, что по 1 п. произведенной 1388 ст. разрѣшается продажа имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ по иску или взысканію въ извѣстной и опредѣленной суммѣ тогда только, когда предъ совершеніемъ купчей крѣпости внесена будетъ вся сумма иска или взысканія или же представлено будетъ въ обезпеченіе другое, во всемъ равное прежнему имуществу, и когда при томъ другаго никакого запрещенія въ виду не будетъ, что затѣмъ въ законѣ нѣтъ указанія на то, чтобы купчая крѣпость на имущество, состоящее подъ запрещеніемъ могла быть совершена, вслѣдствіе изъявленія на то согласія кредитора, претензія котораго обезпечена установленнымъ порядкомъ; что независимо отъ изложеннаго заявленія Покровскаго о согласіи его на совершеніе купчей крѣпости отъ имени Таупрейнъ не можетъ быть принято еще и потому, что порядокъ уничтоженія

закладныхъ указанъ въ 1650 ст. т. X. ч. 1, по которой требуется надпись заимодавца по закладной объ уплатѣ и исполненіе другихъ означенныхъ въ той статьѣ формальностей. Въ поданной судебной палатѣ частной жалобѣ вдова маіора Дарья фонъ Таупрейнъ объясняетъ, что законъ, изложенный въ 1388 ст. X т. 1 ч. не примѣнимъ къ данному случаю, потому что заинтересованное въ дѣлѣ лице, Покровскій, изъявляя согласіе на продажу изъ заложеннаго имѣнія десятины земли, тѣмъ самымъ устраняетъ наложенное запрещеніе, т.-е. ту причину, по которой нельзя утвердить актъ продажи. Статья 1388 имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда отъ лица, по иску котораго наложено запрещеніе, не будетъ заявленія подобнаго сдѣланному Покровскимъ, который поставленъ самимъ закономъ въ такое положеніе, въ которомъ свободно можетъ располагать своимъ достояніемъ, обезпечивать его въ большей или меньшей мѣрѣ, или вовсе не обезпечивать и вообще защищать и охранять свои нитересы, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго участія. На основаніи сего Таупрейнъ проситъ палату опредѣленіе окружнаго суда, коимъ одобрено дѣйствіе старшаго Нотаріуса относительно отказа въ утвержденіи купчей крѣпости на одну десятину земли, проданную ею, Таупрейнъ, Гречишниковой, отмѣнить и повелѣть утвердить ту купчую крѣпость. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, судебная палата находитъ 1) что законъ запрещаетъ безусловно продажу имѣнія, состоящаго подъ запрещеніемъ въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей (т. X. ч. 1 ст. 1388) и только въ видѣ изъятія изъ этого общаго правила допускаетъ продажу подобныхъ имѣній въ такомъ случаѣ, если уничтожится самая причина запрещенія (п.п. 1 и 3 той же 1388 ст.); 2) что запрещеніе на заложенное имѣніе налагается *въ интересъ залогодержателя* (т. X. ч. I. ст. 1647), и несомнѣнно отъ воли его зависитъ отказаться отъ этого рода обезпеченія или въ полномъ его объемѣ или въ части, т.-е. ходатайствовать о снятіи запрещенія или со всего заложеннаго ему имѣнія или части онаго, *но залогодатель правомъ отчужденія сего имѣнія можетъ воспользоваться не прежде, какъ по освобожденіи онаго отъ запрещенія*, и 3) что по сему и въ виду ст. 1650 т. X. ч. I. одно лишь заявленное со стороны Покровскаго у нотаріальныхъ дѣлъ согласіе на продажу Таупрейнъ десятины земли изъ заложеннаго ему при селѣ Нивy-

линѣ имѣнія, не можетъ еще быть достаточнымъ и служить основаніемъ къ безпрепятственному совершенію на эту землю купчей крѣпости. По симъ соображеніямъ, признавая опредѣленіе окружнаго суда, состоявшееся 10—11 августа 1873 года правильнымъ, судебная палата постановляетъ: жалобу вдовы маіора фонъ Таупрейнъ оставить безъ уваженія. Копію съ сего постановленія препроводить въ Тульскій окружный судъ при указѣ съ возвращеніемъ производства его по этому дѣлу.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Зависимость уголовной вмѣняемости отъ силы и значенія гражданскаго акта. Безвредность средствъ, избранныхъ съ нравственно-преступною цѣлью. Столкновеніе въ предѣлахъ гражданской и уголовной подсудности.

(изъ судебной практики).

„La Justice saisit les choses et non les pensées, elle s'arrête aux actions, qui troublent la paix publique, et non a celles qui dévoilent la perversité interieure des âmes".

Faustin Hélie (Theorie du code pénal)

Истцы Ѳ. и В. П—вы предъявили въ гражданскомъ судѣ искъ къ отвѣтчицѣ А. И. П—вой по выданной имъ ею задаточной росписке въ суммѣ 550 р.

Въ этой росписке, выданной *1 февраля 1872 г.*, П—ва предоставляла Ѳ. и В. П—вымъ все оставшееся по смерти своего мужа, а ихъ отца, недвижимое имущество за 550 р., полученные ею съ нихъ въ замѣнъ слѣдуемой ей законной доли, и обязывалась совершить на эту свою долю купчую крѣпость; росписка названа «*задаточною* и выданною *на основ. 1687 ст.* X *т.* I ч. Св. Зак.».

Предъявляя въ окружномъ судѣ эту росписку, *5 февраля 1873 г.*, Ѳ. и В. П—вы объясняли, что П—ва купчей не совершаетъ и

денегъ 550 р. имъ не возвращаетъ, почему они и ходатайствуютъ о взысканіи съ нея этихъ 550 руб.

На судебномъ разбирательствѣ повѣренный П—вой заявилъ, что росписка эта подложная, подписана за его неграмотную довѣрительницу лицемъ, на то ею не уполномоченнымъ и хотя она и получила отъ Ѳ. и В. П—выхъ 550 р., но при этомъ ей была прочитана другая росписка, гдѣ значилось, что капиталъ въ 1600 р., оставшійся въ ихъ общемъ наслѣдствѣ, дѣлится между ними на три части, о недвижимости же тамъ ничего неупоминалось; эту росписку приносили ей Ѳ. и В. П—вы, и читало ее ей лицо постороннее О. А-въ.

Гражданскій судъ, выслушавъ представленныхъ сторонами свидѣтелей, нашелъ, что въ данномъ случаѣ усматриваются «признаки обмана при полученіи съ П—вой упомянутой задаточной росписки», каковое преступленіе предусмотрѣно 1688 ст. Уложенія о Наказ., и потому передалъ дѣло прокурорскому надзору, а гражданское производство пріостановилъ.

При предварительномъ слѣдствіи обѣ стороны остались при прежнихъ своихъ показаніяхъ, а свидѣтели, спрошенные черезъ годъ послѣ событія, за давностью времени, не могли дать какихъ либо положительныхъ указаній для разрѣшенія вопроса о подлинности, или подложности акта; лицо же, подписавшее актъ вмѣсто неграмотной П—вой, осталось не розысканнымъ.

Подлогъ, слѣдовательно, не доказанъ; во всякомъ случаѣ это—вопросъ несущественный въ данномъ случаѣ, такъ какъ уголовное преслѣдованіе возбуждено по совсѣмъ иному обвиненію: гражданскій судъ въ дѣяніи О. и В. П—выхъ нашелъ признаки преступленія, преслѣдуемаго по 1688 ст. Уложенія и состоящаго въ побужденіи кого либо изъ корыстныхъ, или иныхъ личныхъ видовъ чрезъ сообщеніе съ умысломъ ложныхъ свѣдѣній къ невыгодной по имуществу *сдѣлкѣ* или же въ вовлеченіи кого либо тѣмъ же путемъ въ убыточные или неудобныя *предпріятія* или *обороты*.

Въ настоящемъ случаѣ усмотрѣнное судомъ преступное дѣяніе П—выхъ могло выразиться лишь въ двоякой формѣ: или они, заручившись распискою П—вой, стремились цѣною 550 руб. пріобрѣсти въ свою собственность все оставшееся по смерти отца наслѣдство и устранить всякое въ немъ участіе П—вой; или же, предъявляя ко взысканію завѣдомо подложеный актъ,

вознамѣрились получить съ П—вой 550 руб. и тѣмъ отнять ея долю въ 1600 руб.

Устраняя обвиненіе въ подлогѣ, во 1-хъ какъ не возбужденное судомъ и во 2-хъ какъ ничѣмъ не доказанное по слѣдствію, передъ нами въ обоихъ случаяхъ останется *покушеніе* на полученіе обманнымъ путемъ чужаго имущества, но не совершившееся уже преступленіе; такъ какъ при такомъ положеніи дѣла конкретная форма преступнаго дѣянія выражается и ограничивается *предъявленіемъ П—выми упомянутой росписки ко взысканію;* о всякой иной формѣ здѣсь можно только предполагать, доказана же фактически только одна именно эта форма; слѣдовательно въ ней одной и должно сосредоточиться разсмотрѣніе занимающаго насъ дѣла.

Какая, спрашивается, была у П—выхъ цѣль въ предъявленіи росписки ко взысканію? Они, очевидно, желали получить обратно отданные ими 550 р., мотивируя искъ не совершеніемъ П—вою купчей крѣпости; такое желаніе нераздѣльно съ желаніемъ уничтожить силу всей разсматриваемой росписки, между прочимъ и принятаго П—вою на себя обязательства уступить свою указную долю П—вымъ за 550 р. И такъ, если П—вы, составляя росписку, задавались этою цѣлью, т. е. хотѣли завладѣть всѣмъ наслѣдствомъ, уплативъ П—вой только 550 руб., то нынѣ, ходатайствуя объ обратномъ взысканіи этой суммы, т. е. объ уничтоженіи всѣхъ условій, заключенныхъ въ той росписке, сами добровольно отрекались отъ этой цѣли; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ ничего, кромѣ покушенія, остановленнаго собственною волею, не усматривается, а такого рода покушеніе на основ. 113 ст. Уложенія не наказуемо.

Обратимся къ другой формѣ проявленія въ разсматриваемомъ дѣяніи преступной воли П—выхъ и допустимъ, что П—вы заручились распискою, увѣривши П—ву, что 550 р. выдаются ей не за все наслѣдство, а лишь въ раздѣлъ 1600 р. капитала, о которыхъ упомянуто было выше, и теперь, домогаясь вернуть заплаченное, тѣмъ самымъ намѣреваются присвоить себѣ всѣ эти 1600 р., не подѣлившись ими съ П—вою. Допустивши существованіе такой сдѣлки, что однако въ настоящемъ случаѣ ничѣмъ не доказывается, мы получимъ, дѣйствительно, преступную цѣль; но какія же для достиженія ея избраны здѣсь средства? Требованіе это опирается на ничтожномъ въ юридическомъ смыслѣ гражданскомъ актѣ—*просроченной задаточной*

росписки; сами же обвиняемые лишили этотъ актъ всякой силы, продержавъ его у себя добровольно цѣлый годъ, тогда какъ по 1687 ст. X т. I ч. Св. Зак. обратное взысканіе задатка возможно лишь въ теченіи шести недѣль со дня выдачи задаточной росписки. Требованіе это, очевидно, никогда бы не встрѣтило удовлетворенія въ гражданскомъ судѣ; предъявляя подобное требованіе, опирая его распиской, въ которой въ началѣ текста выставлена 1687 ст. X т., называя ее, наконецъ, задаточною росписью, П—вы, конечно, дѣйствовали» по крайнему невѣжеству», избирая для своей, хотя и преступной цѣли «средства вполнѣ и очевидно не дѣйствительныя для совершенія преступленія» и дѣйствіемъ этимъ выразили такой преступный умыселъ, который по нашему уложенію (ст. III и примѣч. къ ст. 115-ой) опять таки не наказуемъ.

Выше мы говорили, что моментъ преступленія въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ предъявленіемъ опороченной росписки ко взысканію, потому что о противномъ можно лишь догадываться; положимъ, однако, что опредѣленіе такого момента въ данномъ случаѣ будетъ дѣломъ скорѣе уголовнаго, нежели гражданскаго суда, и что въ силу такого соображенія гражданскій судъ остановился передъ рѣшеніемъ такой задачи; но по очевиднымъ обстоятельствамъ дѣла моментъ преступленія, если не признавать его въ *предъявленіи* росписки, окажется—въ ея *составленіи*; именно: П-вы, задавшись преступною цѣлью дешево купить себѣ законную долю другой сонаслѣдницы П-вой, обманули ее, составивъ отъ ея имени росписку не того содержанія, какое ей было предварительно объявлено. Составили они, положимъ, такую росписку и что же съ нею дѣлаютъ? Всѣ шесть недѣль ея юридическаго существованія держатъ они ее у себя, не прося ни о понужденіи П-вой къ совершенію купчей крѣпости, ни о взысканіи уплаченныхъ ей денегъ; затѣмъ держатъ эту росписку еще цѣлый годъ и рѣшаются показать ее на свѣтъ божій тогда только, когда она давно уже умерла для какихъ бы то ни было гражданскихъ, или уголовныхъ послѣдствій. Но, противъ всякаго чаянія, мертвецъ воскресаетъ не на радость только, а на бѣду П-вымъ, воскресаетъ для того, чтобы загробнымъ голосомъ своимъ погрозить имъ уголовнымъ преслѣдованіемъ.

За что же однако? Вы, объявляютъ имъ, обнаружили признаки обмана при полученіи съ П-вой задаточной росписки, а

это предусмотрѣно 1688-ю ст. уложенія. Статья эта, какъ объяснено выше, преслѣдуетъ не «признаки обмана» а нѣчто несравненно болѣе серьезное: — побужденіе, или вовлеченіе кого либо въ невыгодную *«сдѣлку по имуществу.»*

Будетъ ли однако разсмотрѣнная нами росписка такою *«сдѣлкою»*? существенныя, органически-присущія «сдѣлкѣ условія таковы: одна сторона принимаетъ на себя какія либо обязательства, другая—пріобрѣтаетъ какія либо права, и обязательства и права будутъ здѣсь, конечно, не призрачныя, не фиктивныя, а осязаемыя, воплощенныя въ какую либо конкретную форму. Находятся ли на лицо эти первѣйшія условія любой «сдѣлки по имуществу» въ данной задаточной роспискѣ? — нѣтъ, конечно: существовали они въ ней когда то, это правда; но предстала она на судъ, уже лишенная этихъ условій: было уже давно поздно требовать съ П-вой возвращенія задатка, или настаивать на принятомъ ею обязательствѣ уступить свою наслѣдственную долю за 550 р.; какова бы ни была цѣль предъявителей этой росписки—она падала, падала именно въ силу самой этой росписки, росписки, превратившейся изъ когда то живаго гражданскаго акта въ ничтожный клочекъ исписанной бумаги.

Мы разобрали по очереди всѣ тѣ случаи, въ которыхъ только возможно находить въ дѣяніи П-выхъ что либо уголовное и убѣдились, что ни одинъ изъ этихъ случаевъ не указывалъ собою какихъ либо основаній обращать начатое въ гражданскомъ порядкѣ дѣло къ уголовному производству.

Въ концѣ концовъ Ѳ. и В. П-вы настолько же заслуживаютъ уголовнаго преслѣдованія, вооружившись подобною роспиской для обмана А. И. П-вой, насколько возможно такое преслѣдованіе относительно, напр., человѣка, замыслившаго выстрѣлить въ свою жертву, который для достиженія этой цѣли разряжаетъ передъ выстрѣломъ свой револьверъ.

Существуетъ, впрочемъ, крайняя теорія, раздѣляемая теперь уже не многими криминалистами, теорія, ставящая субъективную злую волю независимо и выше конкретнаго зла; но навряд ли можно себѣ объяснить разсмотрѣнное нами опредѣленіе суда мотивами, внушенными такою теоріей: обращая дѣло къ уголовному производству, судъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановилъ гражданское, чѣмъ и призналъ въ данномъ случаѣ гражданское рѣшеніе зависимымъ отъ уголовнаго и, слѣдовательно, въ случаѣ оправданія П-выхъ, оставилъ за собою право произнести свой

приговоръ о силѣ и значеніи гражданскаго акта, разрѣшая основанный на немъ искъ.

При отсутствіи основаній къ такому обороту дѣла мы, сверхъ того, находимъ въ настоящемъ случаѣ необходимость совершенно обратную: мы думаемъ, что уголовное преслѣдованіе именно и зависило отъ опредѣленія гражданскимъ судомъ силы и значенія предъявленнаго одною и опороченною другою сторонами акта: существуетъ актъ — существуетъ и преступленіе, нѣтъ акта, или, что все равно, ничтоженъ актъ — нѣтъ и преступленія; оба понятія эти въ данномъ случаѣ недѣлимы. Подтвержденіе такому выводу найдемъ мы и въ кассаціонной судебной практикѣ: — по дѣлу Колтовскаго (№ 767-69 г.) Сенатъ призналъ, что «рѣшеніе гражданскаго суда должно предшествовать суду уголовному, когда *дѣйствительность и свойство дѣянія, въ которомъ предполагается преступленіе*, зависитъ отъ опредѣленія *силы и значенія документовъ*, установленныхъ закономъ и оспариваемыхъ одною изъ сторонъ;» въ другомъ кассаціонномъ рѣшеніи по дѣлу Щелкановцева (№ 467-69 г.) сенатъ нашелъ, что если предъявленный къ извѣстному лицу гражданскій искъ о невозвращеніи ввѣреннаго имущества и неуплаты за оное денегъ будетъ признанъ *бездоказательнымъ*, то дѣяніе этаго лица уже не можетъ быть предметомъ уголовнаго преслѣдованія.

Въ нашемъ случаѣ документъ, предъявленный П-выми, несомнѣнно былъ бы гражданскимъ судомъ признанъ недѣйствительнымъ и въ искѣ было бы П-вымъ непремѣнно отказано, а такое рѣшеніе на основ. 29-31 ст. уст. угол. суд. исключало бы всякую возможность уголовнаго преслѣдованія П-выхъ.

Гражданскому суду тогда лишь предстояло передать дѣло къ уголовному производству и рѣшеніемъ своимъ пріостановиться когда бы причина ничтожности акта лежала *не въ гражданскомъ его значеніи*, а въ какомъ либо *уголовномъ обстоятельствѣ*, т. е. когда по устраненію этаго уголовнаго обстоятельства актъ по своему гражданскому свойству *сохранялъ бы* дѣйствительную силу для какихъ либо правовыхъ послѣдствій, и когда эта дѣйствительная сила *уничтожалась* бы признаніемъ наличности того *уголовнаго обстоятельства*.

Такого же взгляда держится и наше уложеніе, преслѣдуя въ 1692 ст. поддѣлку лишь тѣхъ актовъ и бумагъ «которые *въ дѣлахъ исковыхъ или тяжебныхъ* могутъ *быть по закону* прини-

маемы въ доказательство права на имущество или принятыхъ кѣмъ либо обязанностей»; а вопросъ о томъ, будетъ ли «по закону» (*гражданскому* конечно) такимъ «законодательствомъ» извѣстный актъ — есть вопросъ, разумѣется, суда гражданскаго, а не уголовнаго. Въ данномъ случаѣ, еслибы П-вы, положимъ, и были уличены въ подложномъ составленіи росписки, то не подлежали бы все-таки уголовному преслѣдованію, такъ какъ эта росписка «по закону» (1687 ст. X т. 1 ч.) «доказательствомъ» признана быть не могла.

П. Н. Обнинскій

18 Февраля, 1874 г.

II.

Примѣненіе на практикѣ 475 ст. уст. угол. судопр.

На основаніи 475 ст. Уст. Уг. Суд. судебный слѣдователь обязанъ, по просьбѣ обвиняемаго, выдать ему копіи съ постановленій и протоколовъ. На практикѣ часто возникаетъ вопросъ: обязанъ-ли слѣдователь выдать обвиняемому копіи съ протоколовъ лица потерпѣвшаго, гражданскаго истца или свидѣтелей, тотчасъ послѣ дачи показаній этими лицами, или-же въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, можетъ отказать обвиняемому въ выдачѣ копій до извѣстнаго времени. Слѣдственная политика требовала-бы иногда тайны слѣдственныхъ дѣйствій для обвиняемаго, но спрашивается, допускается-ли подобная тайна закономъ и не противорѣчитъ-ли она духу новаго уголовнаго судопроизводства. По отношенію къ показаніямъ лицъ, спрошенныхъ при слѣдствіи, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно; т. е. что показанія, данныя слѣдователю и слѣдовательно записанныя въ протоколъ, не могутъ быть тайною для обвиняемаго. Правда, на основаніи 446 ст. уст. уг. суд. свидѣтели, если окажется нужнымъ, могутъ быть допрошены въ отсутствіе обвиняемаго, но показанія ихъ должны быть прочтены обвиняемому въ силу 448 ст. уст. уг. суд.

Въ уставѣ не сказано, что показанія должны быть прочтены обвиняемому, тотчасъ послѣ ихъ дачи, или тотчасъ-же должны быть выданы ему копіи, если онъ того потребуетъ, но это прямо слѣдуетъ изъ принципа, принятаго нашимъ законодательствомъ, что обвиняемому должны быть предоставлены всѣ сред-

ства къ оправданію. Знать, какъ можно ранѣе о томъ, что показано лицами, спрошенными при слѣдствіи, есть одно изъ условій, при которыхъ для обвиняемаго возможно изысканіе всѣхъ средствъ къ оправданію. Если же слѣдователь обязанъ предъявить обвиняемому показанія лицъ, спрошенныхъ при слѣдствіи, немедленно послѣ его требованія о томъ, то немедленноже онъ долженъ выдать ему и копіи съ протоколовъ, если онъ будетъ просить о томъ. Мнѣніе это подтверждается примѣчаніемъ къ 475 ст. уст. уг. суд., изданія Собств. Его Имп. Вел. канцеляріи, гдѣ сказано: «При первоначальныхъ сужденіяхъ по этому предмету предполагалось постановить, что по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ слѣдователь выдаетъ имъ копіи съ протоколовъ и постановленій, если не встрѣтитъ къ тому препятствій въ видахъ открытія истины (объясн. записка 1863 г. стр. 217). При окончательномъ-же обсужденіи устава признано, что это послѣднее предположеніе не удовлетворительно: оно предоставляетъ слѣдователю право отказать участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, слѣдовательно обвиняемому, въ выдачѣ имъ копій съ слѣдственныхъ протоколовъ и постановленій, а такое право несогласно съ однимъ изъ первыхъ условій правосудія: предоставленія подсудимому всевозможныхъ средствъ оправданія».

При выдачѣ копій, на практикѣ, возникаетъ часто еще одинъ вопросъ: обязанъ-ли слѣдователь выдавать обвиняемому копіи съ такъ называемыхъ заявленій или докладныхъ записокъ, подаваемыхъ во время производства слѣдствія лицемъ потерпѣвшимъ или гражданскимъ истцомъ? Въ судебныхъ уставахъ подобныя заявленія и записки не предусмотрѣны. Здѣсь говорится только о первоначальныхъ жалобахъ потерпѣвшихъ лицъ (1 п. 297, 301, 303, 306 ст. уст. уг. суд.). На практикѣ-же часто случается, что лица потерпѣвшія подаютъ слѣдователю письменныя заявленія во время уже производства слѣдствій. Статья 475 уст. уг. суд. говоритъ: что слѣдователь обязанъ выдавать копіи съ постановленій и протоколовъ и не упоминаетъ ни о какихъ другихъ бумагахъ, имѣющихся въ слѣдствіи. Слѣдовательно вопросъ о копіяхъ съ заявленій, поставленный такъ просто, какъ поставленъ онъ выше, долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Но вопросъ этотъ нѣсколько усложняется въ томъ случаѣ, когда лице, подавшее заявленіе, при допросѣ у слѣдователя подтверждаетъ свое заявленіе и слѣдователь, не повто-

ряя въ протоколѣ содержаніе заявленія, записываетъ только, что допрашиваемый такое-то свое заявленіе вполнѣ подтверждаетъ. Спрашивается, какъ смотрѣть съ этого момента на заявленіе или докладную записку? Съ логической точки зрѣнія заявленіе или докладная записка становится частью протокола лица допрошеннаго, такъ какъ выраженіе въ протоколѣ: «подтверждаю свое такое-то заявленіе, нельзя не признать равносильнымъ полному прописыванію въ протоколѣ «содержанія заявленія и жалобы. Заявленіе и протоколъ съ этого момента не болѣе, какъ протоколъ, написанный на двухъ отдѣльныхъ листахъ бумаги. Отсюда, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что обвиняемый имѣетъ право требовать отъ слѣдователя выдачи копіи и съ заявленій лица потерпѣвшаго или гражданскаго истца, какъ скоро эти заявленія подтверждены этими лицами при допросѣ на слѣдствіи и подтвержденіе это занесено въ протоколъ.

И. П. Побѣдимовъ.

III.

О ПОРЯДКѢ ВОЗБУЖДЕНІЯ СУДЕБНАГО ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ДѢЛАХЪ О НАРУШЕНІЯХЪ ПЕЧАТИ, ПРЕДУСМОТР. 1035 СТ. УЛОЖ. О НАКАЗ.

Дѣло Энкенъ, возбудившее такое вниманіе и въ обществѣ и въ печати, досихъ поръ не забывается, благодаря тѣмъ неожиданнымъ послѣдствіямъ, которыя изъ него возникли. Въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей, отъ 13 марта, читатели узнаютъ, что столь извѣстный, признанный Московскими Вѣдомостями апокрифическимъ, документъ, постановленіе Московскаго Мироваго съѣзда о привлеченіи редакторовъ Московскихъ Вѣдомостей къ суду по 1035 ст. улож. о наказ. за статью по поводу рѣшенія по дѣлу Энкенъ оказывается дѣйствительнымъ, что это постановленіе было передано Прокурору Судебной Палаты, отъ него Судебному Слѣдователю и доходило съ прокурорскимъ заключеніемъ о прекращеніи въ Судебную Палату, которая дѣло и прекратила. Въ преслѣдованіи, которое готовилось противъ Московскихъ вѣдомостей, передовая статья видитъ значительную неправильность: «недавно въ № 51 Московскихъ Вѣдомостей по поводу одного изъ судебныхъ процессовъ, то и дѣло возбуждаемыхъ противъ редактора Русскихъ Вѣдомостей, мы имѣли случай указать на неправильности и явныя нарушенія закона, допускаемыя судебными лицами. Въ преслѣдованіи, которое предполагалось возбудить противъ нашей газеты, эта нестѣсненность закономъ выступаетъ еще рѣзче.»

Не касаясь вовсе существа дѣла, тѣмъ болѣе, что по немъ состоялось окончательное опредѣленіе Судебной Палаты, — мы постараемся разсмотрѣть процессуальные вопросы, возбужденные

передовой статьей. — Мы не беремъ на себя защиты дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ и ставимъ себѣ задачей исключительное изслѣдованіе вопроса о возбужденіи преслѣдованія по ст. 1035 улож. о наказ., путемъ подробнаго разбора и провѣрки положеній, выставленныхъ въ передовой статьѣ 13 марта.

Аргументація передовой статьи Московскихъ Вѣдомостей относительно неправильности предполагавшагося противъ этой газеты судебнаго преслѣдованія прежде всего клонится къ тому, — что «ни Мировому Съѣзду, ни прокурорскому надзору, ни иному какому либо установленію, кромѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и подчиненнаго ему главнаго управленія по дѣламъ печати, не предоставлено закономъ права возбуждать противъ печати преслѣдованіе по 1035 ст. — Далѣе читаемъ: «законъ отличаетъ преступнаго свойства отзывы о распоряженіяхъ правительственныхъ и постановленіяхъ судебныхъ (ст. 1035 улож. о наказ.) отъ оскорбленій, наносимыхъ посредствомъ клеветы (ст. 1039 улож. о наказ.) и брани (ст. 1040 улож. о наказ.) установленіямъ или служащимъ въ нихъ должностнымъ лицамъ», изъ коихъ только два послѣднія преступленія могутъ возбуждаться потерпѣвшими отъ нихъ лицами и установленіями,—между тѣмъ какъ преслѣдованія за преступленіе, предусмотрѣнное въ 1035 ст. равно и за всѣ другія преступленія печати, кромѣ клеветы, злословія и брани на отдѣльныя лица общества и установленія, «возбуждаются единственно цензурнымъ управленіемъ, которое имѣетъ своимъ спеціальнымъ и исключительнымъ назначеніемъ слѣдить за печатью! Всѣ эти положенія, по мнѣнію Московскихъ Вѣдомостей, явствуютъ изъ 9-го пункта гл. I прилож. къ примѣч. 4 ст. 5 т. XIV уст. ценз. по продолж. 1868 года, въ силу коего «ни одно установленіе, въ случаѣ замѣченныхъ имъ нарушеній по дѣламъ печати, не имѣетъ права возбуждать преслѣдованіе противъ виновныхъ, а должно для преслѣдованія ихъ обращаться чрезъ свое высшее начальство въ цензурное вѣдомство; «далѣе изъ 5 п. дополненія къ 1000 ст. уст. угол. суд. опредѣляющаго категорически, что помимо иниціативы главнаго управленія по дѣламъ печати, преслѣдованія противъ печати могутъ возбуждаться только въ двухъ случаяхъ: въ случаѣ оскорбленія частныхъ лицъ и въ случаѣ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и лицъ, наконецъ изъ 3 п. дополненія къ 1000 ст. устава въ коемъ указаны двѣ категоріи дѣлъ о нарушеніи

ляхъ печати подсудныхъ судебной палатѣ, причемъ къ одной отнесены — дѣла объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ и установленій, а къ другой — дѣла, «возбуждаемыя не иначе, какъ по иниціативѣ цензурнаго вѣдомства, и въ числѣ этихъ-то послѣднихъ, на ряду съ нарушеніями статей 181, 189, 274, 1036 и 1037, значатся и дѣла по нарушенію 1035 статьи.“

Да не посѣтуетъ на насъ читатель за эту длинную выписку. Мы серьезно относимся къ возбужденному въ передовой статьѣ вопросу и въ видахъ полнаго безпристрастнаго разъясненія его, приводимъ вполнѣ аргументы Московскихъ Вѣдомостей. И такъ никакому установленію, кромѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, не дано права возбуждать преслѣдованія по 1035 ст. улож. Однако мы тотчасъ вспоминаемъ Высочайше утвержденныя 20 ноября 1864 года правила о печатаніи судебныхъ рѣшеній, пунктами 3 и 4 которыхъ преслѣдованіе виновныхъ за нарушеніе должнаго уваженія къ судебному установленію, постановившему рѣшеніе, — при разборѣ рѣшенія въ печати, возлагается на прокурорскій надзоръ. — Что же какъ не нарушеніе должнаго уваженія къ судебнымъ рѣшеніемъ въ печати предусматривается 1035 ст. улож, о наказ.? Въ этомъ убѣждаетъ насъ текстъ этой статьи: «Напечатавшій оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій также дозволившій себѣ оспаривать въ печати обязательную силу законовъ и одобрять или оправдывать воспрещенныя ими дѣйствія съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе, подвергается .....» — Очевидно, что въ 1035 ст. говорится между прочимъ и объ оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывахъ относительно судебныхъ рѣшеній и что слѣдовательно эта статья состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ 3 и 4 пунктами правилъ о печатаніи судебныхъ рѣшеній, предусматривающими нарушеніе должнаго уваженія къ судебнымъ мѣстамъ. Но, если такимъ образомъ, за силою изложенныхъ законовъ, преслѣдованіе за оскорбительные отзывы въ печати о судебныхъ рѣшеніяхъ возлагается на прокуратуру, — то положеніе передовой статьи, будто никакому установленію кромѣ главнаго управленія по дѣламъ печати не дано права возбуждать преслѣдованія по ст. 1035—падаетъ само собою.— Второй доводъ передовой статьи Московскихъ Вѣдомостей отно-

сительно исключительнаго права главнаго управленія по дѣламъ печати возбуждать преслѣдованія по 1035 ст. заключается въ ссылкѣ на 9 п. гл. I прилож. къ примѣч. 4 статьи 5-й XIV т. по продолж. 1868 года. — Однако прочитывая этотъ законъ, мы находимъ вовсе не то, — что изъ него извлекаютъ Московскія Вѣдомости, а именно что будто-бы ни одно установленіе не имѣетъ права возбуждать помимо главнаго управленія по дѣламъ печати преслѣдованія въ случаѣ нарушенія предусмотрѣннаго 1035 ст. Въ этомъ законѣ именно говорится: «*ни одно административное установленіе.*» Очевидно, что законъ этотъ не примѣнимъ къ судебнымъ установленіямъ и очень понятно почему, — потому, что для судовъ существуютъ охраняющія ихъ правила печатанія судебныхъ рѣшеній 1864 года. Слово «*административное*», опущенное въ цитатѣ передовой статьи Московскихъ Вѣдомостей имѣетъ существенное значеніе. Далѣе изъ 5 п. временныхъ правилъ о печати 1866 г. (дополненіе къ ст. 1000 уст. угол. суд.) рѣшительно не слѣдуетъ того,—что угодно видѣть въ немъ Московскимъ Вѣдомостямъ, — а именно, чтобы главное управленіе по дѣламъ печати имѣло исключительную иниціативу по возбужденію судебнаго преслѣдованія по всѣмъ нарушеніямъ печати, — кромѣ двухъ категорій дѣлъ: объ оскорбленіи въ печати присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ п. 5. временныхъ правилъ 1866 г. гласитъ слѣдующимъ образомъ: «обязанность возбуждать преслѣдованіе (ст. 297 п. 2) по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ посредствомъ печати, лежитъ на главномъ управленіи по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетахъ, за исключеніемъ лишь случаевъ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. Въ сихъ послѣднихъ случаяхъ, преслѣдованіе виновнаго возбуждается прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ или сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе. Дѣла объ оскорбленіи частныхъ лицъ начинаются въ судахъ частными лицами на общемъ основаніи.» — Здѣсь иниціативѣ главнаго управленія по дѣламъ печати противопоставляется иниціатива присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ съ одной и иниціатива частныхъ лицъ съ другой. — Но чтобы иниціатива главнаго управленія по дѣламъ печати исключала иниціативу прокурора — изъ 5 п. временныхъ правилъ вывести никакъ нельзя.— Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ 1 п. временныхъ правилъ 1866 г. значится,—что нарушенія постановленій о

печати преслѣдуются общимъ порядкомъ съ означенными въ слѣдующихъ статьяхъ изъятіяхъ: изъятіе изъ общаго порядка заключается въ п. 5. и состоящихъ съ нимъ въ связи п. 6 и 7 въ томъ, что сообщенія главнаго управленія по дѣламъ печати и сообщенія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ объ оскорбленіи ихъ въ печати обязательны въ отношеніи начатія судебнаго преслѣдованія для прокурора,—который при томъ возбуждаетъ преслѣдованіе объ оскорбленіи въ печати присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ *«не иначе,* какъ по жалобамъ, объявленіямъ и сообщеніямъ потерпѣвшихъ».—Ясно,—что если-бы законъ хотѣлъ поставить прокурора вообще въ полную зависимость относительно преслѣдованія нарушеній печати отъ сообщеній главнаго управленія, подобно тому, какъ прокуроръ въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ присутственныхъ мѣстъ въ печати поставленъ въ зависимость отъ ихъ сообщеній, — то исключительная иниціатива главнаго управленія по нарушеніямъ въ печати была-бы точно означена въ законѣ наравнѣ съ исключительной иниціативой должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ и установленій и слова *«не иначе»* были-бы помѣщены какъ относительно сообщеній этихъ послѣднихъ лицъ, мѣстъ и установленій, такъ и относительно сообщеній главнаго управленія. — Такимъ образомъ мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что п. 5 временныхъ правилъ 1866 года не ограничиваетъ общее право прокуратуры возбуждать преслѣдованія по уголовнымъ дѣламъ и въ томъ числѣ по дѣламъ печати, исключительной иниціативой по послѣднимъ дѣламъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Что касается наконецъ до 3 п. временныхъ правилъ о печати 1866 г. (дополненіе къ 1000 ст. уст. угол. суд.) приводимаго Московскими Вѣдомостями въ опору своего взгляда,—то 3 п. говоритъ не о порядкѣ возбужденія преслѣдованія по дѣламъ печати, а о подсудности извѣстныхъ нарушеній въ печати судебной палатѣ. Касаясь слѣдовательно совершенно инаго вопроса 3 пунктъ временныхъ правилъ 1866 г. никакимъ аргументомъ служить не можетъ. Въ этомъ легко убѣдиться, прочитавъ подлинный текстъ 3 п. временныхъ правилъ 1866 года, «преступленія и проступки, означенные въ статьяхъ 181, 189, 274, 1035—1037 улож. о наказ. изд. 1866 года, а также дѣла объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій подлежатъ непосредственному разсмотрѣнію Судебной палаты.» Если передовая статья Московскихъ Вѣдомо-

стей говоритъ,—что въ числѣ перечисленныхъ въ этомъ пунктѣ нарушеній печати, возбуждаемыхъ не иначе какъ по иниціативѣ цензурнаго вѣдомства, находится и ст. 1035. — то это въ сущности повтореніе довода, основаннаго на 5 п. временныхъ правилъ, — а вовсе не самостоятельный доводъ.

Такимъ образомъ разборъ и провѣрка приводимыхъ передовой статьей Московскихъ Вѣдомостей законовъ приводитъ къ тому,— что ни приложеніе къ примѣч. 4 ст. 5 XIV т. уст. ценз. по продолж. 1868 года, — ни временныя правила о печати 1866 года (дополненіе къ 1000 ст. уст. угол. суд.), не установляютъ вообще исключительной иниціативы главнаго управленія по дѣламъ печати возбуждать преслѣдованіе по 1035 ст. улож. о наказ. не стѣсняютъ по этому предмету дѣятельности прокуратуры и совершенно согласуются съ правилами 1864 года о печати судебныхъ рѣшеній. Если же прокурорскій надзоръ имѣетъ право возбуждать преслѣдованіе по ст. 1035 улож. о наказ. на общемъ основаніи, — то очевидно нельзя требовать, чтобы въ каждомъ частномъ случаѣ нарушенія, предусмотрѣннаго этой статьей, прокурорскій надзоръ могъ бы преслѣдовать только тогда, если бы самъ непосредственно усмотрѣлъ это нарушеніе. Придти къ такому выводу — значило бы придти къ отрицанію всѣхъ общихъ правилъ нашего устава уголовнаго судопроизводства. Извѣстно что всѣ дѣла уголовныя раздѣляются на двѣ категоріи: на преслѣдуемыя не иначе какъ по жалобѣ, и — не преслѣдуемыя по мимо частной жалобы. Но не будетъ никакой неправильности, если въ дѣлахъ послѣдней категоріи судебное преслѣдованіе начинается вслѣдствіе поданной жалобы. Точно также прокуроръ, возбуждающій по собственной иниціативѣ всѣ уголовныя дѣла, кромѣ точно обозначенныхъ въ законѣ изъятій, не теряетъ таковой иниціативы вслѣдствіе принятія заявленій или сообщеній отъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ. — Таковыя сообщенія, на общемъ основаніи (ст. 297 уст. угол. суд., на которую находится ссылка въ п. 5 временныхъ правилъ) будутъ совершенно законны и по дѣламъ о нарушеніяхъ въ печати; пунктъ 5 временныхъ правилъ 1866 года въ связи съ п. 6 и 7 видоизмѣняетъ это общее начало только въ томъ отношеніи, что извѣстныя сообщенія присутственныхъ мѣстъ, а именно объ оскорбленіи ихъ въ печати обязываютъ во всякомъ случаѣ прокурора начать преслѣдованіе. Въ данномъ случаѣ, возникшемъ изъ дѣла Энкенъ, сообщеніе о воз-

бужденіи преслѣдованія по ст. 1035, какъ не подходящее подъ п. 5 временныхъ правилъ и не было обязательнымъ поводомъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія. Вотъ почему оно и было внесено въ палату съ заключеніемъ о прекращеніи.

Покончивъ съ 1035 ст. улож. о наказ. передовая статья утверждаетъ, что если-бы съѣздъ Московскихъ Мировыхъ Судей вознамѣрился преслѣдовать Московскія Вѣдомости по ст. 1039 и 1040 улож. о наказ., то былъ-бы не болѣе правъ. Мы не будемъ слѣдовать за Московскими Вѣдомостями, въ этомъ отношеніи,—такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ о порядкѣ преслѣдованія по 1035 ст. улож. о наказ. Очевидно съѣздъ былъ-бы неправъ, возбудивъ преслѣдованіе по 1039 и 1040 ст. улож. о наказ., — такъ какъ статья, побудившая съѣздъ обратиться къ прокурору съ просьбой о привлеченіи Московскихъ Вѣдомостей, заключалась въ обсужденіи судебнаго рѣшенія и такимъ образомъ въ случаѣ признанія ея преступною, — подходила бы подъ 1035 ст. улож. о наказ. Но для насъ является совершенною неожиданностію то обстоятельство, что передовая статья, ратуя противъ созданнаго ею предположенія о преслѣдованіи Московскихъ Вѣдомостей по 1039 и 1040 ст. улож. о наказ.,—ссылается на правила о печатаніи судебныхъ рѣшеній 1864 г, которыя совершенно разъясняютъ вопросъ о правѣ возбужденія преслѣдованія прокурорскимъ надзоромъ по 1035 ст. и совершенно опровергаютъ соображенія передовой статьи о невозможности возбужденія преслѣдованія по 1035 статьѣ другими установленіями, кромѣ главнаго управленія по дѣламъ печати. Остается только подивиться и пожалѣть, что при обсужденіи вопроса о статьѣ 1035 передовая статья игнорировала эти правила, которыми весь вопросъ разрѣшается.

Передовая статья оканчивается слѣдующимъ образомъ: «давъ ходъ постановленію съѣзда, прокурорскій надзоръ допустилъ по отношенію къ нашей статьѣ такое-же, если не большее нарушеніе первой статьи уст. угол. суд.—постановляющей, что «никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ опредѣленномъ правилами сего устава», — какое было допущено и при недавномъ случаѣ преданія суду редактора Русскихъ Вѣдомостей по требованію инспектора зданій Московскихъ Судебныхъ установленій. Въ виду столь часто повторяющихся правонарушеній этого рода, нельзя не пожелать,

чтобы были наконецъ приняты мѣры для предупрежденія въ будущемъ подобныхъ случаевъ, которые роняютъ достоинство судебныхъ учрежденій, и къ тому чтобы эти учрежденія не могли употребляться какъ орудіе для постороннихъ правосудію цѣлей.»

Но было-ли въ дѣйствительности допущено *правонарушеніе* относительно Московскихъ Вѣдомостей? Мы этого никакъ не думаемъ и старались показать въ нашей статьѣ, что передовая статья невѣрно толкуетъ, относящіяся къ данному вопросу, законы. Въ подтвержденіе нашего взгляда мы сошлемся въ заключеніе на дѣло Звенигородскаго и Арсеньева, производившееся въ 1867 году въ Петербургской судебной палатѣ и уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ въ качествѣ суда апелляціоннаго (суд. вѣст. 1866 г. № 1—5.).

Надворный совѣтникъ Арсеньевъ привлекался по этому дѣлу къ отвѣтственности прокуроромъ судебной палаты по обвиненію въ нѣсколькихъ проступкахъ печати и между прочимъ по 1035 ст. улож. о наказ. за напечатанную въ издаваемой имъ «*Петербургской газетѣ*» статью о новыхъ судебныхъ установленіяхъ. Арсеньевъ въ апелляціонномъ отзывѣ,—а защитникъ его въ словесныхъ объясненіяхъ въ сенатѣ, доказывали неправильность преслѣдованія по 1035 ст., — объясняя, что за силою 5 п. временныхъ правилъ о печати 1866 года, возбужденіе преслѣдованія по 1035 ст. улож. о наказ. принадлежитъ главному управленію по дѣламъ печати, а не прокурору. Однако правительствующій сенатъ отвергъ это объясненіе,—что видно изъ постановленнаго сенатомъ вопроса: «основательно-ли объясненіе Надворнаго Совѣтника Арсеньева о томъ, что за силою 5 п. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго совѣта уголовное преслѣдованіе за преступленіе, предусмотрѣнное 1035 ст. улож. о наказ., принадлежитъ не прокурору, а главному управленію по дѣламъ печати?» и резолюціи сената, по которой Арсеньевъ подвергнутъ отвѣтственности на основаніи 1035, 1039 и 1040 ст. — Затѣмъ въ мотивахъ послѣдовавшаго по сему дѣлу рѣшенія сената выставляются слѣдующія положенія относительно права прокурорской власти возбуждать преслѣдованіе по 1035 ст. улож. о наказ.

«По основнымъ началамъ уголовнаго судопроизводства, прокуроръ есть по преимуществу представитель обвинительной власти, возбуждающей уголовное преслѣдованіе во имя закона, и потому никакое ограниченіе его власти и обязанности въ этомъ

отношеніи не должно быть предполагаемо безъ яснаго и опредѣлительнаго указанія на то въ законѣ, такъ какъ изъятію изъ общаго правила не свойственно распространительное толкованіе. Въ силу этого, въ частности, хотя никакая административная власть не можетъ, помимо цензурнаго управленія, возбуждать уголовное преслѣдованіе за преступленіе или проступокъ по дѣламъ печати, но возбужденіе такого преслѣдованія прокуроромъ оставлено въ своей силѣ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что, въ случаѣ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ, преслѣдованіе виновнаго возбуждается прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ и сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе.»

В.

ПИСЬМА ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Дѣло внуковъ Людовика XVI.

Въ послѣднее время общественное вниманіе Франціи сосредоточено было на дѣлѣ гг. Нондорфъ, которое разсматривалось въ теченіе прошлаго мѣсяца въ Парижскомъ апелляціонномъ судѣ. Гг. Нондорфъ, Жанна Фридерика Эйнертъ, вдова Карла Вильгельма Нондорфъ, сынъ его Адельбертъ Нондорфъ, офицеръ голландской арміи и дочь Амелія Нондорфъ представили апелляціонную жалобу на рѣшеніе Парижскаго гражданскаго суда отъ 5 іюня 1851 года; *) по которому искъ гг. Нондорфъ о признаніи отца ихъ законнымъ сыномъ короля Людовика XVI и жены его Маріи Антуанеты и объ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства ко всему частному имуществу Бурбонской фамиліи, предъявленный къ графу Шамборъ, отвергнутъ всецѣло съ возложеніемъ на истцевъ судебныхъ издержекъ. Защиту дѣла гг. Нондорфъ принялъ на себя Жюль Фавръ.

Посреди реакціоннаго затишья, при полномъ отсутствіи событій, возбуждающихъ политическій интересъ, дѣло Нондорфъ составляло общую тему для всякаго рода преній, предположеній, догадокъ. Особенно живое сочувствіе встрѣтило это дѣло въ легитимистскихъ кружкахъ Бретани, въ которыхъ до сегодня не исчезла вѣра, что сынъ Людовика XVI, сначала объявленный умершимъ, а потомъ по приказанію Конвента розыскиваемый

*) Cod. civ. art. 2262.

по всей Франціи, еще живъ и рано или поздно сдѣлается законнымъ государемъ Франціи. Но и кромѣ легитимистскихъ кружковъ процессъ этотъ сильно задѣваетъ политическіе разсчеты французовъ, такъ какъ съ признаніемъ гг. Нондорфъ наслѣдниками Людовика XVI, при общей ненависти къ Бонапартамъ и полупрезрительному отношенію къ клерикальнымъ заявленіямъ графа Шамборъ, вопросъ о правахъ ихъ, какъ внуковъ Людовика XVI, на французскій престолъ выступаетъ самъ собою.

I.

Дѣло Нондорфъ носитъ въ высшей степени фантастическій характеръ. Ему присущи всѣ принадлежности истиннаго французскаго романа; тутъ есть и таинственное похищеніе ребенка и подмѣна его другимъ, бѣгство, романическія посѣщенія Парижа инкогнито, неудачные поиски, таинственныя преслѣдованія и покушенія на жизнь, не менѣе таинственное открытіе своего происхожденія друзьямъ и т. д. Словомъ фактическая оболочка такъ плотна, что разглядѣть за нею истину, пробраться сквозь рядъ вымысловъ на свѣтъ Божій есть дѣло почти невозможное.

Прежде нежели дѣло Нондорфъ въ первый разъ разсматривалось въ гражданскомъ судѣ, народная легенда о дофинѣ, передаваемая изъ устъ въ уста, воспроизводила въ слѣдующемъ видѣ исторію сына Людовика XVI.

Послѣ казни Людовика и Маріи Антуанеты малолѣтній сынъ ихъ оставался въ тюрьмѣ Темпль. Жена башмачника Симонъ, находившаяся при принцѣ, подкупленная золотомъ Конде, а равно и докторъ, одинъ изъ тайныхъ приверженцевъ покойнаго короля, навѣщавшій принца по распоряженію Конвента, рѣшились освободить его слѣдующимъ образомъ: докторъ предложилъ для подкрѣпленія силъ больнаго ребенка ежедневно заставлять его дѣлать гимнастическія упражненія на большой деревянной лошади. Муниципалы и тюремное начальство согласились на эту мѣру и докторъ заказалъ лошадь. Середина ея была пуста и заключала пространство, достаточное для помѣщенія ребенка однихъ лѣтъ съ принцемъ. 19 января 1794 г. г-жа Симонъ объявила, что она оставляетъ Темпль. Въ этотъ день докторъ привезъ въ тюрьму лошадь, внутри которой нахо-

дился нѣмой ребенокъ, однихъ лѣтъ съ принцемъ, одѣтый въ тоже платье, какое носилъ этотъ послѣдній и усыпленный при помощи наркотическихъ средствъ. Подмѣнъ совершился благополучно, и дофинъ, завернутый въ простыни, былъ положенъ въ видѣ узла съ бѣльемъ въ повозку, которая тотчасъ и скрылась. Коммиссары, замѣнившіе Симонъ при молодомъ принцѣ, объяснили въ составленномъ по этому случаю протоколѣ, что ребенокъ переданъ имъ въ добромъ здоровьѣ. Но это былъ нѣмой ребенокъ, который и умеръ 28 апрѣля 1795 года. Спасенный такимъ образомъ изъ Темпля, герцогъ Нормандскій былъ отвезенъ въ Бельгію и переданъ принцу Конде. Съ этого времени исторія его становится еще болѣе фантастична.

Конде, вмѣсто того, чтобы заявить о чудесномъ спасеніи ребенка, отсылаетъ его къ генералу Клеберу, который выдаетъ его за своего племянника. Опасаясь преслѣдователей, Клеберъ отправляетъ принца къ своему другу Дезе, который держитъ его при себѣ въ лагерѣ. Дезе умираетъ при Маренго, и герцогъ Нормандскій является въ Парижѣ, открывается Луціану Бонапарте, Фуше и Жозефинѣ, которая тотчасъ же узнала его. Узнала его также и Симонъ, находившаяся въ то время въ больницѣ неизлѣчимыхъ. Вскорѣ принцъ вступаетъ въ сношенія съ Моро, и Фуше отправляетъ его въ Америку. Послѣ приключеній въ родѣ Робинзона Крузо и послѣдняго изъ Могиканъ принцъ возвращается во Францію послѣ того какъ Бурбоны снова вступили на престолъ; но здѣсь его встрѣчаютъ новыя преслѣдованія. Несмотря на Конде, который зналъ принца, сестра его, герцогиня Ангулемская, отъ него отказывается. Онъ снова отправляется въ различныя путешествія по Азіи, Африкѣ и Египту и затѣмъ является въ Италіи. Въ 1834 году онъ вступаетъ въ заговоръ противъ правительства Людовика Филиппа; приговаривается къ двѣнадцатилѣтнему тюремному заключенію, но успѣваетъ бѣжать въ Лондонъ, гдѣ и живетъ съ большимъ комфортомъ. Затѣмъ онъ снова нѣсколько разъ является въ Парижѣ и умираетъ въ окрестностяхъ Вилла-франко. Вотъ въ какомъ видѣ до начала процесса Нондорфа слагалась легенда о судьбѣ Людовика XVII. Матеріаломъ для всевозможныхъ варіяцій на эту тему служила книга итальянца Сильвіо Пеллико «*Mes prisons*».

Дѣло Нондорфъ едва ли не седьмое во французскихъ судахъ, гдѣ вопросъ идетъ о притязаніи на титулъ и права сына Людо-

вика XVI. Съ 1800 года по 1874 тянется цѣлая серія дѣлъ о лжедофинахъ. Я постараюсь припомнить нѣкоторыя изъ нихъ и сообщить ихъ содержаніе въ общихъ чертахъ.

Первымъ по времени претендентомъ на титулъ и права сына Людовика XVI является нѣкто Жанъ-Мари Гервоголь. 18 февраля 1800 года, онъ представленъ былъ въ судъ въ Витри на Марнѣ по обвиненію въ мошенничествѣ и эксплуатаціи многихъ лицъ, а равно въ присвоеніи ложнаго имени и званія. Гервоголь объявилъ на судѣ, что онъ сынъ Людовика XVI, что его спасли преданные люди, которые спрятали его въ повозку съ бѣльемъ и на мѣсто его посаженъ былъ больной ребенокъ, который скоро умеръ подъ именемъ дофина. По справкамъ сдѣланнымъ полиціей, оказалось, что мнимый дофинъ есть не болѣе, какъ сынъ бѣднаго портнаго изъ Сен-Ло. Въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ бросилъ родителей, шатался по департаментамъ Кальвадосъ, Сены, Марна и др. Арестованный за бродяжничество сначала въ Гото, а потомъ въ Шербургѣ, онъ изъ снисхожденія къ его молодости, былъ отданъ на исправленіе отцу, но вскорѣ опять бѣжалъ и приговоренъ въ Шалонѣ 2 мая 1799 года къ мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, а затѣмъ 10 августа приговоренъ былъ въ Витрѣ къ двухълѣтнему заключенію въ тюрьмѣ за то, что продолжалъ выдавать себя за дофина. Эти неудачи не охладили желаніе Гервоголя называться дофиномъ, вслѣдствіе чего онъ снова былъ приговоренъ въ Витрѣ къ четырехълѣтнему тюремному заключенію и умеръ въ Бисетрѣ въ 1812 году.

Вторымъ претендентомъ былъ Матуренъ Брюно, сынъ башмачника изъ деревни Возсенъ (въ департаментѣ Луары). На десятомъ году отъ рожденія, онъ бросилъ семейство и началъ бродить по Франціи. Во время первыхъ экскурсій онъ выдавалъ себя за сына графа Везсенъ, прежняго владѣльца его деревни. Подъ этимъ именемъ его приняла къ себѣ графиня Тюрпенъ-Криссе и помѣстила у себя въ замкѣ. Но вскорѣ обманъ обнаружился и онъ былъ выгнанъ съ позоромъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ графиня Тюрпенъ изъ состраданія снова принимаетъ его, но уже не въ качествѣ сына одного изъ членовъ стараго аристократическаго рода, а въ качествѣ слуги. Въ 1803 году онъ находился въ пріютѣ призрѣнія нищихъ въ Сен-Денн. Въ 1805 году онъ отправился въ Америку на кораблѣ «*Сивилла*» и жилъ то въ Нью-Іоркѣ, то въ Филадельфіи въ услуженіи у

булочника и башмачника. Въ декабрѣ 1816 г. онъ высаживается въ Сен-Мало подъ именемъ Карла де Наварръ, гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь онъ сначала объявляетъ себя дофиномъ, но когда его заявленія были встрѣчены насмѣшками, онъ перемѣняетъ роль и выдаетъ себя за пропавшаго безъ вѣсти сына вдовы Филиппо. Простодушная женщина приняла его какъ сына, но онъ отблагодарилъ ее тѣмъ, что вскорѣ послѣ водворенія въ ея домѣ, укралъ восемь сотъ франковъ и скрылся. Нѣкоторое время спустя послѣ этого онъ попалъ въ тюрьму въ Англіи, откуда писалъ подъ именемъ дофина Бурбона письма къ англійскому королю, объявляя, что онъ сынъ Людовика XVI. Вслѣдствіе этихъ писемъ его переправляютъ во Францію, гдѣ онъ помѣщенъ былъ въ тюрьмѣ въ Руанѣ. Отсюда онъ посылаетъ письма къ герцогинѣ Ангулемской и нѣкоторымъ другимъ лицамъ съ цѣлью эксплуатировать ихъ довѣріе.

Любовь къ чудесному и слѣпая вѣра въ разсказѣ Матурена Брюно увеличиваетъ число его приверженцевъ, и въ самомъ Парижѣ образуется общество вѣрныхъ старой монархіи для собиранія добровольныхъ пожертвованій въ пользу дофина. 9 февраля 1818 года Матуренъ Брюно былъ привлеченъ къ суду исправительной полиціи въ Руанѣ вслѣдствіе обвиненія въ бродяжничествѣ, присвоеніи чужаго имени и мошенничествѣ. Дѣло его надѣлало много шума; засѣданіе продолжалось десять дней и Матуренъ Брюно былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію и къ тремъ тысячамъ штрафа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ сосланъ въ Каенну, послѣ чего исчезъ всякій слѣдъ его.

Послѣ Брюно одинъ за другимъ являются слѣдующіе претенденты: Жакъ Франсуа де Фросенъ, оказавшійся сумасшедшимъ, Викторъ Персо, старый отставной офицеръ, участвовавшій въ походѣ въ Россію, гдѣ онъ сошелъ съ ума; Ришмонъ, судившійся въ парижскомъ ассизномъ судѣ въ 1834 г. и приговоренный къ двѣнадцатилѣтнему тюремному заключенію; Еліезеръ Вильямсъ, миссіонеръ епископальной церкви, умершій въ новомъ Орлеанѣ и нѣсколько другихъ, между которыми одинъ, называвшій себя графомъ Линьи де Люксембургъ, умеръ въ Россіи въ 1867 г.

Если вѣрить французскимъ газетамъ, русскій фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій также считался сыномъ Людовика

XVI, но по словамъ Liberté *), онъ всегда упорно отказывался отъ всякаго родства съ Бурбонами. Но обратимся къ процессу гг. Нондорфъ. Онъ разсматривался впродолженіи семи дней, начиная съ 6-го февраля, съ большими промежутками между днями засѣданій. Стеченіе публики такъ было многочисленно, что нужны было десятки жандармовъ и городскихъ сержантовъ, чтобы удержать напоръ толпы, постоянно приливавшей въ огромныхъ размѣрахъ къ Palais de Justice. Когда въ залу засѣданія вошелъ Жюль Фавръ, сопровождаемый своими кліентами г-жею Ameліей, братомъ ея Аделбертомъ Нондорфъ и нѣкоторыми изъ друзей этихъ послѣднихъ, тотчасъ всѣ взоры обратились на этихъ замѣчательныхъ истцевъ, и каждый отыскивалъ въ лицѣ ихъ черты фамильнаго типа Бурбоновъ. Чрезвычайно выгодное впечатлѣніе производитъ Амелія Нондорфъ; въ ней болѣе нежели въ ея братѣ замѣтна аристократическая выдержка и манеры сильныхъ міра сего. Она живо напоминаетъ Марію Антуанету. Въ Адельбертѣ Нондорфъ также много сходства съ Людовикомъ XVI; круглая большая голова, тяжелая походка и бурбонскія черты лица. Графъ Шамборъ не счелъ нужнымъ явиться въ апелляціонный судъ, какъ и въ судъ первой инстанціи.

Прежде нежели приступлю къ изложенію въ высшей степени интересныхъ обстоятельствъ жизни Нондорфъ, я считаю нужнымъ привести буквально вступительную рѣчь Жюль Фавра, она въ высшей степени характеризуетъ тотъ фальшивый пріемъ который употребляютъ французскіе адвокаты въ защитѣ гражданскихъ дѣлъ. Рѣчи подобнаго склада мнѣ не разъ приходилось слышать въ Palais de Justice въ самыхъ обыденныхъ процессахъ въ родѣ взысканія неустойки по контрактамъ и т. п.

Мм. Гг.

«Съ небольшимъ сорокъ лѣтъ назадъ 26 мая 1833 г. одинъ человѣкъ еще въ полномъ обладаніи силъ, но согнутый отъ усталости, умирающій съ голоду, въ разодранномъ платьѣ, съ трудомъ говорящій на нашемъ языкѣ, вошелъ въ Парижъ, не зная, гдѣ найдетъ въ чемъ для себя прибѣжище. Онъ шелъ,

*) 1874 г. Mercredi 11 Fevrier.

проскользалъ черезъ многочисленную толпу; никто не обращалъ вниманіе на иностранца, который былъ никому неизвѣстенъ. Но внимательному наблюдателю легко было подмѣтить въ благородной мужественной фигурѣ выраженіе непоколебимой воли, глубокой вѣры въ тѣ предначертанія, которыя онъ стремился осуществить».

«Сначала онъ поселился въ самой скромной гостинницѣ, изъ которой вскорѣ долженъ былъ удалиться по не имѣнью средствъ; и вотъ онъ блуждаетъ цѣлый день по улицамъ и площадямъ, посѣщаетъ городскіе монументы, ночью же ищетъ пріюта подъ деревьями нашихъ гуляній. Однажды вечеромъ въ ужасную погоду онъ блуждалъ по большой дорогѣ; кладбище отца Лашеза, дававшее неоднократно пріютъ на ночь посреди могилъ, на этотъ разъ отказало ему въ своемъ уныломъ гостепріимствѣ. Передъ нимъ является ребенокъ ангелъ милости: граціозный, какъ его возрастъ. Онъ ведетъ его къ бѣдной престарѣлой женщинѣ, которая принимаетъ скитальца въ свою лачугу на Мениль-Монтанѣ и даетъ ему убогую постель, на которую онъ легъ, поблагодаривъ Бога, не совсѣмъ его оставившаго. Этотъ человѣкъ, этотъ неизвѣстный . . . . . его дѣти стоятъ теперь передъ этой рѣшеткой; они требуютъ возвращенія чести имъ принадлежащей, они провозглашаютъ имя герцога Нормандскаго, послѣдняго изъ потомковъ нашихъ законныхъ королей.»

«Да, Мм. Гг. тѣ, которые обязаны ему жизнью, требуютъ нравственнаго и гражданскаго возстановленія несчастнаго, котораго я вамъ представлю посреди еще болѣе ужасныхъ лишеній. Они здѣсь, сопровождаемые двумя благородными защитниками а) графомъ Грюо де ла Баръ, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жертвуетъ своимъ состояніемъ, жизнью для утѣшенія несчастія, который на порогѣ могилы дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы довершить торжество законныхъ требованій тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ внуками Людовика XVI и b) г. Ванбуренъ, первымъ адвокатомъ Роттердама, талантъ котораго высоко оцѣненъ всей Голландіей, и который по стеченію обстоятельствъ въ высшей степени необыкновенныхъ сдѣлался также однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ этого несчастнаго семейства. Онъ оставилъ свой кабинетъ, свою семью, все; онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ честь стоять со мною передъ этою рѣшеткой. Благодарю его во имя того братства, которое соеди-

няетъ адвокатовъ всѣхъ странъ и которое незнаетъ ни границъ, ни различія въ языкѣ.»

«Перенесемся на минуту мысленно въ убогую лачугу на Мениль-Монтанѣ. Этотъ человѣкъ, пришедшій изъ далекихъ концевъ чужой земли, незнающій языка того города въ который онъ вступилъ, не встрѣчающій никого, къ кому бы могъ обратиться, этотъ человѣкъ одинъ, безъ средствъ осмѣливается называть себя сыномъ Людовика XVI и это вопреки деклараціямъ всѣхъ правительствъ и даже болѣе, вопреки полнѣйшему ихъ успѣху; онъ одинъ, но тѣмъ не менѣе настаиваетъ на своемъ. Это маніакъ, иначе нельзя объяснить его поведеніе, такъ какъ иначе это самый дерзкій изъ смертныхъ; дѣло предпринятое имъ, есть дѣло сумасшествія или, даже болѣе, дѣло разврата. Это очевидно, нѣтъ никакого сомнѣнія. И однако же ни разу не сдѣлано было ему этого замѣчанія, никогда никто не сказалъ ему этого, а потому и мы отбросимъ его.»

«Но отвѣтчикъ? Оффиціально у меня нѣтъ его. Онъ не почелъ нужнымъ явиться предъ правосудіемъ. Что же это, презрѣніе? Я не могу этого подумать относительно графа Шамбора и не допущу обидной для него мысли, что это дѣлается съ его стороны изъ равнодушія или боязни. Это просто дѣло разсчета: онъ знаетъ, что за него бодрствуетъ государственный прокуроръ и мнѣ извѣстно, чего можно ждать отъ его безпристрастія. Онъ будетъ говорить во имя закона, одного только закона; съ нимъ онъ будетъ парить надъ фактами, которые мы изложимъ передъ вами. Я не произнесу ни одного слова, которое могло бы задѣть графа Шамборъ. Я ищу только истины. Я пришелъ сюда отъ имени чистаго, безупречнаго семейства, защищающаго память своего дорогаго и уважаемаго отца. Связанный съ этимъ дѣломъ долгимъ его изученіемъ, глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ его, а равно и несчастіемъ, я стану выше всякой суетности и раздраженія, подъ двойную охрану Вашего правосудія и того сочувствія, которое принадлежитъ несчастію».

Все это предисловіе, не смотря на большія ораторскія достоинства, плохо вяжется съ покойнымъ характеромъ защиты гражданскаго дѣла, основывающейся на однихъ холодныхъ логическихъ выводахъ. Картины въ гражданской защитѣ неумѣстны. Безполезно разсчитывать на чувствительность въ томъ случаѣ, когда защита имѣетъ передъ собою не судей по совѣсти,

а по степени удовлетворительности доказательствъ, требованіямъ логической или естественной очевидности, а между тѣмъ едва не каждый день въ Парижскомъ гражданскомъ судѣ слышатся подобныя рѣчи, произносимыя можетъ быть менѣе талантливыми говорунами и еще менѣе умѣстно. Гораздо естественнѣе и необходимѣе въ интересахъ самой защиты было бы вмѣсто этой ламентаціи указать на исходные пункты, отъ которыхъ отправлялось рѣшеніе суда первой инстанціи, отвергнувшаго искъ всецѣло. Этого требовала сложность и неясность редакціи рѣшенія первой инстанціи и двадцатилѣтній промежутокъ между нимъ и апелляціонной жалобой.

II.

Обращаюсь къ обстоятельствамъ жизни Нондорфъ. Въ процессѣ жизнь его начинается лишь съ 1810 года. Принцъ или Нондорфъ въ первый разъ является на сцену въ этомъ году, въ Берлинѣ, часовыхъ дѣлъ мастеромъ, двадцатипяти лѣтъ отъ рожденія. Всѣ событія предшествующаго пятнадцатилѣтняго періода отъ 1795 г. т.-е. отъ времени освобожденія изъ Темпля до вступленія въ Берлинъ остаются за сценой скрыты отъ судей и публики. Мимоходомъ въ общихъ выраженіяхъ упоминается, что Нондорфъ путешествовалъ по Италіи, Англіи и т. д. но въ цѣломъ процессѣ ни одной подробности, ни одного указанія на окружающія его лица, связи, отношенія. Гдѣ онъ аходился послѣ освобожденія изъ Темпля на десятомъ году отъ рожденія? На чьемъ попеченіи? Кто изъ роялистовъ принималъ участіе въ его дальнѣйшей судьбѣ? Почему онъ не былъ отправленъ къ австрійскому двору, куда была отвезена сестра его? Ни одного указанія, ни одного намека на прошлое ни въ документахъ, ни въ рѣчи Жюль Фавра, какъ бы его вовсе несуществовало.

О жизни Нондорфъ въ Берлинѣ Жюль Фавръ разсказываетъ слѣдующее: «если заглянуть за двадцать три года назадъ на положеніе Нондорфа отъ того времени, когда онъ входилъ въ Парижъ, мы находимъ его посреди обстоятельствъ почти тождественныхъ съ тѣми, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ. Въ это время онъ входилъ въ Берлинъ имѣя въ рукахъ только паспортъ ему не принадлежащій и данный изъ состраданія однимъ человѣкомъ, который тотчасъ же исчезъ. Ему было двад-

цать пять лѣтъ; онъ поселился въ скромной комнаткѣ, чтобы заниматься ремесломъ часовщика. Это было въ 1810 году. Нѣкоторое время онъ жилъ въ полной неизвѣстности и уединеніи которое наиболѣе удовлетворяло его вкусамъ. Его паспортъ очевидно не соотвѣтствовалъ ни его возврасту, ни его наружности, тѣмъ не менѣе берлинская полиція нѣкоторое время довольствовалась имъ, какъ однажды онъ вызванъ былъ дать объясненія. Сначала онъ настаивалъ передъ полицейскимъ чиновникомъ, что онъ дѣйствительно Нондорфъ, но мало по малу, разбиваемый въ своихъ доказательствахъ, этотъ ремесленникъ часовщикъ бросается къ его ногамъ и объявляетъ, что онъ сынъ Людовика XVI, освобожденный изъ Темпля неизвѣстными друзьями, скрываемый въ замкѣ, затѣмъ снова схваченный и содержимый многіе годы въ тюрьмѣ, откуда онъ былъ спасенъ еще разъ, путешествовалъ по Италіи, Англіи и наконецъ прибылъ въ Берлинъ, имѣя паспортъ, данный неизвѣстнымъ ему человѣкомъ. Странное дѣло! высшій чиновникъ полиціи не обнаружилъ передъ этимъ открытіемъ почти никакого удивленія, онъ потребовалъ доказательствъ; Нондорфъ имѣлъ въ своихъ рукахъ нѣсколько бумагъ, зашитыхъ въ платье, между которыми находилось собственноручное письмо Людовика XVI, которое онъ и передалъ полицейскому чиновнику по имени Лекоку. Тотчасъ же Лекокъ объявилъ Нондорфу, что онъ не можетъ продолжать жить въ Берлинѣ, что ему нужно удалиться въ Спандау, приписаться въ граждане этого города и что онъ, Лекокъ, принимаетъ на себя устранить всѣ могущія встрѣтиться въ этомъ дѣлѣ затрудненія. Необходимо было имѣть одинъ документъ —актъ о рожденіи; Лекокъ даетъ ему удостовѣреніе вполнѣ замѣняющее этотъ актъ. Нондорфъ отправляется въ Спандау и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, 25-го ноября 1812 года, подалъ просьбу о принятіи его въ число гражданъ.»

Жюль Фавръ представляетъ суду свидѣтельство, выданное Лекокомъ и протоколъ, отъ 8-го декабря 1812 года, о принятіи Нондорфа въ число гражданъ Спандау. Во всемъ этомъ Жюль Фавръ старается доказать присутствіе чего то необыкновеннаго.» Какимъ образомъ, говоритъ онъ, документы, необходимые для приписки въ граждане, актъ рожденія и т. д. могли быть замѣнены однимъ полицейскимъ свидѣтельствомъ? Я не могу дать этому другаго объясненія, какъ то, что полиція столько

же протежировала принцу, сколько и преслѣдовала его, что надъ нимъ было какое то оффиціальное покровительство, причина котораго скрывается въ государственной тайнѣ. Вотъ почему съ однимъ только свидѣтельствомъ Лекока иностранецъ Нондорфъ безъ всякихъ разсужденій вносится въ списки гражданъ Спандау.» Жюль Фавръ предъявляетъ удостовѣреніе, выданное магистромъ Спандау, что никакого другаго документа кромѣ свидѣтельства Лекока для приписки Нондорфъ представлено не было.

Отъ 1812 года по 1815 г. Нондорфъ спокойно живетъ въ Спандау, находя средство къ существованію въ ремеслѣ часовщика, но его импонирующая наружность возбуждаетъ подозрѣніе и толки относительно его происхожденія. Наступилъ 1814 годъ. Зданіе Наполеоновской имперіи рухнуло; Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ Франціи и тогда Нондорфъ въ августѣ 1815 года пишетъ герцогинѣ Ангулемской письмо, которое Жюль Фавръ представляетъ суду. Въ немъ содержатся воспоминанія и подробности бѣгства въ Варренъ. Съ этого времени начинаются попытки Нондорфа войти въ сношенія съ королевскимъ семействомъ. По словамъ Жюль Фавра, въ его рукахъ находятся письма отъ 1816 и 1818 годовъ, адресованныя на имя герцогини Ангулемской и герцога де Берри, которыя онъ не представляетъ суду, а говоритъ только, что всѣ онѣ остались безъ отвѣта, и положеніе Нондорфа неизмѣнилось. Но странное дѣло, что до 1815 года его кліентъ, ни изъ Берлина ни изъ путешествій по Италіи и Англіи, о которыхъ онъ говорилъ полицейскому чиновнику, не пишетъ ни одной строки ни сестрѣ своей герцогинѣ Ангулемской, ни другимъ лицамъ. Допустить что онъ не зналъ о судьбѣ своей сестры невозможно, такъ какъ во время первой имперіи о ней знала вся Франція. Заявить о себѣ тѣмъ болѣе было необходимо, что, какъ мы уже говорили, явились другіе претенденты на имя и права Людовика XVII. Наконецъ онъ имѣлъ покровителей въ лицѣ приверженцевъ старой монархіи, которые по его разсказу спасли его изъ Темпля и готовы были на всякаго рода услуги. Между тѣмъ ни объ одномъ письмѣ къ нимъ нѣтъ и помину.

Въ 1817 году Нондорфу представился случай весьма благопріятный доставить заявленіе о себѣ прямо королю. Онъ встрѣтилъ въ Спандау французскаго офицера по имени Марасена, который отправлялся во Францію. Онъ разсказалъ ему свою исто-

рію и вручилъ нѣкоторыя бумаги для передачи королю. Съ этого времени всякій слѣдъ Марасена исчезъ окончательно. Въ слѣдующемъ году Нондорфъ вступаетъ въ бракъ съ дочерью спандаускаго бюргера, но прежде нежели обвѣнчаться съ нею, онъ хотѣлъ предупредить объ этомъ свое семейство и написалъ два письма, одно, отъ 18 сентября 1818 года, на имя герцога де Берри, другое, отъ 25 сентября, на имя герцогини Ангулемской. Жюль Фавръ читаетъ оба эти письма, въ которыхъ подробно описываются обстоятельства бѣгства въ Варренъ и обстановка помѣщенія королевскаго семейства въ Темплѣ. Цѣль представленія суду этихъ писемъ Жюль Фавромъ понятна; доказать, что его кліенту, какъ члену королевской семьи, были извѣстны мельчайшія обстоятельства бѣгства въ Варренъ и тюремная обстановка, но то и другое было извѣстно весьма многимъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ королевскому семейству. По словамъ Жюль Фавра оба письма оставлены безъ отвѣта, что всего страннѣе, противъ автора ихъ невозбуждено никакого преслѣдованія.

Между тѣмъ для вступленія въ бракъ Нондорфу необходимо было представить актъ о рожденіи. Гдѣ взять его? «Я имѣю свидѣтельство, говоритъ Жюль Фавръ, выданное прусскимъ консуломъ въ Роттердамѣ, изъ котораго видно, что бракъ совершенъ былъ безъ надлежащихъ документовъ по распоряженію свыше. Откуда эта постоянная протекція, которая всякій разъ выручаетъ Нондорфа изъ затрудненій? Я спрашиваю г. прокурора, который занимаетъ здѣсь мѣсто отвѣтчика. Что это за власть, что за опека прусскаго правительства, приказывающая безъ документовъ совершить бракъ? Здѣсь кроется государственная тайна.»

31 Августа 1819 года у Нондорфа родилась дочь. Онъ пишетъ герцогинѣ Ангулемской по этому случаю письмо слѣдующаго содержанія:

«Я не рѣшаюсь дать ей Ваше имя; это напомнило бы мнѣ жестокое прошедшее; но я далъ ей имя Амелія. Этотъ выборъ долженъ сохранить въ моей памяти несчастное путешествіе въ Варренъ..... Кто могъ сказать мнѣ, что столько лѣтъ спустя я дамъ моему первому ребенку имя Амелія, которое Вы носили во время путешествій».

Но и на это письмо, какъ на предыдущее, отъ герцогини Ангулемской не было никакого отвѣта. Тогда Нондорфъ рѣ-

шился выступить на другую дорогу. 27 Марта 1820 года онъ пишетъ прусскому министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующее письмо.

Спандау 27 марта 1820 года.

Милостивый Государь!

«Изъ тѣхъ документовъ, которые Вы вытребовали отъ меня въ 1811 г. черезъ г. Лекока, именемъ вашего государя, вамъ извѣстно уже, что мнѣ исполнилось 35 лѣтъ. Вы знаете, какъ меня, такъ и то имя, подъ которымъ я проживаю здѣсь. Въ настоящее время я отецъ семейства, слѣдовательно на мнѣ лежитъ священная обязанность предоставить моимъ дѣтямъ по крайней мѣрѣ мое настоящее имя. Молчаніе, которое вы хранили до сего дня, заставляетъ меня предполагать, что и вы въ числѣ моихъ политическихъ враговъ. Я не прошу у васъ справедливости, нѣтъ! Но я умоляю васъ возвратить мнѣ тѣ бумаги, которыя вы отъ меня взяли. Я не имѣю никакого намѣренія возмущать спокойствіе моего отечества. Но, имѣя дѣтей я не могу оставить за собою то имя, которое дала мнѣ ваша политика. Если вы не можете ни чего для меня сдѣлать безъ соизволенія вашего государя, и если вы не захотите удовлетворить моей справедливой просьбы, то я прошу васъ выдать мнѣ паспортъ въ Парижъ подъ моимъ настоящимъ именемъ.

«Вслучаѣ, если вы оставите и это письмо безъ отвѣта, я найду средства лично обратиться къ государю, такъ какъ истинѣ нечего бояться, кого бы то ни было.

Карлъ Людовикъ, герцогъ Нормандскій.

Прочитавъ это письмо Жюль Фавръ обращается къ суду съ слѣдующими словами: «я спрашиваю васъ, гг. судьи, какимъ образомъ подобное письмо могло быть написано въ такой странѣ, какъ Пруссія, безъ того, чтобы не поплатиться за него по меньшей мѣрѣ тюрьмой? Развѣ можетъ министръ, получивъ такое письмо отъ гражданина Спандау, удовольствоваться только тѣмъ, что оставить его безъ отвѣта? Для меня такое молчаніе не понятно, если не было особой причины; и эту причину я нахожу въ постоянной протекціи тому, кого прусскія власти ввели и поддерживали въ Спандау».

Послѣ этого Жюль Фавръ переходитъ къ обстоятельствамъ обвиненія Нондорфа въ поджигательствѣ и фабрикаціи фальшивой монеты. Инкогнито его угрожало быть открытымъ. Жюль Фавръ разсказываетъ по этому поводу слѣдующій эпизодъ: Нондорфъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Прейсъ. Однажды г-жа Прейсъ, войдя въ комнату, которую только что оставилъ Нондорфъ, нашла на его постелѣ медальонъ съ портретомъ Людовика XVI. Возвратившись Нондорфъ видитъ медальонъ въ рукахъ г-жи Прейсъ. На минуту онъ стоитъ неподвижный, какъ пораженный громомъ, затѣмъ въ томъ состояніи, въ которомъ человѣкъ съ полнымъ самообладаніемъ способенъ выдать самыя сокровенныя свои мысли, онъ воскликнулъ, указывая на небо: «также вѣрно, что есть Богъ на небѣ, этотъ человѣкъ—мой отецъ! Не говорите объ этомъ никому; эта тайна погубитъ васъ и меня.»

Что доказываетъ эта непрошенная исповѣдь? Трудно понять зачѣмъ Жюль Фавръ вводитъ этотъ эпизодъ въ свою защиту, ничѣмъ не подтвердивши его существованіе. Г-жи Прейсъ нѣтъ въ живыхъ и никакихъ письменныхъ заявленій съ ея стороны объ этомъ фактѣ не представлено. Если даже и допустить, что все это происходило на самомъ дѣлѣ, то имѣетъ ли это обстоятельство значеніе юридическаго доказательства въ гражданскомъ процессѣ? Развѣ не могло быть, что задавшись идеей провозгласить себя дофиномъ, Нондорфъ увидѣлъ въ этомъ случаѣ возможность удачно разыграть комедію.

Послѣ происшествія съ г-жею Прейсъ, Нондорфъ, по словамъ Жюль Фавра, изъ страха, что его инкогнито будетъ открыто, проситъ позволенія перемѣнить мѣстопребываніе. Ему назначается для жительства городъ Бранденбургъ въ 140 километрахъ отъ Берлина, довольно густо населенный, гдѣ слѣдовательно онъ менѣе рисковалъ быть узнаннымъ. Но и на этотъ разъ является тоже самое затрудненіе, т.-е. приписка въ граждане Бранденбурга, которое впрочемъ было устранено также какъ и первая посредствомъ вмѣшательства полицейской власти. Жюль Фавръ представляетъ суду протоколъ о принятіи Нондорфа въ граждане Бранденбурга, отъ 26 февраля 1822 г., въ которомъ значится лишь то, что нѣтъ никакого препятствія къ принятію Нондорфа въ граждане города и предоставленію ему правъ, съ этимъ званіемъ соединенныхъ.

Въ Бранденбургѣ Нондорфъ поселился въ маленькомъ доми-

кѣ близъ театра. Театръ сгорѣлъ, а съ нимъ и домъ Нондорфа и его имущество. Къ довершенію несчастій его обвиняютъ въ поджогѣ; едва только это обвиненіе было устранено, какъ является другое въ фабрикаціи фальшивой монеты. Слѣдствіе продолжалось цѣлый годъ и въ теченіе этого времени Нондорфъ находился въ секретной камерѣ. Слѣдственный судья рѣшился, во чтобы то нестало, добиться отъ Нондорфа, кто онъ такой. Послѣ долгихъ увѣреній въ дѣйствительности своего вымышленнаго имени Нондорфъ объявляетъ, что онъ наслѣдный французскій принцъ, и если правосудіе желаетъ выяснить его происхожденіе, то оно можетъ обратиться къ Его Величеству королю Пруссіи, которому извѣстно все. Уголовный судъ не призналъ Нондорфа виновнымъ въ фабрикаціи фальшивой монеты, но, принимая во вниманіе, что подсудимый въ продолженіи процесса, выражаясь словами судебнаго рѣшенія, велъ себя какъ наглый лжецъ, называясь принцемъ крови и членомъ августѣйшей фамиліи Бурбоновъ, приговорилъ его къ тюремному заключенію на три года.

Этотъ приговоръ уничтожаетъ для суда всякую возможность убѣдиться въ томъ, что говоритъ Жюль Фавръ объ отношеніи прусскаго двора къ Нондорфу т. е. что прусскія власти покровительствовали его кліенту, потому что знали о его высокомъ происхожденіи. Какъ объяснить, что въ виду тѣхъ же властей показаніе Нондорфа, что онъ сынъ Людовика XVI, данное слѣдственному судьѣ, въ закрытомъ процессѣ, ведетъ его въ тюрьму на три года?

По выходѣ изъ тюрьмы Нондорфу назначается для жительства городъ Кроссенъ. Сначала жизнь его здѣсь была крайне тяжела. Онъ былъ отданъ подъ надзоръ синдика и королевскаго коммиссара юстиціи Г. Пецольда, который обходился съ нимъ высокомѣрно и жестоко. Однажды, находясь въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, разсказываетъ Жюль Фавръ, въ томъ состояніи, когда человѣкъ готовъ покончить съ собою, Нондорфъ видитъ, что дверь его отворяется и входитъ Пецольдъ. Онъ садится около него, разговариваетъ, утѣшаетъ, требуетъ отъ него довѣрія. Нондорфъ открываетъ ему свое происхожденіе и съ этого времени Пецольдъ дѣлается однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей его. Въ 1829 году Пецольдъ выступаетъ открыто на защиту правъ Нондорфа. Черезъ посредство герцогини Дама онъ посылаетъ письмо герцогини Ангулемской, въ которомъ проситъ

ее принять наконецъ участіе въ дѣлѣ ея брата и получаетъ въ отвѣтъ отъ герцогини Дама слѣдующее письмо.

Милостивый Государь!

Я получила ваше письмо и передала его ея Высочеству, которая уполномочила меня передать вамъ, что она никоимъ образомъ не хочетъ вмѣшиваться въ то дѣло, въ которомъ вы желали бы видѣть ея участіе. Сообщая вамъ объ этомъ, имѣю честь быть и прочее.

Герцогиня Дама.

26 Іюня 1829 года.

Странное дѣло, замѣчаетъ Жюль Фаврѣ, чѣмъ объяснить это постоянное молчаніе, не сопровождаемое никакими мѣрами противъ самозванца, если онъ дѣйствительно таковъ? Почему ни однимъ словомъ герцогиня Ангулемская не разубѣждаетъ этого честнаго человѣка Пецольда, который выступаетъ на опасную дорогу, дѣлаясь сообщникомъ авантюриста? Такой же отвѣтъ Пецольдъ получаетъ отъ австрійскаго и другихъ дворовъ, къ которымъ онъ обращался съ просьбой объ участіи. Тогда онъ открываетъ компанію противъ собственнаго правительства и пишетъ прусскому министру юстиціи слѣдующее письмо:

Нондорфъ носитъ вымышленное имя, которое дали ему обстоятельства прошедшаго времени. Онъ французъ по рожденію и сынъ несчастнаго короля Людовика, XVI, умершаго на эшафотѣ, слѣдовательно онъ есть дофинъ Франціи, герцогъ нормандскій; котораго исторія считаетъ умершимъ, подъ именемъ Людовика XVII короля Франціи. Имѣя отъ него довѣренность я передалъ 4 Марта этого года въ руки Г. Альбрехта, совѣтника кабинета Его Величества, біографію моего довѣрителя, прося позволенія напечатать ее. Г. Альбрехтъ сказалъ мнѣ съ чувствомъ состраданія, что со стороны Е. В. ничего не можетъ быть сдѣлано для Г. Нондорфа, потому что онъ два раза находился подъ судомъ.

Имѣя въ виду, убѣдить Г. Альбрехта въ невинности моего довѣрителя и принимая во вниманіе, что тоже самое возраженіе я встрѣтилъ отъ посланниковъ саксонскаго и гессенскаго, я осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство приказать Бранденбургскому суду выдать мнѣ дѣло по обвиненію часовщика

Нондорфъ въ поджогѣ и поддѣлкѣ монеты, такъ какъ я уполномоченъ представить просьбу о пересмотрѣ его и проч.

По словамъ Жюль Фавра, министръ въ своемъ отвѣтѣ Пецольду говоритъ только о біографіи переданной королю, а обовсемъ остальномъ ни слова. 24 Сентября 1831 года Пецольдъ представляетъ просьбу самому королю, въ которой ходатайствуетъ о пересмотрѣ этихъ двухъ дѣлъ. Вслѣдствіе личнаго вмѣшательства короля дѣло пересылается въ Кроссенъ, но остается тамъ только нѣсколько часовъ, потому что тотчасъ же былъ полученъ приказъ объ обратной его присылкѣ. Наконецъ Пецольдъ обращается къ прессѣ. Нѣсколько статей было напечатано въ нѣмецкихъ журналахъ, какъ вмѣшивается французское посольство и дѣло Нондорфъ въ печати прекращается.

Посреди такого положенія дѣла Пецольдъ внезапно умираетъ. Причина его смерти одному богу извѣстна, говоритъ Жюль Фавръ, и я не рискну проникнуть въ глубину этой тайны, тайны по преимуществу. Вслѣдъ за тѣмъ въ Лейпцигской газетѣ Комета, напечатана была статья направленная противъ Нондорфа, заключающая въ себѣ обвиненіе въ самозванствѣ и разныхъ преступленіяхъ. Нондорфъ печатаетъ отвѣтъ на эту статью, въ которомъ объявляетъ, что всѣ его бумаги переданы прусскому королю. Статья Нондорфа не вызвала никакихъ мѣръ противъ него со стороны правительства. Какимъ образомъ законъ, говоритъ Жюль Фавръ, бездѣйствуетъ въ виду дерзкихъ выходокъ человѣка, который называетъ себя принцемъ изъ фамиліи Бурбоновъ и заявляетъ печати, что бумаги, доказывающія его происхожденіе, онъ передалъ прусскому правительству, которое ихъ удерживаетъ? Жюль Фавръ, разсказываетъ далѣе, что журналистъ, напечатавшій статью противъ Нондорфа, послѣ его отвѣта отправляется къ нему въ Кроссенъ, долго бесѣдуетъ съ нимъ, узнаетъ въ немъ дофина Франціи и печатаетъ новую статью, въ которой публично сознается въ своей ошибкѣ. Жюль Фавръ читаетъ ее передъ судомъ.

Наступаетъ 1832 годъ и Нондорфъ является въ Парижѣ въ томъ положеніи, которое изображаетъ вступительная рѣчь Жюль Фавра. Его привели сюда, по словамъ защиты, желаніе имѣть лично свиданіе съ людьми, посреди которыхъ прошло его дѣтство. Нянькой дофина была Г-жа Рамбо. Вотъ что пишетъ о свиданіи Нондорфа съ Г-жею Рамбо нѣкто Жофруа, смотритель архива, почти единственный изъ оставшихся въ живыхъ свидѣ-

телей, котораго Жюль Фавръ предлагаетъ суду вызвать въ засѣданіе для допроса: «мнѣ сообщены пишетъ Жофруа, весьма важныя письма Пецольда коммиссара юстиціи въ Пруссіи..... Я отправился тотчасъ на свиданіе съ Г. Шарль (такъ онъ называетъ Нондорфа). Выговоръ у него иностранный, часто въ разговорѣ недоставало у него словъ, но манеры аристократическія и въ чертахъ лица поразительное сходство съ тѣми, родство съ которыми онъ доказываетъ. Вскорѣ послѣ этого я былъ у Г-жи Сент-Илеръ, бывшей придворной дамы императрицы Жозефины. Она сказала мнѣ, что знаетъ въ Парижѣ одну старуху по имени Рамбо, бывшую няньку дофина и уполномочила меня предложить ей взглянуть на Нондорфа и сказать свое мнѣніе. Я отправился въ Парижъ къ Рамбо, она охотно согласилась слѣдовать за мною, взяла дѣтское платье, которое носилъ дофинъ будучи шести или семи лѣтъ и поясной портретъ Маріи Антуанеты, изображенной въ траурѣ. Мы вошли въ домъ. Нѣсколько минутъ спустя явился Г. Шарль. При его входѣ Г-жа Рамбо мгновенно встала и опять тотчасъ же опустилась на стулъ безъ всякаго повидимому волненія. Она не объявила ему своего имени, но сказала только, что была въ штатѣ прислуги королевы. Вы Г-жа Рамбо, сказалъ Нондорфъ, ахъ, я очень счастливъ! Тогда Г-жа Рамбо съ смѣшаннымъ чувствомъ сомнѣнія и любопытства сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ о Г-жѣ Турзель его гувернанткѣ, объ аббатѣ Даво учителѣ и другихъ лицахъ. Всѣ отвѣты Нондорфа удовлетворяли ее вполнѣ. На нѣкоторые же вопросы ея онъ прямо отвѣчалъ, что забылъ. Ничего не было сказано въ половину или наугадъ. Онъ беретъ портретъ королевы изъ рукъ Г-жи Рамбо и плачетъ. Скрывая свои впечатлѣнія Рамбо говоритъ ему: я сохранила на память о дорогомъ принцѣ его дѣтское платье, потому, что меня не хотѣли допустить къ нему въ Темпль съ Г-жею Турзель, можетъ быть вы вспомните, при какихъ обстоятельствахъ вы надѣвали его въ Тюльери? Въ то время какъ передъ Нондорфъ развернуто было платье свѣтло-голубаго цвѣта онъ воскликнулъ: о! я помню его хорошо: это было не въ Тюльери, а въ Версалѣ на праздникѣ; я думаю, что я его не надѣвалъ послѣ праздника, потому что оно было мнѣ узко. Послѣ этого Рамбо не могла уже сдерживать своихъ чувствъ и бросилась передъ нимъ на колѣни. Только мой принцъ могъ мнѣ сказать это. Она сжимала его руки, слезы текли изъ ея глазъ.»

Послѣ письма Жофруа прочитывается письменное показаніе, оставленное Г-жею Рамбо, слѣдующаго содержанія:

«Я Рамбо, въ случаѣ если умру прежде признанія принца сыномъ Людовика XVI и Маріи Антуанеты свидѣтельствую подъ присягой передъ Богомъ и людьми, что 17 Августа 1833 года я отыскала герцога Нормандскаго, котораго была нянькой со дня рожденія до 10 Августа 1792 года, и такъ какъ на мнѣ лежитъ обязанность сообщить объ этомъ Ея Королевскому Высочеству герцогинѣ Ангулемской, то я написала ей обо всемъ этомъ. Копію съ моего письма прилагаю при семъ.»

«Примѣты которыя я сдѣлала надъ дофиномъ еще въ младенчествѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно тождества его съ тѣмъ, кого я нашла. Принцъ имѣлъ въ дѣтствѣ короткую шею, сморщенную необыкновеннымъ образомъ, и я всегда говорила сама себѣ, что это будетъ для меня вѣрнымъ знакомъ, если я когда нибудь его встрѣчу. Голова его была большая, лобъ широкій и открытый, голубые глаза, дугообразныя брови и волосы пепельнаго цвѣта, вьющіеся отъ природы. Онъ имѣлъ такой же ротъ, какъ и королева и маленькую ямочку на щекѣ. Грудь его была высокая, у него много было природныхъ знаковъ особенно на правой сторонѣ груди. Это то самое лицо, которое я опять увидала, это принцъ и однихъ лѣтъ съ нимъ».

«Принцу была привита оспа въ Сен-Клу, когда ему было два года и четыре мѣсяца. Свидѣтельница оспопрививанія я утверждаю теперь, что я нашла на немъ тѣже знаки, имѣющіе форму креста.»

«Мы обмѣнялись воспоминаніями, которыя служили для меня неопровержимымъ доказательствомъ, что онъ именно есть настоящій принцъ *«сирота Темпля»*

Вдова Рамбо.

Жюль Фавръ не однимъ словомъ не комментируетъ это письмо. Онъ не говоритъ ни о его подлинности, ни о личныхъ свойствахъ Г-жи Рамбо. Нравственное качество ея какъ свидѣтельницы, Жюль Фавръ повидимому ставитъ внѣ всякихъ возраженій и обходитъ одно изъ самыхъ естественныхъ: если это письмо и подлинное, то чѣмъ же доказывается, что Рамбо не участвовала въ интригѣ и не была подкуплена? Что воспоминанія, о которыхъ говоритъ Рамбо, не почерпнуты изъ газетъ и мемуаровъ послѣдующаго времени? Въ письмѣ ея должны бы

быть указаны такія воспоминанія о событіяхъ той эпохи которыя, выдѣляясь изъ ряда всѣмъ извѣстныхъ могли бы служить неоспоримымъ указаніемъ на непосредственное участіе воспоминающаго въ этихъ событіяхъ? Вообще въ письмѣ Рамбо слишкомъ много общихъ мѣстъ; видна боязнь подробностей; ни одной рѣзкой, выдѣляющейся особенности, которая прямо уничтожила бы всякое предположеніе объ интригѣ. Крестообразная форма оспенныхъ знаковъ, напримѣръ, встрѣчается часто какъ вещь весьма обыкновенная. Обходя все это, Жюль Фавръ прямо переходитъ къ чтенію письма Г-жи Сент-Иллеръ къ герцогинѣ Ангулемской, въ которомъ послѣ разсказа о томъ, что извѣстіе о похищеніи изъ тюрьмы сообщено ей однимъ изъ друзей, имя котораго она не помнитъ, говорится слѣдующее: «легко узнать въ физическомъ тѣлосложеніи то самое дитя, которое я такъ часто видѣла играющимъ на террасѣ въ то время когда имѣла честь состоять при дворѣ.....(??!) Принцъ напомнилъ мнѣ событія, интимныя обстоятельства семейной жизни, о чемъ я знала только по разсказамъ принцессы. Принцъ напомнилъ мнѣ меблировку аппартамента своей матери, форму комнатныхъ принадлежностей и ихъ расположеніе, видъ и цвѣтъ музыкальныхъ инструментовъ королевы и наконецъ тѣ мелочи, которыя не могли быть никому извѣстны за исключеніемъ лицъ, непосредственно принадлежащихъ къ королевскому семейству.»

И опять ни однимъ словомъ не разъяснено, какія же это подробности. Жюль Фавръ дѣлаетъ свое обычное примѣчаніе, что на это письмо равно какъ и на письмо Рамбо герцогиня Ангулемская не дала никакого отвѣта; затѣмъ читается заявленье Г. Сент-Иллеръ; онъ перечисляетъ признаки, на основаніи которыхъ узналъ принца и въ заключеніе говоритъ, что это заявленіе сдѣлано имъ лишь по чувству истины и справедливости.

Жюль Фавръ разсказываетъ за тѣмъ о свиданіи Ноидорфъ съ послѣднимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Людовика XVI съ Г. Жоли, который долго отказывается отъ этого свиданія, считая Нондорфа самозванцемъ. Извѣстно, что Жоли находился при королевскомъ семействѣ во время суда надъ нимъ. По словамъ Жюль Фавра, Нондорфъ разсказывалъ Жоли когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ приносилъ пищу для подкрѣпленія силъ королевскаго семейства. Когда Жоли съ умысломъ замѣтилъ ему, что это было около ложи писцевъ, то Нондорфъ поправилъ его заявляя, что это было совершенно въ другой сто-

ронѣ, что королева мать его, опасаясь яда въ пищѣ, приносимой отъ смотрителя за арестантскими помѣщеніями, просила Жоли купить и лично доставить что нибудь съѣстное и что когда Жоли хотѣлъ напередъ попробовать принесенный принцу супъ, то онъ будтобы сказалъ ему: министръ, я не боюсь; дайте ложку, и ѣлъ. Эти факты свидѣтелемъ которыхъ былъ только Жоли, эти слова, которыя могъ слышать только онъ одинъ, доказали ему, что тотъ, который вспоминалъ объ нихъ, былъ именно принцъ сынъ Людовика XVI. По словамъ Жюль Фавра Жоли разсказывалъ объ этомъ не задолго до своей смерти (въ 1837 году) бывшему прокурору и потомъ члену Марсельскаго суда Верже. Тоже самое онъ повторялъ на смертномъ одрѣ Г. Жене аббату церкви Notre Dame de Victoire во время своей послѣдней исповѣди.

Но гдѣ же доказательство, что все это происходило на самомъ дѣлѣ, и не вымышлено истцами или защитникомъ? Ни Жоли, ни Верже, ни Жене нѣтъ въ живыхъ и суду не указано защитой никакихъ средствъ провѣрить дѣйствительность разсказываемыхъ событій.

Г-жу Рамбо, Г-жу Сент-Иллеръ, Г. Сент-Иллеръ и Г. Жоли, Жюль Фавръ называетъ прямыми свидѣтелями и затѣмъ перечитываетъ суду показанія такъ называемыхъ имъ косвенныхъ свидѣтелей и начинаетъ съ Г. Лапрадъ. По смерти Жоли Лапрадъ отправляется въ Парижъ для свиданія съ принцемъ, откуда предпринимаетъ путешествіе по Германіи, посѣщаетъ Спандау, Бранденбургъ, Кроссенъ, собираетъ показанія, обращается къ Берлинскому кабинету, имѣетъ свиданіе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Г. Роховъ и по возвращеніи составляетъ подробный отчетъ о путешествіи, который Жюль Фавръ прочитываетъ суду. Изъ этого обширнаго документа видно, что Г. Лапрадъ изъ разговоровъ съ министромъ пришелъ къ тому убѣжденію, что королевское происхожденіе бранденбургскаго арестанта было извѣстно прусскому двору и что онъ дѣйствительно имѣлъ у себя бумаги, которыя требовалъ Нондорфъ. Послѣднія слова министра были слѣдующія: я не буду отрицать, что этотъ человѣкъ есть дофинъ Франціи, но я выскажу вамъ мое мнѣніе вполнѣ; онъ не можетъ быть признанъ принцемъ, такъ какъ это признаніе было бы безчестіемъ для всѣхъ монархій Европы.

И это опять безъ всякихъ доказательствъ, какъ относительно того что прочитываемый документъ дѣйствительно принадле-

житъ Лапраду, котораго также нѣтъ въ живыхъ, такъ и относительно того, что этотъ послѣдній вполнѣ заслуживаетъ довѣрія и не допускаетъ никакого подозрѣнія въ интригѣ.

Вторымъ косвеннымъ свидѣтелемъ является Грюо де ла Баръ, который, по словамъ защиты, посвятилъ всю свою жизнь и состояніе на дѣло Нондорфа, такъ какъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ правотѣ его.

Весьма интересенъ разсказъ Жюль Фавра объ участіи въ дѣлѣ Нондорфъ маркиза Морель де Сен-Дедье, котораго близко знала герцогиня Ангулемская. Это третій косвенный свидѣтель. Въ 1834 году, въ Январѣ мѣсяцѣ Дедье отправился въ Прагу, гдѣ въ то время находилась герцогиня Ангулемская, былъ принятъ въ присутствіи маркиза де Вибрай и составилъ слѣдующій отчетъ объ этомъ свиданіи:

«Вы пришли просить меня о свиданіи съ Г. Нондорфомъ, яуже отвѣчала на это прежде положительнымъ отказомъ, сказала принцеса.»

„Возможноли, чтобы вы, при вашемъ умѣ, могли рѣшиться на положительный отказъ возразилъ я; Ваше Высочество не знаете ни одного изъ документовъ, ничего не видѣли и не слыхали тѣхъ подробностей, которыя должны пріостановить вашъ преждевременный отказъ.»

„О, какъ бы я была счастлива, сказала герцогиня, если бы могла найти моего брата; къ несчастію, я знаю, что онъ умеръ; я могу прибавить даже, что онъ умеръ, такъ сказать, на моихъ глазахъ; покрайней мѣрѣ ребенокъ, который былъ помѣщенъ подъ моею комнатою въ Темплѣ умеръ тамъ; никакого подмѣна я не допускаю.„

Послѣ этихъ словъ Сен-Дедье объяснилъ герцогинѣ, что принцъ имѣетъ въ виду отказаться отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу герцога Бордосскаго и устроить дѣло такъ, что дѣти его никогда не взойдутъ на престолъ Франціи. Послѣ этихъ словъ герцогиня, нѣсколько подумавъ, отвѣчала мнѣ: «я согласна пересмотрѣть еще разъ это дѣло и обѣщаю вамъ прочитать съ большимъ вниманіемъ всѣ документы, которые вы мнѣ доставите. Впрочемъ предупреждаю васъ, что обо всемъ этомъ необходимо сообщить королю и дофину, такъ какъ я никогда ничего не дѣлала безъ ихъ вѣдома и согласія.»

Это было въ Февралѣ 1834 года. Въ Августѣ Сен-Дедье снова отправляется въ Прагу и на этотъ разъ въ сопровожденіи

Нондорфа. Герцогиня, разсказываетъ Дедье, не дала никакого значенія переданнымъ ей документамъ и сообщила мнѣ, что рѣшительный отвѣтъ дастъ на слѣдующей недѣлѣ. Я напомнилъ герцогинѣ нѣкоторыя секретныя подробности, сообщенныя мнѣ принцемъ. «Ба! Милостивый Государь, отвѣчала герцогиня, все это было напечатано; онъ могъ прочитать это въ какихъ нибудь французскихъ или иностранныхъ журналахъ или въ мемуарахъ. Послѣднія слова герцогини были: Нондорфъ самозванецъ, интриганъ, но весьма ловкій.»

На третій день послѣ этого свиданія Дедье отправляется къ виконтессѣ д' Агуль и проситъ ее доложить герцогинѣ, что Рамбо желаетъ имѣть съ ней свиданіе и на словахъ подтвердить то, что нѣкогда писали ей. Черезъ день Дедье получаетъ отъ Г-жи д'Агуль-слѣдующее письмо:

«Я исполнила ваше порученіе. Герцогиня уполномочила меня сообщить вамъ, что она знала Г-жу Рамбо, которая сорокъ лѣтъ назадъ была нянькой дофина и не допуская, чтобы женщина ея лѣтъ могла совершить такое дальнее путешествіе, она, герцогиня, не имѣетъ никакого желанія видѣться съ тѣмъ лицемъ, которое прибыло сюда подъ именемъ Рамбо; что она читала всѣ переданные ей документы и не нашла ничего такого, чтобы могло измѣнить какъ ея прежнее мнѣніе, такъ и рѣшеніе вамъ уже извѣстное.»

На третій день послѣ этого письма къ Г-жѣ Рамбо является полицейскій агентъ и передаетъ ей приказаніе высшихъ властей оставить Прагу въ двадцать четыре часа.

Затѣмъ Жюль Фавръ разсказываетъ суду о неудавшемся покушеніи на жизнь Нондорфа, и возваніи, которое Нондорфъ дѣлаетъ присяжнымъ по дѣлу Ришмонта и въ которомъ объявляетъ, что онъ есть истинный сынъ Людовика XVI и законный наслѣдникъ французской короны.

Послѣ неоднократныхъ попытокъ войти въ прямыя отношенія съ королевскимъ семействомъ Нондорфъ рѣшается начать дѣло судебнымъ порядкомъ. 13 Іюня 1836 года онъ предъявилъ къ герцогини Ангулемской и къ графу д' Артуа искъ о признаніи его, Нондорфа, сыномъ короля Людовика XVI и Маріи Антуанеты, но на третій день послѣ этого былъ арестованъ и высланъ за предѣлы Франціи. Судъ постановилъ слѣдующее опредѣленіе по его дѣлу: дѣло, по которому Нондорфъ предъявляетъ искъ, относится до высшей полиціи королевства, а потому

просьба его оставляется безъ послѣдствій. По этому поводу Жюль Фавръ дѣлаетъ такое обращеніе къ судьямъ: высшая полиція королевства! Мм. Гг. Франція никогда не будетъ свободна, если будутъ господствовать подобныя доктрины! Высшая полиція, постановленная выше закона, есть ниспроверженіе всего того, что свято и уважаемо, всякой справедливости и всякаго порядка. Нѣтъ, мое отечество будетъ свободно только тогда, когда вамъ однимъ будетъ принадлежать право произносить приговоръ по дѣламъ подобнаго рода!»

Нондорфъ отправляется въ Англію и продолжаетъ вести свое дѣло путемъ печати.

1840 года одна изъ французскихъ газетъ «Le Capital» напечатала статью, въ которой разсказывается на основаніи документовъ, сообщенныхъ будто бы Прусскимъ правительствомъ, что Нондорфъ познанскій еврей, обратившійся въ католицизмъ. Вслѣдствіе этого Нондорфъ, по словамъ защиты, отправляетъ письмо прусскому королю, въ которомъ спрашиваетъ, дѣйствительно ли прусское правительство сообщило подобные документы на его счетъ, и получаетъ слѣдующій отвѣтъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ Роховъ: «такъ какъ вы выразили желаніе знать, дѣйствительно ли прусское правительство сообщило, что вы лице еврейскаго происхожденія, то я спѣшу увѣдомить васъ, М. Г., что означенное правительство подобныхъ сообщеній не дѣлало и не могло сдѣлать, такъ какъ ему не извѣстно ни одного обстоятельства, которое давало бы поводъ заключать о таковомъ происхожденіи.» Противъ редакціи Capital былъ предъявленъ искъ о диффамаціи, который окончился въ пользу Нондорфа.

Въ Англіи Нондорфъ занимается практической механикой и дѣлаетъ нѣсколько серіозныхъ, по словамъ защиты, открытій. Онъ сдѣлалъ также нѣсколько изобрѣтеній въ области военнаго оружія и предлагалъ французскому военному министру свои услуги относительно примѣненія ихъ во французской арміи. Это предложеніе было встрѣчено рѣшительнымъ отказомъ.

Изъ Англіи Нондорфъ переселился въ Голландію, гдѣ его изобрѣтенія были приняты голландскимъ правительствомъ. Король и министръ относятся къ нему съ полнымъ расположеніемъ и покровительствомъ. Въ Августѣ 1845 года послѣ тяжелой болѣзни, причину которой видѣли въ отравленіи, Нондорфъ умеръ.

Послѣ смерти голландское правительство признало его сыномъ Людовика XVI. Актъ о смерти составленный 10 Августа 1845 года заключаетъ въ себѣ это признаніе. Вотъ текстъ его: 10 Августа 1845 года умеръ Карлъ Людовикъ Бурбонъ, герцогъ нормандскій, (Людовикъ XVII) извѣстный подъ именемъ Карла Вильгельма Нондорфъ, родившійся въ Версалѣ 27 Марта 1785 года, отъ роду шестидесяти лѣтъ; законный сынъ Его Величества Людовика XVI короля Франціи и Ея Королевскаго Величества Маріи Антуанеты Эрцгерцогини Австрійской, королевы, Французской, умершихъ въ Парижѣ; мужъ герцогини Нормандской урожденной Жанны Эйнертъ.

Подписано: Ванъ Беркель, бургомистръ
27 Августа 1845 года.

Этотъ актъ составленъ по распоряженію министерства *)

III.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію вопроса, который доселѣ составляетъ загадку въ исторіи первой французской революціи—вопроса объ освобожденіи Людовика XVII изъ Темпля приверженцами старой монархіи. Свидѣтельство историковъ объ этомъ весьма темномъ дѣлѣ крайне разнорѣчивы, и очень многіе изъ нихъ склоняются къ признанію, что въ легендѣ о похищеніи дофина изъ Темпля, о которой я говорилъ въ началѣ, есть доля правды и лишь въ подробностяхъ замѣтна фантастическая окраска. Какъ бы то ни было, преданіе, объ освобожденіи дофина сдѣлалось народнымъ вѣрованіемъ во Франціи и только этимъ можно объяснить появленіе цѣлаго рода мнимыхъ дофиновъ, изъ которыхъ каждый находилъ себѣ не только сочувствіе, но и самое открытое содѣйствіе. Процессъ Нондорфа, для котораго вопросъ объ освобожденіи дофина составляетъ исходный пунктъ и разрѣшающій моментъ, даетъ намъ возможность на основаніи представленныхъ къ дѣлу документовъ еще разъ поставить вопросъ, дѣйствительно ли Людовикъ XVII—умеръ въ Темплѣ?

*) На основаніи этого акта Гг. Нондорфъ именуютъ себя оффиціально внуками Людовика XVI, поэтому мы удержали названіе это въ заглавіи нашего письма.

Вотъ какъ въ процессѣ Нондорфъ излагается освобожденіе принца: принцу дали большей пріемъ опіума и когда онъ уснулъ, перенесли его въ скрытое помѣщеніе, находящееся на четвертомъ этажѣ башни Темпль. Этажъ этотъ не былъ никѣмъ занимаемъ и служилъ для склада мебели. На его мѣсто сначала положили манекенъ, а затѣмъ другаго ребенка. Подробности подмѣна въ процессѣ неразъяснены, потому, что Нондорфъ ихъ не помнитъ. Ребенокъ, замѣнившій принца, былъ нѣмой, сначала хотѣли отдѣлаться отъ него посредствомъ яда, но докторъ Дезоль далъ противоядіе; нѣмой ребенокъ исчезъ и его мѣсто занялъ другой изъ госпиталя, который и умеръ въ тюрьмѣ 8 Іюня 1795 года.

Правительство Людовика XVIII, неоднократно производившее слѣдствіе по вопросу о похищеніи дофина, а за нимъ уголовный судъ въ дѣлѣ Ришмонта и гражданскій въ дѣлѣ Нондорфа, при разсмотрѣніи его въ первой инстанціи, отвергаютъ всякую вѣроятность событія похищенія, основываясь почти исключительно: 1) на показаніи Лане и Гомена, находившихся въ качествѣ караульныхъ офицеровъ при дофинѣ въ Темплѣ, 2) на актѣ о смерти дофина. Разсмотримъ оба эти доказательства.

Показанія Лане и Гомена до такой степени разнорѣчивы и переполнены внутренними противорѣчіями, что не колеблясь можно отвергнуть ихъ, какъ не заслуживающія вѣроятія. Одинъ говоритъ, что дофинъ во все время, пока онъ находился при немъ въ карауле, не сказалъ ни одного слова, другой, напротивъ, показываетъ, что дофинъ разговаривалъ постоянно. Такимъ образомъ то обстоятельство, что ребенокъ заключенный на мѣсто принца былъ нѣмой, остается ничѣмъ неопровергнутымъ.

Лане давалъ нѣсколько разъ показаніе о смерти дофина. Въ первой разъ 13 Іюля 1837 года онъ далъ слѣдующее показаніе: «я былъ послѣднимъ караульнымъ въ башнѣ Темпль при принцѣ Карлѣ Людовикѣ, герцогѣ нормандскомъ и именно въ то время умеръ принцъ т.-е. 27 преріаля III года.»

«Я видѣлъ принца прежде 10 Августа. Командуя батальономъ округа des droits de l' homme я часто былъ на караулѣ въ Тюльери; нѣсколько разъ я провожалъ его для прогулки на террассу des Feuillants. Во время заключенія королевской фамиліи въ Темплѣ я былъ также на караулѣ съ моимъ батальономъ и нѣ-

сколько разъ имѣлъ случай видѣть принца, котораго вообще отлично зналъ.»

«Въ жерминалѣ III года комитетъ общественной безопасности командировалъ меня для караула въ помѣщеніе принца и принцессы, сестры его. Я утверждаю, что узналъ въ заключенномъ ребенкѣ того принца, котораго видалъ и прежде и послѣ 10 Августа, въ Тюльери и въ Темплѣ. Я утверждаю также, что этотъ принцъ, несмотря на всѣ мои попеченія, умеръ въ Темплѣ послѣ болѣзни, продолжавшейся два дня; онъ испустилъ послѣдній вздохъ на моей лѣвой рукѣ въ то время, когда я приподнималъ его съ постели. Я былъ также свидѣтелемъ его вскрытія.»

В. Признаете ли вы возможнымъ, что въ ваше отсутствіе или безъ вашего вѣдома могли подмѣнить принца другимъ ребенкомъ, а перваго спрятать въ верхнемъ помѣщеніи башни.

Отвѣтъ. Это не возможно, потому что башня, въ которой содержался принцъ не имѣла ни верхнихъ комнатъ, ни чердаковъ, и оканчивалась террассой. Правда на одной части ея находился шпицъ, но входъ въ него былъ недоступенъ и я не знаю ни одной лѣстницы, которая бы вела въ него. Въ него могли войти кровельщики и другіе рабочіе, но чтобы кто нибудь могъ быть скрытъ тамъ—это положительно невозможно.

Подписалъ: Лане.

Въ этомъ показаніи совершенно ложно то, что башня не имѣла верхняго, помѣщенія и потому принцъ не могъ быть скрытъ тамъ. Извѣстно, что темпльская башня имѣла четыре этажа. Вотъ какъ описываетъ Клери (Cléry) эту башню въ своемъ Journal de Temple (ст. 74 и 78). Большая башня около 150 шаговъ въ высоту имѣетъ четыре этажа, которые поддерживаются по серединѣ сводовъ громадной стойкой, проходящей отъ фундамента до шпица.

«Четвертый этажъ не былъ вовсе занимаемъ; между амбразурами шла галлерея, и служила иногда для прогулокъ».

«Когда три члена Конвента были посланы для освидѣтельствованія королевскихъ дѣтей, то въ своемъ донесеніи они сообщаютъ Конвенту, что второй этажъ былъ занятъ дофиномъ, третій его сестрою и четвертый никѣмъ не занимаемый, служилъ складомъ для мебели».

Такимъ образомъ тотъ фактъ, что принцъ былъ спрятанъ въ комнатѣ четвертаго этажа такъ же остается неопровергнутымъ.

Лане утверждаетъ, что онъ видѣлъ принца прежде 10 Августа, гулялъ съ нимъ по террасѣ des Feuillants и въ саду Темпль. Сравнимъ показаніе данное имъ 1840 года: «я вступилъ во французскую армію въ 1774 г. и вышелъ изъ нея 1782 г.; потомъ въ 1789 г. я поступилъ въ національную гвардію Парижа и въ 1791 году былъ сдѣланъ капитаномъ гренадеровъ батальона предмѣстья Св. Антонія. Всякій разъ, находясь въ караулѣ, я имѣлъ случай видѣть дѣтей Людовика XVI. Юный дофинъ выдавался своею красотою, живостью характера и выразительнымъ взглядомъ; его жесты были рѣзки и неровны; въ первый моментъ онъ казался грубымъ, но потомъ никто не былъ привѣтливѣе его въ обращеніи; онъ удивлялъ всѣхъ остроуміемъ и зрѣлостью сужденій».

«Послѣ 10 Августа былъ назначенъ командующимъ въ округѣ des droits de l'homme. Въ этомъ качествѣ я входилъ въ Темпль для надзора за служителями и видѣлъ тамъ дѣтей Людовика XVI въ то время, когда играли они въ саду. Я вполнѣ призналъ дофина за того, котораго видѣлъ прежде и на террасѣ des Feuillants и на прогулкахъ въ Тюльери».

«Въ жерминалѣ III года (въ Апрѣлѣ 1795 г.) я былъ назначенъ комитетомъ общественной безопасности въ караулъ къ принцу и сестрѣ его. Прибывъ въ Темпль, я тотчасъ вошелъ къ дофину; это былъ именно онъ, но безпечность его прежнихъ служителей привела его въ такое состояніе, что несчастный ребенокъ внушалъ состраданіе и почти отвращеніе. Первымъ моимъ дѣломъ было донести Конвенту, въ какомъ состояніи я нашелъ молодаго узника, чего до сихъ поръ не дѣлалось. Мой рапортъ произвелъ сильное впечатлѣніе но Конвентъ и тотчасъ же былъ командированъ для осмотра принца хирургъ Дезоль. У ребенка была болѣзнь сердца и сильная опухоль въ колѣнахъ; онъ не могъ стоять на ногахъ. Такъ какъ онъ испражнялся подъ себя, бѣлье же часто не перемѣнялось, то онъ весь былъ покрытъ нечистотами.—Дезоль прописалъ ему щелочныя соли и приказалъ держать его какъ можно чище. Несмотря на то, что каждый разъ больной оказывалъ сопротивленіе при пріемѣ лекарства, хорошее его дѣйствіе не замедлило обнаружиться; но вдругъ Дезоль умеръ и его мѣсто заступили Пельтанъ и Дюманженъ. Они продолжали леченіе Дезоля; силы ребенка возстановлялись;

я удвоилъ мое попеченіе, дѣло шло замѣтно лучше, къ несчастію невозможно было совладать съ изнурительной лихорадкой, которая пожирала принца. Посреди самыхъ тяжелыхъ страданій, принцъ сохранялъ необыкновенное безстрастіе; ни одной жалобы не вырвалось изъ его устъ и *никогда онъ не прерывалъ молчанія*».

«Только разъ онъ заговорилъ сомною. Однажды, когда страданія его были сильнѣе обыкновеннаго, я подалъ ему лекарство, которое приказано давать принцу въ минуты кризиса; онъ отказался принять. Я нѣсколько разъ настаивалъ: тотъ же отказъ. Наконецъ утомленный моей настойчивостью, онъ взялъ изъ моихъ рукъ стаканъ и сдѣлавъ гримасу, выражавшую обыкновенно у него неудовольствіе, вылилъ содержимое на полъ. Не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго упрека, я налилъ снова стаканъ и чтобы внушить болѣе довѣрія, поднесъ его къ губамъ и началъ пить передъ его глазами. Ты присягнулъ чтоли, что я буду пить? сказалъ онъ, быстро приподымаясь на своемъ ложѣ. Хорошо... давай.... Я буду пить. Онъ залпомъ выпилъ все, что оставалось въ стаканѣ, затѣмъ передалъ его мнѣ. Это были единственныя слова, произнесенныя имъ во все время, которое я провелъ подлѣ него».

«Однажды утромъ, воспоминаніе объ этомъ будетъ преслѣдовать меня до могилы, онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы его приподняли. Я взялъ его на руки, онъ охватилъ своими мою шею и затѣмъ изъ груди вылетѣлъ вздохъ: несчастный пересталъ страдать. Я положилъ на постель остатки сына Людовика XVI и тотчасъ же послалъ въ Конвентъ рапортъ обо всемъ происшедшемъ».

«Я прибавлю при этомъ, что въ теченіе трехъ дней тѣло принца лежало въ его комнатѣ. Весьма многіе приходили въ Темпль, видѣли и узнавали покойника. Я не говорю уже о тюремной стражѣ. Я не оставлялъ его до той минуты, пока ему отданъ былъ послѣдній долгъ. Его похоронили на кладбищѣ Св. Маргариты въ предмѣстьи Св. Антонія».

Спустя нѣкоторое время сестра его герцогиня Ангулемская была освобождена изъ Темпля вслѣдствіе договора съ Австріей.

«Я считаю совершенно излишнимъ повторять, что все, что говорилось о картонной лошади, а равно и другія басни, ходившія въ народѣ, по поводу освобожденія дофина, есть нелѣпость, потому что это было невозможно».

Сравнивая это показаніе съ тѣмъ, которое далъ Лане въ 1837

г. оказывается, что по первому показанію болѣзнь продолжалось только два дня, теперь же онъ утверждаетъ не менѣе энергично, что принцъ былъ сильно боленъ въ то время, когда онъ, Лане, вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей въ Темплѣ, что онъ страдалъ въ то время изнурительной лихорадкой. Это очевидное противорѣчіе колеблетъ довѣріе къ показанію Лане; далѣе, въ этомъ показаніи Лане утверждаетъ, что принцъ заговорилъ съ нимъ только однажды, когда онъ ему подавалъ стаканъ съ питьемъ. Между тѣмъ въ ассизномъ судѣ по дѣлу Риммонта онъ далъ слѣдующее показаніе: «болѣзнь принца продолжалось два мѣсяца. Нѣкто Лоранъ былъ приставленъ къ принцу и такъ небрежно исполнялъ свои обязанности, что часто оставлялъ его безъ всякихъ попеченій въ грязи и нечистотахъ. Дофинъ оставался нѣкоторое время въ положеніи весьма тяжеломъ. Я предупредилъ правительство о болѣзни ребенка; тогда былъ присланъ медикъ для осмотра. Мнѣ говорили, что если я буду заботиться о дофинѣ, меня сочтутъ за роялиста, но я отвѣчалъ: пусть считаютъ меня за кого хотятъ: я дѣлаю добро. Это для меня все равно. Докторъ прописалъ больному капли въ питьѣ. Въ первой день ребенокъ отталкивалъ это питье послѣ многихъ попытокъ съ нашей стороны; тогда докторъ сказалъ ему: вы думаете что это питье отравлено? хорошо, я его сейчасъ выпью и онъ выпилъ. Ребенокъ сказалъ ему: присягнули чтоли, что я буду пить также; леченіе продолжалось въ теченіе восьми дней; подъ конецъ этаго времени докторъ умеръ. Позвали Пельтана, система оставалась таже. Подъ конецъ девятаго мѣсяца ребенокъ умеръ на моихъ рукахъ».

Воп. Легко ли можно было имѣть доступъ къ принцу?

От. Нужно было подняться на третій этажъ; комната его выходила на дворъ; нужно было пройти дворъ и калитку: тамъ былъ караулъ въ тридцать человѣкъ.

В. Говорили ли вы съ принцемъ?

О. Каждый день.

В. О какихъ предметахъ?

О. Всегда о предметахъ серіозныхъ и важныхъ. Эти разговоры оставили во мнѣ глубокія воспоминанія. У него было много ума. Я удивилъ бы слушателей если бы разсказалъ то, о чемъ онъ мнѣ говорилъ. Я гулялъ съ нимъ каждое утро на террасѣ, держалъ его подъ руки, такъ какъ онъ имѣлъ опухоль въ колѣнахъ и немогъ почти стоять.

Въ этомъ показаніи сцена, о которой разсказывалъ Лане, происходила уже не между имъ и дофиномъ, а между дофиномъ и докторомъ и слова принца: «присягнули чтоли что я буду пить» въ этомъ показаніи относятся уже къ доктору. Лане разсказываетъ въ этомъ показаніи, что постоянно разговаривалъ съ принцемъ о предметахъ серіозныхъ и важныхъ, тогда какъ въ выше приведенномъ показаніи принцъ только разъ сказалъ ему нѣсколько словъ, когда онъ подавалъему стаканъ съ питьемъ. Свидѣтель говоритъ, что тѣло принца было выставлено въ его комнатѣ въ теченіе двухъ дней, между тѣмъ противное этому доказывается математически. Изъ акта о смерти видно, что она произошла 20 преріаля (8 іюня 1795 г.) въ три часа по полудни, 21 преріаля (9 Іюня) въ 11 часовъ утра происходило вскрытіе и послѣдующій день погребеніи. Такимъ образомъ, вскрытіе шестнадцать часовъ и тотчасъ погребеніе. Разсказъ о томъ, что тѣло дофина было выставлено, есть чистая выдумка; никогда его не выставляли. Свидѣтель утверждаетъ, что смерть произошла утромъ, между тѣмъ изъ акта видно, что дофинъ умеръ въ три часа по полудни.

Показанія другаго свидѣтеля г. Гомена также не внушаютъ довѣрія. Вотъ что разсказываетъ онъ по поводу смерти Людовика XVII:

«Я вступилъ въ Темпль девятаго термидора II года (26 Августа 1794 г.) въ качествѣ стража принца Карла Людвика герцога Нормандскаго сына Людовика XVI. Я зорко слѣдилъ за всѣмъ и каждый вечеръ посылалъ въ комитетъ общественной безопасности рапортъ, какъ относительно внутренней службы при тюрьмѣ такъ и относильно поведенія принца».

«Когда я вступилъ въ отправленіе должности здоровье принца было въ плачевномъ состояніи и предвѣщало близкую развязку; я старался всѣми зависящими отъ меня средствами подкрѣпить его угасающую жизнь, но все было напрасно. Въ одно время, которое я не могу опредѣлить въ точности, его навѣщалъ по приказанію Конвента хирургъ Дезоль, а послѣ смерти этаго послѣдняго Г. Пельтанъ, первый хирургъ Hôtel Dieu, въ сопровожденіи Дюманжена и третьяго врача, котораго я забылъ фамилію».

«Врачи эти говорили, что состояніе принца безнадежно и что смерть его неизбѣжна».

«Во время болѣзни принцъ, котораго я видѣлъ каждую минуту,

разговаривалъ безъ всякаго напряженія; онъ говорилъ даже за часъ до смерти».

Между тѣмъ по показанію Лане ребенокъ не произнесъ почти ни одного слова во все продолженіе болѣзни.

«Я считаю положительно невозможнымъ особенно притомъ тщательномъ надзорѣ, которой былъ установленъ за принцемъ, чтобы онъ могъ быть похищенъ и скрытъ на верху башни. Три раза въ день принца навѣщалъ прикомандированый къ намъ комиссаръ Конвента, смѣнявшійся каждые двадцать четыре часа и избиравшійся изъ людей, близко знавшихъ герцога норманд-скаго. Я вполнѣ убѣжденъ, что ребенокъ, котораго я видѣлъ умершимъ въ Темплѣ, былъ Людовикъ XVII, сынъ Людовика XVI, такъ какъ прежде я много разъ весьма близко видѣлъ его въ Тюльери, въ саду, гдѣ онъ обыкновенно игралъ въ сопровожденіи своей гувернантки Г-жи Турзель. Я командовалъ баталь-намъ національной гвардіи Парижа. Это тотъ самый ребенокъ котораго мнѣ поручено караулить, о которомъ заботился и который умеръ на моихъ глазахъ въ Іюнѣ 1795 года въ башнѣ Темпль; это онъ, *который говорилъ за часъ до смерти*».

«Я долженъ прибавить, что многіе изъ членовъ Конвента навѣщали ребенка въ то время, когда я держалъ надъ нимъ караулъ и что ни разу онъ не отвѣчалъ на тѣ вопросы, которые они ему предлагали, что и послужило основаніемъ для предположеній, что ребенокъ, котораго они видѣли, былъ нѣмой; онъ охотно разговаривалъ съ Гг. Лоранъ и Лане, равно какъ и со мною. Это относится къ послѣднему времени его жизни».

«Послѣ смерти дофина много солдатъ и офицеровъ національной гвардіи входили въ его комнату и видѣли покойника. Можетъ быть въ моихъ парижскихъ замѣткахъ я найду именно нѣкоторыхъ изъ нихъ. Болѣе я нечего не имѣю сказать».

Бошенъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ со словъ Гомена, что онъ вступилъ въ Темпль девятаго Ноября 1794 года и до этаго времени совершенно не зналъ принца. Когда книга Бошена вышла въ свѣтъ, Гоменъ написалъ автору ея письмо въ которомъ говоритъ: нѣтъ ничего справедливѣе того, что вы въ ней разсказываете. Это есть формальное подтвержденіе словъ Бошена. Между тѣмъ въ настоящемъ показаніи свидѣтель утверждаетъ, что вступилъ въ Темпль въ Августѣ 1794 года. То обстоятельство, что послѣ вскрытія многіе изъ офицеровъ и солдатъ національной гвардіи видѣли тѣло ребенка, вовсе не доказыва-

етъ тождества умершаго съ Людовикомъ XVII, потому что весьма вѣроятно, что солдаты національной гвардіи его не знали. Да если допустить что и знали, то въ какое время они видѣли его? Они видѣли его, когда врачи оканчивали атопсію, когда тѣло было искажено вскрытіемъ и когда оставалось нѣчто такое, что говоря словами Боссюэта, не имѣетъ имени на человѣческомъ языкѣ.

Перейдемъ теперь къ третьему доказательству смерти Людовика XVII—къ акту о смерти. Принцъ умеръ двадцатаго преріаля III года (8 Іюня 1795 г.), вскрытіе сдѣлано было двадцать перваго преріаля въ одиннадцать часовъ утра и погребеніе двадцать втораго. Спустя лишь три дня послѣ вскрытія и четыре послѣ смерти вздумали наконецъ составить актъ, который помѣченъ двадцать четвертымъ преріалемъ т. е. 12 Іюня 1795 г. Вотъ буквально содержаніе акта:

«Актъ о смерти Людовика Карла Капета. Двадцатаго числа этаго мѣсяца, въ три часа по полудни, отъ роду десяти лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, родился въ Версалѣ, департаментъ Сены и Оазы, мѣстожительство въ башнѣ Темпль, округъ Темпль. Сынъ Людовика Капета, послѣдняго короля французовъ, и Маріи Антуанеты-Жозефины-Жанны Австрійской, по объявленію, сдѣланному Этьеномъ Лане, отъ роду тридцати девяти лѣтъ, стражемъ при Темплѣ, имѣющимъ жительство въ Парижѣ, въ улицѣ и округѣ des droits de l'homme № 48; объявляющій сказалъ, что онъ сосѣдъ; и по объявленію Реми Биго, чиновника, жительствующаго въ Парижѣ въ улицѣ Veille du Temple № 61; объявляющій сказалъ, что онъ другъ; предъявлено свидѣтельство Дюсе комиссара полиціи вышеозначеннаго округа отъ двадцать втораго числа этаго мѣсяца».

Подписано: Лане, Биго и Робенъ (officier public.)

Кто такое Реми Биго, назвавшійся другомъ Людовика XVII и заявляющій съ Лане о его смерти, совершенно неизвѣстно Достойно примѣчанія, что подписи Гомена, нѣтъ на актѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ безграмотный, писанный безъ соблюденія должной формы актъ, служитъ фундаментомъ, на который опирается рѣшеніе суда по дѣлу о дофинахъ, имѣющее своею исходною точкою несомнѣнную будто смерть Людовика XVII. Достойно примѣчанія также, что Бошенъ въ своей книгѣ напечаталъ дру-

гой актъ о смерти, составленный также въ Темплѣ; (выше упомянутый актъ составленъ въ maison commune). Неизвѣстно, откуда онъ взялъ этотъ документъ, потому, что въ архивѣ нѣтъ никакого другаго акта о смерти, кромѣ вышеприведеннаго.

Двадцать перваго преріаля (9 Іюня 1795) Сивестръ представляетъ въ Конвентъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

ГРАЖДАНЕ!

«Съ нѣкотораго времени сынъ Капета сдѣлался боленъ; 15 флоріаля (20 Апрѣля) болѣзненные припадки увеличились; больной потерялъ аппетитъ и чувствовалъ сильное лихорадочное состояніе; знаменитый Дезоль назначенъ былъ лечить его; способности и честность Дезоля успокоивали насъ въ томъ, что относительно больнаго будетъ сдѣлано все, чего требуетъ гуманность».

«Однако болѣзнь приняла весьма серіозный характеръ. Шестнадцатаго числа этаго мѣсяца (4 Іюня 1795) Дезоль умеръ. Комитетъ общественный безопасности назначилъ на его мѣсто гражданина Пельтана, весьма извѣстнаго доктора, и Дюманжена, перваго врача въ больницѣ «здравія». Вчера ихъ бюллетень отъ одинадцати часовъ утра извѣщалъ, что въ состояніи больнаго замѣтны симптомы, угрожающіе его жизни; въ два съ четвертью часа по полудни мы получили извѣстіе о смерти сына Капета. Комитетъ общественный безопасности уполномочилъ насъ донести вамъ объ этомъ. Актъ составленъ. Протоколъ сданъ въ архивъ»:

Конвентъ опредѣлилъ напечатать этотъ рапортъ.

Достойно примѣчанія, что Сивестръ отъ девятаго Іюня доноситъ Конвенту, что актъ составленъ, между тѣмъ вышеприведенный актъ написанъ двѣнадцатаго Іюня. Такимъ образомъ несомнѣнно, что Бошенъ правъ, существовалъ другой актъ, составленный въ Темплѣ, но куда онъ дѣлся—это загадка.

Довольно страннымъ представляется и актъ о вскрытіи тѣла дофина отъ двадцать перваго преріаля III года:

21 преріаля III года мы нижеподписавшіеся Жанъ Батистъ, Евгеній Дюманженъ главный докторъ госпиталя «Unité» и Филиппъ Жанъ Пельтанъ главный хирургъ госпиталя «Humanité» въ сопровожденіи гражданъ Николая Жанруа профессора школы медицины въ Парижѣ и Лассуса профессора судебный медицина, прикомандированныхъ къ намъ комитетомъ общественной

безопасности для совокупнаго вскрытія тѣла сына покойнаго Людовика Капета, совершили слѣдующее:

«Прибывъ въ одиннадцать часовъ утра къ воротамъ Темпля, введены были коммиссарами, которые проводили насъ въ башню.— Взойдя во второй этажъ, во второй комнатѣ заключающагося въ немъ помѣщенія, мы нашли на постели мертвое тѣло ребенка приблизительно около десяти лѣтъ, *котораго коммиссары и объявили намъ сыномъ покойнаго Людовика Капета.* Означенные коммиссары объявили также, что ребенокъ умеръ наканунѣ около трехъ часовъ пополудни».

«Мы нашли въ немъ слѣдующіе признаки смерти: общую блѣдность, охлажденіе всего тѣла, неподвижность членовъ, тусклый взглядъ и фіолетовыя пятна, являющіяся обыкновенно на кожѣ трупа».

«Прежде вскрытія тѣла, мы замѣтили общую худобу, которая обыкновенно бываетъ при маразмѣ».

«Болѣзнь и смерть ребенка, по нашему мнѣнію, произошла вслѣдствіе залотушнаго процесса, долгое время развивавшагося въ ребенкѣ».

«Настоящій актъ составленъ и подписанъ въ Парижѣ въ четыре съ половиною часа пополудни вышеозначеннаго числа.

Подписано: Дюманженъ, Пельтанъ, Жанруа, Лассуса.

Во всемъ этомъ протоколѣ не сдѣлано ни однаго упоминанія о тождествѣ умершаго съ дофиномъ. Составители акта ограничились только въ высшей степени необыкновеннымъ въ этомъ случаѣ оборотомъ: «*тѣло ребенка, котораго коммиссары объявили Людовикомъ Капетомъ*».

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что ни въ мемуарахъ, ни источникахъ нѣтъ ни одного указанія, чтобы Людовикъ XVII страдалъ золотухой.

Сивестръ не точно опредѣляетъ время смерти хирурга Дезоля, говоря въ своемъ рапортѣ Конвенту, что онъ умеръ четвертаго іюня. Смерть его послѣдовала не четвертаго іюня, а въ ночь на двадцать девятое или тридцатое мая. При дѣлѣ Нондорфа есть письмо, проливающее свѣтъ на причину этой внезапной смерти. *Дезоль былъ отправленъ седьмаго флоріаля III года*, такъ какъ онъ не умѣлъ хранить тайны, что больной ребенокъ былъ не дофинъ. Таже участь постигла и друга его аптекаря Шопоръ, которому онъ сообщилъ о своемъ открытіи. Ученикъ его докторъ Абейе, также знавшій объ этой тайнѣ отъ Дезоля,

предвидя ожидающую его участь, убѣжалъ въ Америку. Нѣкто Эстье, другъ доктора Абейе, сообщаетъ слѣдующее извѣстіе объ этомъ трагическомъ событіи.

«Я нижеподписавшійся заявляю, что во время пребыванія въ Нью-Іоркѣ я познакомился въ 1830 году съ докторомъ Абейе, ученикомъ доктора Дезоля, пользовавшаго принца Людовика XVII въ тюрьмѣ Темпль. Докторъ Абейе много разъ разсказывалъ мнѣ, что не принцъ умеръ въ Темплѣ, но посаженный на его мѣсто ребенокъ одного съ нимъ возвраста; что этотъ ребенокъ былъ отравленъ и докторъ Дезоль приглашенный лѣчить его прописалъ противоядіе и самъ далъ его ребенку. Видя, что больной не есть герцогъ нормандскій, котораго онъ отлично зналъ, Дезоль имѣлъ неблагоразуміе сообщить о своемъ открытіи одному изъ друзей и на третій день послѣ этого былъ отравленъ: это фактъ общеизвѣстный».

«Докторъ Абейе, опасаясь въ качествѣ ученика доктора Дезоля за собственную жизнь, убѣжалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ и находится до настоящаго времени. Въ то время, когда, съ нимъ познакомился, онъ жилъ въ Нью-Іоркѣ № 27. Reid Street Broadway, позади Washington Hôtel; эти факты разсказывалъ мнѣ не одинъ только докторъ Абейе, но также Г-жа Делизель, находившаяся въ самой тѣсной дружбѣ съ Г. Абейе».

Подписано: F. M. Estier
Londres 22 Mai 1845 г.

Есть еще весьма крупное обстоятельство въ исторіи послѣднихъ дней Людовика XVII, которое трудно объяснить безъ предположенія о подмѣнѣ его другимъ ребенкомъ въ Темплѣ: 17 декабря 1794 года комитетъ общественной безопасности командировалъ нѣсколько коммиссаровъ въ Темпль, чтобы прослѣдить, насколько точно исполняются инструкціи относительно порядка содержанія королевскихъ дѣтей. Протоколъ объ этомъ посѣщеніи Темпля, составленный коммиссарами Арманъ Матье и Реверисонъ, констатируетъ два факта. 1) что ребенокъ, находившійся тогда въ Темплѣ, не отвѣчалъ ни на одинъ изъ предложенныхъ ему вопросовъ; 2) что онъ былъ рахитикъ и страдалъ повидимому застарѣлою болѣзнію. Этотъ протоколъ составляетъ задачу для всѣхъ историковъ. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ него, представляющія наиболѣе интереса:

«..... Когда я обратился къ нему съ этимъ привѣтствіемъ онъ посмотрѣлъ на меня пристально нисколько не измѣняя позы, и слушалъ съ большимъ вниманіемъ; но ни одного слова въ отвѣтъ».

«Тогда я обратился къ нему съ разнаго рода предложеніями: имѣю честь спросить васъ, милостивый государь, не угодно ли вамъ имѣть лошадь, птицъ, собаку, игрушекъ или товарищей, съ которыми Вы могли бы играть вмѣстѣ? Не хотите ли Вы теперь сойти въ садъ или подняться по башнѣ? Не желаете ли Вы пирожковъ, конфектъ? Тщетно я перечислялъ передъ нимъ всѣ предметы, которые могутъ нравиться дѣтямъ его возвраста. Ни одного слова въ отвѣтъ; даже ни одного знака или жеста, хотя лицо его было обращено ко мнѣ и онъ смотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, который выражалъ повидимому полное безучастіе ко всему ..... Юный принцъ выглядывалъ вполнѣ рахитикомъ и имѣлъ явные недостатки въ тѣлосложеніи. Его руки и ноги были необыкновенно длинны, бюстъ напротивъ короткій, грудь высокая, плечи вздернутыя, голова прекрасно очерчена, цвѣтъ лица блѣдный, превосходные длинные волосы свѣтло-каштановаго цвѣта».

Теперь, милостивый государь, будьте такъ любезны, пройдитесь по комнатѣ. Онъ тотчасъ всталъ и прошелся около двери и затѣмъ опять сѣлъ.

Я предложилъ ему прислать доктора. Сдѣлайте намъ покрайней мѣрѣ знакъ, что это Вамъ не нравиться? Ни одного знака, ни одного слова.

«Милостивый государь, сдѣлайте милость, пройдитесь еще нѣсколько разъ по комнатѣ. Молчаніе и отказъ; онъ оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, черты лица не измѣнились ни на одну минуту. Ни малѣйшаго замѣтнаго движенія въ лицѣ, ни малѣйшаго удивленія въ глазахъ, какъ будто бы насъ вовсе не было подлѣ него».

Трудно объяснить себѣ все это, если допустить, что коммиссары конвента имѣли дѣло съ дофиномъ ребенкомъ девяти лѣтъ. Луи Бланъ въ своей исторіи революціи замѣчаетъ: невозможно предположить, чтобы ребенокъ могъ найти въ себѣ столько силы воли, чтобы не отвѣтить ни на одинъ вопросъ и ни однимъ знакомъ не выразить тѣхъ чувствъ, которыя его въ то время должны были волновать; этотъ протоколъ о свиданіи коммиссаровъ конвента съ дофиномъ даетъ большую вѣроятность пред-

положенію, что въ то время, когда Лане и Гоменъ вступили въ Темпль, дофина тамъ уже не было и онъ былъ замѣненъ нѣмымъ ребенкомъ.

Далѣе, показаніе Армана, что находившійся въ Темплѣ ребенокъ страдалъ застарѣлою болѣзнію прямо, противорѣчитъ тому общеизвѣстному факту, что послѣ вступленія въ Темпль принцъ былъ совершенно здоровъ. Аббатъ Пероль, принимавшій участіе въ комитетѣ по розысканію Людовика XVII пишетъ слѣдующее:

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ декабрѣ 1794 года т.-е. за шесть мѣсяцевъ до смерти, принцъ былъ совершенно здоровъ, что начиная съ февраля 1795 года положеніе его въ тюрьмѣ значительно улучшено. Можно ли допустить, что этотъ самый ребенокъ умеръ вслѣдствіе золотухи, существовавшей такъ долго, когда нѣсколько мѣсяцевъ прежде его здоровье было вполнѣ удовлетворительно? Если предположить, что ребенокъ похожій на дофина и также золотушный былъ посаженъ на его мѣсто въ Темпль, и что болѣзнь его въ то время была въ послѣднемъ періодѣ развитія и предвѣщала близкую смерть, тогда все объясняется; донесеніе докторовъ вполнѣ согласно съ болѣзнію и дѣйствительною причиною смерти ребенка, посаженнаго въ Темпль на мѣсто сына Людовика XVI. Но безъ этого предположенія нельзя понять протоколъ заключающій свѣдѣніе о болѣзни молодаго узника.»

Что касается до коммиссаровъ Армана, Матье и Реверисона, то ни откуда не видно, чтобы они прежде знали принца. Протоколъ составленный Арманомъ находится при дѣлѣ. Какъ бы то ни было, невозможно допустить, чтобы девятилѣтній ребенокъ могъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ хранить абсолютное молчаніе, не произнося ни одного слова и не сдѣлавъ ни одного знака. Это обстоятельство даетъ большую вѣроятность предположенію, что ребенокъ котораго навѣщали коммиссары, былъ нѣмой.

Когда, кѣмъ и какъ былъ сдѣланъ этотъ подмѣнъ?

Извѣстно, что Барра помѣстилъ въ Темпль, въ качествѣ стражи нѣкоего Лорана одного изъ преданныхъ людей Жозефины Богарне.

При дѣлѣ Нондорфа есть три копіи съ писемъ Лорана отъ седьмаго ноября 1794 года пятаго февраля и третьяго марта 1795 г. Вотъ эти письма:

Генералъ!

Письмо ваше отъ шестаго текущаго мѣсяца мною получено слишкомъ поздно, и вашъ первый планъ уже исполненъ. Завтра долженъ вступить новый стражъ; это республиканецъ по имени Комье (Гоменъ) честный малый, о которомъ говорилъ Б. (Барра); но я не имѣю никакого довѣрія къ людямъ этого рода. Я вѣроятно буду находиться въ крайнемъ затрудненіи кормить нашего П. (принца), но во всякомъ случаѣ я употреблю всѣ старанія и вы можете быть покойны. Убійцы устранены и новые муниципалы не подозрѣваютъ, что маленькій нѣмой замѣнилъ Д. Теперь нужно только выйти изъ этой проклятой башни, но какъ? Б. (Барра) говорилъ мнѣ, что вслѣдствіе постояннаго и бдительнаго караула онъ ничего не можетъ предпринять. Если оставить его тамъ на долго, то я боюсь за его здоровье, потому что очень мало воздуха въ томъ мѣстечкѣ гдѣ я его спряталъ и гдѣ самъ Богъ не нашелъ бы его, еслибы не былъ всемогущъ. Онъ обѣщалъ мнѣ скорѣе умереть, нежели какъ нибудь выдать себя; я имѣю основаніе вѣрить ему. Сестра его нечего не знаетъ и благоразуміе заставляетъ меня обращаться съ маленькимъ нѣмымъ, какъ съ настоящимъ ея братомъ. Этотъ несчастный чувствуетъ себя весьма счастливымъ и такъ хорошо безсознательно играетъ свою роль, что новая стража вполнѣ убѣждена въ томъ, что принцъ не хочетъ говорить; такимъ образомъ опасности нѣтъ».

«Пришлите поскорѣе вѣрнаго человѣка, потому что мнѣ нужна помощь. Слѣдуйте совѣту, который онъ передастъ вамъ устно, потому что это единственный путь къ успѣху.»

Башня Темпль 7 ноября 1794 г.

Генералъ!

«Я только что получилъ ваше письмо. Ваша просьба невозможна. Легко было ввести на верхъ жертву, но свести ее оттуда положительно внѣ моей власти, ибо караулъ такъ строгъ, что я боюсь поплатиться. Комитетъ общественной безопасности прислалъ, какъ вы знаете, чудовищъ Матье и Роверисона вмѣстѣ съ А. (Арманъ) чтобы констатировать, что нашъ нѣмой есть дѣйствительно сынъ Людовика XVI. Генералъ, что значитъ

эта комедія? Я погибаю и незнаю что подумать о поведеніи Б. (Барра). Теперь онъ хочетъ вывести нашего нѣмаго и помѣстить на его мѣсто другаго больнаго ребенка. Знаете ли вы объ этомъ? Не есть ли это западня? Генералъ, я боюсь, что трудно будетъ ввести новое лице на мѣсто нашего нѣмаго и подмѣнъ пожалуй обнаружится, если кто нибудь захочетъ изслѣдовать ребенка, не трудно будетъ понять, что онъ глухой отъ рожденія и слѣдовательно естественно нѣмой. Если подмѣнить этого ребенка другимъ больнымъ онъ заговоритъ и это погубитъ нашего полуспасеннаго и меня вмѣстѣ съ нимъ. Пришлите какъ можно скорѣе нашего вѣрнаго и ваше мнѣніе въ письмѣ.»

«Башня Темпль 5 февраля 1795 года.»

Генералъ!

«Вашъ нѣмой счастливо перенесенъ въ Palais du Temple и отлично спрятанъ, онъ останется тамъ и въ случаѣ опасности сойдетъ за дофина. Вамъ однимъ, генералъ принадлежитъ побѣда. Теперь я спокоенъ. Приказывайте я буду повиноваться. Лане можетъ занять мое мѣсто, когда ему угодно. Самыя надежныя мѣры приняты для сохраненія принца въ безопасности. Слѣдовательно я буду у васъ на этихъ дняхъ и передамъ вамъ остальное на словахъ.»

«Башня Темпль 3 марта 1795 года».

Второе письмо находится въ противорѣчіи съ протоколомъ Армана. Въ немъ говорится, что ребенокъ замѣнившій принца былъ глухонѣмой, между тѣмъ изъ протокола видно, что когда ребенку въ первый разъ предложили пройтись по комнатѣ, онъ всталъ и прошелся около двери, слѣдовательно онъ не былъ глухой.

Первое изъ этихъ писемъ даетъ важныя указанія относительно времени вступленія Гомена въ Темпль т.-е. послѣ седьмаго ноября 1794 года.

Грюо де ла Баръ нашелъ въ архивахъ и приложилъ къ дѣлу слѣдующій документъ, подтверждающій сообщаемое въ этомъ письмѣ.

«Извлеченіе изъ журналовъ башни Темпль.»

«19-го брюмера II года (9 ноября 1794) въ семь часовъ пополудни явились ..... члены Коммиссіи исполнительной полиціи Парижа, фамиліи которыхъ были объявлены при входѣ, во исполненіе предписанія Комитета общественной безопасности отъ вышеписаннаго числа о введеніи гражданина Гомена въ должность помощника Лорана по караулу въ башнѣ Темпль.

«Коммиссія постановила ввести Гомена въ должность и привести его къ присягѣ въ томъ, что онъ будетъ вѣрно исполнять возложенныя на него обязанности.»

«Послѣ чего гражданинъ Гоменъ былъ введенъ нами, стражами и гражданскими коммиссарами въ комнату заключенныхъ и проч.»

Подписано: Лоранъ.

Такимъ образомъ Лоранъ былъ еще въ Темплѣ въ то время когда вступилъ въ него Гоменъ. Другой документъ, открытый въ тоже время какъ и предшествующій точно опредѣляетъ число когда Лане замѣнилъ Лорана.

26 Флоріаля III года (31 марта 1795 г.).

Рапортъ

Въ продолженіе мѣсяца жерминаля.

«Лоранъ, комиссаръ, на	11 дней»
«Замѣщенный 11 числа Лане на	20 дней»

Эти бумаги, извлеченныя изъ оффиціальныхъ архивовъ и потому имѣющія значеніе публичныхъ документовъ, неоспоримо опредѣляютъ время вступленія Гомена въ Темпль; это было не въ іюлѣ какъ утверждаетъ онъ въ своемъ показаніи, но въ ноябрѣ. Съ другой стороны это обстоятельство въ значительной степени подтверждаетъ подлинность приложенныхъ къ дѣлу истцами писемъ, такъ какъ показаніе въ нихъ времени вступленія Гомена въ Темпль совершенно совпадаютъ съ показаніемъ оффиціальныхъ документовъ.

Но кто же этотъ генералъ, которому Лоранъ адресуетъ свои письма и который руководитъ дѣломъ освобожденія принца изъ Темпля. Есть предположеніе что это былъ Фротте. Какъ видно изъ мемуаровъ Жозефины и другихъ источниковъ, онъ весьма

настойчиво требовалъ признанія Людовика XVII утверждая, что онъ живъ и освобожденъ изъ Темпля. Этимъ то объясняется, что первый консулъ поступилъ съ нимъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Фротте былъ въ числѣ вандейскихъ вождей и когда Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ, то онъ вмѣстѣ съ другими прислалъ къ нему просьбу о помилованіи. Ему сообщено было оффиціально, что просьба его принята и онъ можетъ вернуться въ Парижъ. Фротте отправился въ Парижъ, но на дорогѣ былъ схваченъ, преданъ военному суду и разстрѣленъ, тогда какъ другіе вандейскіе вожди помилованы.

Въ мемуарахъ Жозефины мы находимъ слѣдующее: первымъ дѣломъ Бонапарта послѣ того какъ онъ сдѣлался консуломъ было умиротвореніе Ванден. Многіе изъ роялистовъ сдались. Фротте не хотѣлъ сдаться безусловно. Онъ объявилъ, что несчастный сынъ Людовика XVI, послѣдній дофинъ, живъ и требовалъ для него корону Франціи. Этого было достаточно, чтобы тотчасъ вычеркнуть Фротте изъ списка получающихъ амнистію. Первый консулъ написалъ ему по этому поводу письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Генералъ» вы внѣ помилованія; все доказываетъ въ настоящее время что юный Людовикъ XVII умеръ въ Темплѣ; никогда вы не найдете себѣ прощенія передъ Богомъ и людьми, желая продолжать эту междуусобную войну. Ваши офицеры готовы сдаться и я вамъ предлагаю послѣдовать ихъ примѣру».

Г-жа Корбьеръ разсказываетъ, что она видѣла въ рукахъ Жозефины отвѣтъ на это письмо: Фротте отвѣчалъ мужу Жозефины, что онъ не долженъ забывать того, что королевскій сирота спасенъ изъ Темпля; онъ умолялъ перваго консула дать міру блестящее доказательство своего великодушія, сдѣлавшись опорою сына Людовика XVI, которому, присовокупляетъ онъ, я останусь вѣренъ до послѣдней минуты моей жизни. Четвертаго декабря 1838 г. въ Times напечатано было письмо одного изъ родственниковъ Фротте, гдѣ подтверждается вышеизложенное объ отношеніи Наполеона къ Фротте, его арестѣ, разстрѣляніи и разсказывается, что Фротте зналъ то мѣсто, гдѣ скрытъ былъ дофинъ.

Во всемъ поведеніи Конвента послѣ смерти Людовика XVI ясно видно, что онъ колебался въ тождествѣ умершаго съ дофиномъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣ того какъ былъ полученъ рапортъ о смерти дофина, со стороны правительства не послѣдо-

вало никакого яснаго и опредѣленнаго сообщенія объ этомъ событіи. Шестаго мессидора III года (24 іюня 1795 г.) т.-е. когда ребенокъ уже умеръ въ Темплѣ 8 іюня Шенье произноситъ съ трибуны слѣдующія слова:

«Въ Ліонѣ организовалось общество злодѣевъ, соединившихся для убійства. Въ этой ассоціаціи религіозныя идеи смѣшиваются съ убійствомъ, крикъ роялизма съ словами правосудія и гуманности. Она вовсеуслышаніе взываетъ къ эмигрантамъ и покровительствуетъ ихъ вступленію на территорію республики.»

Можно ли сомнѣваться, что цѣль этой преступной лиги есть уничтоженіе республики и возстановленіе королевскаго деспотизма, когда всѣ признаки, всѣ свидѣтельства, даже вещественныя доказательства, выясняютъ это до очевидности, когда комитетъ общественной безопасности, не считая тысячи бумагъ, которыхъ благоразуміе не позволяетъ еще обнародовать, имѣетъ въ своихъ рукахъ жетонъ, который долженъ служить для соединенія такъ называемыхъ вѣрныхъ Ліона, когда тотъ, кто вырѣзывалъ его, и тотъ, кто его заказывалъ, находятся въ тюрьмѣ; когда имя Пресси вырѣзано на жетонѣ вмѣстѣ съ именемъ Людовика XVII?!»

Пятнадцать дней какъ дофинъ умеръ и никто не рѣшается говорить объ этомъ событіи, объявить о немъ публично и тѣмъ положить конецъ роялистскимъ происканъ въ Ліонѣ.

Въ протоколѣ засѣданія Конвента отъ 20 мессидора III года (8-го іюля 1795) содержится слѣдующее:

«Засѣданіе открылось чтеніемъ донесеній. Членъ комитета общественной безопасности сообщилъ о рапортѣ командира порта Лоріонъ и командира порта Нантъ и Пембефа. Первый доноситъ, что англичане восьмаго числа этого мѣсяца начали высаживать эмигрантовъ на территорію республики; что англійскій адмиралъ потребовалъ отъ генерала Боне сдачи именемъ Людовика XVII. Онъ отвѣчалъ ему что у него достаточно запасовъ и артиллеріи и что онъ никогда не признаетъ Людовика XVII. Эмигранты, англичане провозглашаютъ имя Людовика XVII и требуютъ отъ республиканскихъ генераловъ сдачи отъ его имени, между тѣмъ со стороны Конвента ни одного протеста, основывающагося на протоколѣ о смерти и протоколѣ вскрытія.

Прокламація генерала Шаретта къ вандейскимъ солдатамъ, которые хотѣли положить оружіе, ясно показываетъ, что въ

Вандеѣ никто не сомнѣвался въ освобожденіи Людовика XVII. Вотъ нѣкоторыя отрывки изъ нея.

«Отступайте же передъ капризами судьбы и несчастіемъ царственнаго сироты, котораго вы поклялись защищать или лучше ведите его плѣннымъ посреди васъ и предайте убійцамъ отца его.»

«Я нисколько бы не удивился, если бы спустя нѣсколько дней несчастнѣйшій сынъ несчастнаго Людовика XVI былъ исторгнутъ вами изъ своего убѣжища и преданъ своимъ врагамъ. Бѣдный ребенокъ! Какая судьба твоя!»

«Единственный и нѣжный отпрыскъ великаго славнаго дерева ты получилъ въ наслѣдство лишь несчастіе и едва избѣгнувъ руки палачей, ты снова дѣлаешься жертвой предательства твоихъ защитниковъ и т. д.»

Эта прокламація была разослана Шареттомъ всѣмъ роялистскимъ вождямъ. Всѣ они знали о спасеніи принца и его существованіи въ концѣ 1795 года.

Чтоже наконецъ значитъ распоряженіе Конвента о розыскахъ и арестѣ Людовика XVII, послѣ того какъ ребенокъ въ Темплѣ умеръ нѣсколько недѣль назадъ? Членъ Конвента писалъ: придетъ день когда находящіеся у меня бумаги могутъ принести великую пользу царственному лицу, которое освобождено изъ тюрьмы. Конвентъ предписалъ розыскать и схватить его, но безуспѣшно. Позднѣе было объявлено, что онъ умеръ въ темницѣ; все это доказываетъ неопровержимо, что лицо это дѣйствительно находилось въ бѣгствѣ и его мнимая смерть есть выдумка; умеръ подставной ребенокъ.

По Тьеру, одинъ роялистскій агентъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ находившимся при немъ ребенкомъ, котораго сочли за дофина; потомъ ошибка была обнаружена и членъ Конвента Хазалъ далъ предписаніе объ освобожденіи въ слѣдующихъ словахъ: въ дѣлѣ ошибка, уполномочиваю васъ освободить и проч.

Подписано: Хазалъ.

Это предписаніе дано 22 мессидора III г. (10 іюля 1795 г.). Такимъ образомъ мѣсяцъ спустя послѣ смерти дофина въ Темплѣ Конвентъ даетъ предписаніе объ арестѣ его. Очевидно Конвентъ не вѣрилъ въ дѣйствительность его смерти.

При дѣлѣ представлена печать и нѣсколько медалей вмѣстѣ съ документами доказывающими ихъ подлинность. На одной сторонѣ этихъ медалей значится: «Людовикъ, второй сынъ Людовика XVI, родившійся 27 марта 1785 г. и на оборотной сторонѣ «освобожденный 8 іюня 1795 г.»

Остановимся на нѣсколько минутъ на обстоятельствахъ погребенія дофина, въ которыхъ также много подозрительнаго. О времени погребенія не было сдѣлано никакого оффиціальнаго объявленія. Оно происходило почти всегда ночью, безъ свидѣтелей. Сторожъ кладбища во время слѣдствія о дофинѣ послѣ реставраціи разсказывалъ, что погребальный кортежъ прибылъ на кладбище въ девять часовъ вечера, чтобъ опустили въ общую могилу въ его присутствіи. Вдова одного изъ могильщиковъ при томъ кладбищѣ показала на слѣдствіи слѣдующее: схоронили его въ темнотѣ, присутствовали очень немногіе. Я легко могла подойти и видѣла гробъ также, какъ вижу васъ. Его опустили въ общую могилу. . . . . Мой мужъ разсказывалъ мнѣ, что онъ въ ту же ночь вынулъ гробъ изъ общей могилы и положилъ въ отдѣльную, мѣсто которой я не знаю.

Есть полное основаніе предполагать, что Наполеонъ I-й несомнѣвался въ освобожденіи дофина изъ Темпля. Вотъ что пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ. (Томъ 1-й ст. 211).

«Жозефина со времени нашего брака старалась меня убѣдить въ дѣйствительности освобожденія дофина, она называла мнѣ имена лицъ, кому былъ переданъ принцъ и въ какомъ мѣстѣ его скрывали. Я пожималъ плечами и видѣлъ въ этомъ разсказѣ только простодушіе легковѣрной женщины. Позднѣе я пожелалъ убѣдиться въ дѣйствительности всего того, что слышалъ объ освобожденіи; я приказалъ принести мнѣ протоколъ вскрытія. Меня удивила эта фраза: *намъ представили тѣло, о которомъ сказали, что* это *сынъ Капета*. Положительно ничего не сказано, чтобы это былъ дофинъ. Я приказалъ разрыть могилу на кладбищѣ св. Маргариты въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ дофинъ. Гробъ еще очень хорошо сохранившійся былъ вскрытъ въ присутствіи Фуше и Савара и оказался пустымъ.»

Не вѣрилъ въ смерть дофина и Людовикъ XVIII. И онъ и герцогиня Ангулемская отказались принять отъ семейства доктора Пельтана сердце ребенка, умершаго въ Темплѣ, которое Пельтанъ взялъ себѣ во время вскрытія и хранилъ какъ сердце сына Людовика XVI. Далѣе, когда хотѣли назначить помино-

веніе по дофинѣ послѣ реставраціи, то папа прямо запретилъ это, такъ какъ никто не считалъ его умершимъ.

Въ виду вышеизложенныхъ фактовъ, при полной несостоятельности показаній Лане и Гомена, а равно и самаго акта о смерти, едвали можно предполагать, что сынъ Людовика XVI умеръ въ Темплѣ. Есть много основаній, какъ мы видѣли допустить, что онъ былъ освобожденъ и перенесенъ вѣроятно въ Вандею.

Но былъ ли Нондорфъ этотъ освобожденный такъ таинственно дофинъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ полнымъ отрицаніемъ. Въ дѣлѣ нѣтъ ни одного факта, ни одного свидѣтельства, которое можно было бы назвать доказательствомъ тождества Нондорфа съ Людовикомъ XVII. Въ самомъ дѣлѣ, что доказали суду Жюль Фавръ и его кліенты? Доказано во 1) часовыхъ дѣлъ мастеръ, неизвѣстнаго происхожденія, безъ паспорта, называющій себя Нондорфомъ, заявляетъ въ Берлинѣ прусскому полицейскому чиновнику Лекоку, что онъ герцогъ Нормандскій сынъ Людовика XVI.

2) Нондорфъ былъ принятъ въ число гражданъ Спандау.

3) Кромѣ полицейскаго свидѣтельства при пріемѣ Нондорфа въ граждане Спандау никакихъ другихъ документовъ представлено не было.

4) Бракъ Нондорфа совершенъ безъ надлежащихъ документовъ,

5) Нондорфъ принятъ въ граждане Бранденбурга.

6) Онъ былъ обвиняемъ въ поджигательствѣ и фабрикаціи фальшивой монеты.

7) Водворенъ на жительство въ городѣ Кроссенъ.

8) Пецольдъ выступаетъ на защиту Нондорфа.

9) Самъ Нондорфъ заявляетъ въ нѣмецкихъ газетахъ, что онъ сынъ Людовика XVI.

10) Сент-Иллеръ, Лапрадъ и Сен-Дидье принимали участіе въ дѣлѣ Нондорфа.

11) Самъ Нондорфъ неоднократно отправлялъ письма къ членамъ бурбонской фамиліи, которыя остались безъ всякаго отвѣта.

Вотъ тѣ факты, которые мы считаемъ доказанными въ настоящемъ дѣлѣ, но отсюда еще слишкомъ далеко до происхожденія Нондорфа отъ короля Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Главное доказательство бумаги, свидѣтельствующія о происхож-

деніи Нондорфа, по словамъ истцевъ, находятся будто бы въ рукахъ прусскаго правительства, но это въ высшей степени не вѣроятное обстоятельство не сопровождается никакимъ доказательствомъ кромѣ заявленія Нондорфа. Другими словами никакихъ доказательствъ королевскаго происхожденія Нондорфа нѣтъ. Вся его исторія, слагающаяся изъ странствованій по Италіи, Германіи, Франціи, Швейцаріи и Англіи, занятія ремесломъ часовщика въ Пруссіи въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ которому онъ неизвѣстно гдѣ выучился, женитьбы въ Спандау на женщинѣ темнаго происхожденія, судебныхъ преслѣдованій по обвиненію въ поджигательствѣ и поддѣлкѣ монеты, тюремнаго заключенія, происковъ во Франціи, приключенія въ Голландіи, гдѣ онъ вступаетъ въ торги съ правительствомъ относительно изобрѣтенныхъ имъ военныхъ снарядовъ — все это даетъ почву для предположенія, что Нондорфъ ничто иное, какъ смѣлый авантюристъ, человѣкъ съ громадными способностями къ интригѣ и обману, изучившій до мельчайшихъ подробностей всѣ событія послѣдней революціи, овладѣвшій нѣсколькими документами того времени и вошедшій вполнѣ въ свою роль, чего не доставало другимъ претендентамъ на права дофина. Это самый ловкій и смѣлый жонглеръ.

Что касается до его защитника Жюль Фавра, то участіе въ этомъ процессѣ не могло прибавить ни одной свѣтлой черты къ репутаціи, которою онъ пользуется въ Парижѣ.

Апелляціонный судъ отказалъ гг. Нондорфъ въ искѣ, основываясь почти единственно на актѣ о смерти и показаніяхъ Лане и Гомена, несомнѣнно будто бы доказывающихъ смерть Людовика XVII въ Темплѣ, не входя въ разсмотрѣніе ни одного изъ документовъ, представленныхъ истцами.

Н. П. Ляпидевскій.

Парижъ 30-го Марта 1874 года.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

О разработкѣ предварительной программы занятій предстоящаго съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ. Во время печатанія настоящей книжки Юрид. Вѣст. поступили въ Юридическое общество нижеслѣдующія предложенія отъ разныхъ лицъ, желающихъ принять участіе въ означенномъ съѣздѣ:

1) Отъ Ординарнаго профессора Варшавскаго Университета, доктора Уголовнаго права С. М. Будзинскаго:

«Аналогія преступности, нарушающая предѣлы между судебною и законодательною властью, по улож. о наказ. не существуетъ».

2) Отъ Экстраординарнаго профессора Варшавскаго Университета, доктора уголовнаго права, В. В. Миклашевскаго:

а) «Исправительные колоніи и пріюты слѣдуетъ основывать отдѣльно для малолѣтнихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ наказанію, отдѣльно же для несовершеннолѣтнихъ нищихъ, бродягъ, нравственно-испорченныхъ дѣтей и проч., къ которымъ можно причислить и малолѣтнихъ, освобожденныхъ отъ наказанія, потому что преступленіе учинено ими безъ разумѣнія».

и б) Постановленіе 718 и 719 ст. уст. угол. судопр. непремѣнно должно быть исполняемо при допросѣ каждаго свидѣтеля, не только для удовлетворенія формъ, но и для дѣйствительнаго полученія со стороны каждаго допрашиваемаго полнаго разсказа обо всемъ, что ему извѣстно по дѣлу.»

3) Отъ ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета, доктора уголовнаго права Н. С. Таганцева:

«Объ измѣненіи системы отвѣтственности для малолѣтнихъ преступниковъ».

4) Отъ доцента С.-Петербургскаго университета И. Я. Фойницкаго:

«О необходимости преобразовать всю нашу систему лишенія правъ, какъ составнаго элемента наказаній по улож. о наказ. уголовн. и исправ.»

5) Отъ присяжнаго повѣреннаго, доктора уголовнаго права В. Д. Спасовича:

а) «О введеніи въ наше уголовное судопроизводство обжалованія, въ кассаціонномъ порядкѣ, опредѣленій о преданіи суду».

б) «О введеніи въ наше законодательство распоряженій имуществомъ посредствомъ договоровъ, на случай смерти.»

и в) «Объ исключеніи изъ 728 ст. уст. гражд. судопр. послѣднихъ словъ ея объ исчисленіи срока на подачу отзыва на заочное рѣшеніе со дня послѣдней публикаціи рѣшенія.»

6) Отъ присяжнаго повѣреннаго К. К. Арсеньева:

«Объ отношеніи адвокатуры къ суду и вообще о значеніи адвокатской корпораціи.»

7) Отъ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента правительствующаго сената А. А. Книрима:

«О необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго въ замѣнъ I ч. X. т. св. зак. гражд. и большей части статей торговаго устава, съ указаніемъ какъ совершить эту работу».

8) Отъ А. А. Боровиковскаго:

«О необходимести передать судебнымъ палатамъ кассаціонное производство по жалобамъ на мировые съѣзды (какъ гражданское такъ и уголовное).»

9) Отъ М. Заруднаго:

«О началахъ преобразованія волостныхъ судовъ.»

10) Отъ сенатора 2-го департамента правительствующаго сената С. Заруднаго:

«Объ изданіи том. X св. зак. дополненнаго, въ самомъ текстѣ статей, всѣми узаконеніями вошедшими въ прод. зак.»

11) Отъ ординарнаго профессора Кіевскаго университета Ѳ. Ѳ. Эргардтъ:

«О недостаткахъ процессуальной стороны медицинской судебной экспертизы.»

12) Отъ экстраординарнаго профессора университета Св. Владиміра В. Г. Демченко:

а) «Объ универсальности и сингулярности наслѣдства, какъ необходимыхъ послѣдствіяхъ одинаковой наслѣдственной принадлежности оставшихся имуществъ.»

и б) Жертвы налагаемыя нашимъ спеціальнымъ межеваніемъ на поземельную собственность и его результаты.»

13) Отъ товарища прокурора Н. Х. Померанцева:

«О необходимости пополнить пробѣлъ въ уст. уголов. суд. существующій относительно опредѣленія правъ судебной защиты третьихъ лицъ.

14) Отъ мироваго судьи А. Н. Обнинскаго:

а) Могутъ ли мировые судьи принимать къ своему производству иски къ отвѣтчикамъ, мѣстожительство коихъ имъ неизвѣстно?

б) Какъ поступить съ землями оставшимися отъ упраздненныхъ большихъ дорогъ?»

в) Должны ли имѣть примѣненіе законы охранительнаго судопроизводства къ охраненію крестьянскихъ наслѣдствъ?

и г) Какимъ порядкомъ должно происходить снятіе принятыхъ мировымъ судьею мѣръ къ охраненію наслѣдства?

15) Отъ товарища предсѣдателя Воронежскаго окружнаго суда Т. Тергукасова разные практическіе вопросы:

а) Съ какого момента купчія и закладныя крѣпости совершаемыя по правиламъ нотаріальнаго положенія (ст. 66, 79, 157 и 159), вступаютъ въ законную силу?

б) Въ какихъ случаяхъ дома и другія постройки, возведенныя на чужой землѣ, считаются недвижимыми имуществами? (ст. 384. т. X. ч. I. и прим. къ 319 ст. т. XII. ч. II. уст. благ. въ каз. сел.).

в) Могутъ ли быть отчуждаемы исполнительные листы и если могутъ то какимъ способомъ?

г) Гдѣ долженъ быть протестованъ вексель, выданный по предъявленіи, въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣсто жительство векселедатель, или бланконадписатель, или же гдѣ написанъ самый вексель? (ст. 585, 615—617, 619, 620 и 623 уст. торг.).

д) При требованіи истцемъ единовременной неустойки 4% и судебныхъ издержекъ вообще, по вексельнымъ дѣламъ, должны ли судебныя мѣста, образованныя по уст. 1864 г., присуждать ему и то и другое? (ст. 664 уст. тор. и 133 и 868 уст. гр. судопр.).

е) Считаются ли правоспособными въ гражданскихъ сдѣлкахъ

лица признанныя, установленнымъ порядкомъ, слабоумными, или же они должны быть приравнены съ безумными, сумасшедшими, и глухонѣмыми и нѣмыми? (ст. 212, п. 2, 376, 377 и 381 т. X. ч. I и 19 уст. гражд. судопр.).

ж) На основаніи 3 п. 277 и 281 ст. т. X. ч. I продажа и залогъ недвижимыхъ имѣній малолѣтняго совершаются не иначе какъ съ разрѣшенія правительствующаго сената. Подчиняются ли этому порядку и опекуны, назначенные надъ имуществомъ безумныхъ умалишенныхъ, глухонѣмыхъ и нѣмыхъ, согласно 2 п. 212 ст. того же т. п. ч. зак.?

з) Подчиняются ли дѣйствію 1336 ст. т. X. ч. I опекуны назначенные надъ имѣніемъ безумныхъ, сумасшедшихъ, глухонѣмыхъ и нѣмыхъ, когда сіи лица призываются къ участію въ раздѣлѣ наслѣдства?

и) Имѣютъ ли право опекуны надъ малолѣтними, безумными сумасшедшими за подопечныхъ отречься отъ наслѣдства?

к) Тяжущіеся, пользующіеся правомъ бѣдности, освобождаются ли отъ обязанности вознагражденія судебныхъ приставовъ, командируемыхъ по ихъ дѣламъ для выдачи повѣстокъ или для исполненія другихъ порученій, согласно 866 ст. уст. гр. судопр.?

Всѣ эти предложенія in extenso будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книжк. Юрид. Вѣст.

Ред.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КОММИССІОНЕРА

ТИПОГРАФІИ II ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ,

И. П. АНИСИМОВА.

ВЪ МОСКВѢ,
на Никольской улицѣ, въ д. Заиконоспасскаго монастыря.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

Спеціальная продажа книгъ законовъ и распоряженій правительства, а равно и всѣхъ прочихъ вновь выходящихъ юридическихъ сочиненій.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Буцковскій. Очеркъ судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 Ноября 1874 г. СПБ. 1874 г. цѣн. 3 р. 50.

Временникъ Демидовскаго юридическаго лицея книга VI. Ярославл. 1874 г. цѣна 2 р. 50 к.

Гоголинъ. Сборникъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, касающихся домашнихъ наставниковъ, наставницъ учителей и учительницъ Москва. 1874 г. цѣна 50 к.

Договорное Право по рѣшеніямъ кассаціоннаго Сената. Владиміръ 1874 г. цѣна 2 р. 50 к.

Думашевскій. Продолженіе 1871—1873 г. рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ, вышедшія по 1-е Іюля 1873 СПБ. 1873 г. цѣна 5 р.

Думашевскій. Систематическій сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената 1866—1873 г. т. I. изд. II. СПБ. 1874 г. цѣна 4 р.

Капустинъ. Международное право. Ярославль 1873 г. цѣна 50 к.

Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи СПБ. 1874 г. цѣна 2 р. 50 к.

Крафтъ-Эбингъ. Начало уголовной Психологіи для врачей и юристовъ СПБ. 1874 г. цѣна 1 р.

Любавскій. Уголовныя дѣла изъ практики Тульскаго окружнаго суда. Тула 1874 г. цѣна 1 р.

Леванда. Полный Хронологическій Сборникъ законовъ и положеній, касающихся Евреевъ отъ уложенія царя Алексѣя Михайловича до настоящаго времени отъ 1849 — 1873 г. СПБ. 1874 г. цѣна 4 р.

Липскеровъ. Дѣло Мясниковыхъ и Карагановыхъ въ Московскомъ окружномъ судѣ. Москва 1873 г. цѣна 50 к.

Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства т. I. СПБ. 1874 года.

Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій заключенныхъ Россіею съ иностранными державами по порученію Министерства Иностранныхъ дѣлъ СПБ. 1874 г. цѣна 3 р.

Мартыновъ. Очеркъ дѣйствующаго въ царствѣ польскомъ уголовнаго судопроизводства и судоустройства. Варшава 1874 г. цѣна 75 к.

Милютинъ. Руководство къ веденію дѣлъ со стороны казны по нарушенію Лѣснаго устава и вообще доходныхъ ея статей съ прибавленіемъ образцовъ и формъ въ двухъ частяхъ СПБ. 1874 г. цѣна 1 р. 25 к.

Наке. Судебная химія. М. 1874 г. цѣна 1 р. 20 к.

Сборникъ Правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ т. XII съ 1 Января 1871 г. по 1 Янв. 1873 г. СПБ. 1874 г. цѣна 85 к.

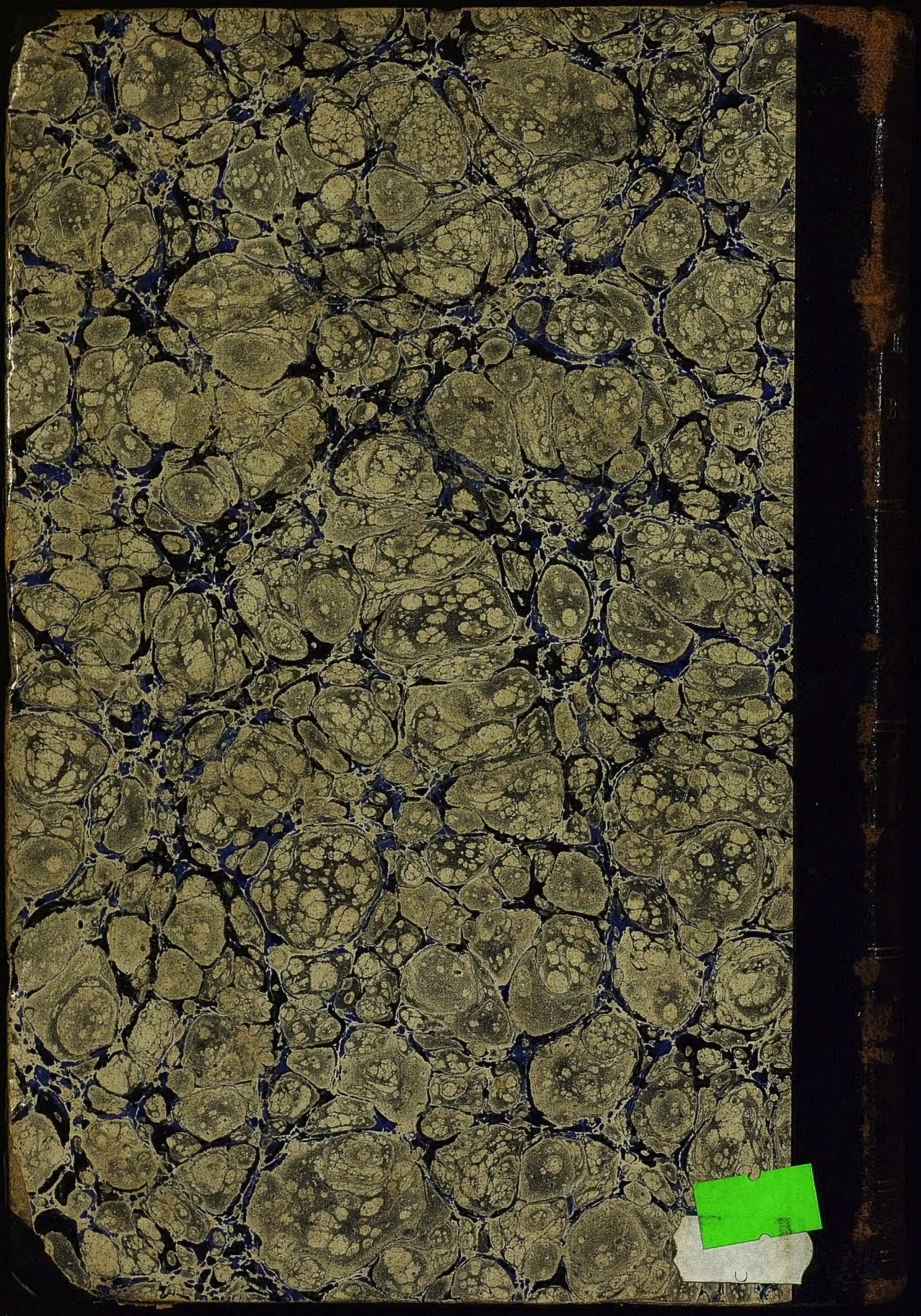
Сборникъ Документовъ древней Шермянской дачи СПБ. 1873 г. цѣна 3 р.

Сборникъ Законовъ Межевыхъ т. X ч. 3-я изд. Дементьева СПБ. 1874 г. цѣна 4 р.

Хронологическій Указатель постановленій совѣта государственнаго контроля 1866—1872. СПБ. 1873 г. цѣна 2 р. 50 к.

Чичеринъ. Исторія политическихъ ученій ч. 3-я Москва 1874 г. цѣна 3 р.

Чудавскій. Алфавитный указатель къ сборнику циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ за 1858—1868 г. СПБ. 1874 г. цѣна 75 к.

Чудьскій. Сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ за 1865 и 1868 г. СПБ. 1874 г. цѣна за 2 тома 5 р. 50 к.

000159988
ЮФ СПБГУ